

**ELDRITCH
MOON**
COLLECTED STORIES

1. АРХИМАГ ЗОЛОТОЙ НОЧИ.....	3
2. КАМЕНЬ И КРОВЬ	26
3. ЯВЛЕНИЕ ЭМРАКУЛ	54
4. ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА ИННИСТРАДА	72
5. ПОХОД ВОЗМЕЗДИЯ.....	90
6. СВЯТОЙ ТРАФТ И СОНМ КОШМАРОВ	106
7. БИТВА ЗА ТРЕЙБЕН	133
8. ОБЕТОВАННАЯ ГИБЕЛЬ	146

АРХИМАГ ЗОЛОТОЙ НОЧИ

BY KIMBERLY J. KREINES

Мир Иннистрад все глубже погружается в бездну безумия. От сектантов до катаров, ни один разум не защищен от этого проклятья. Даже ангелы стали его жертвой. Сама Авацина лишилась рассудка и превратилась из защитницы в чудовище, несущее смерть и невообразимые разрушения даже самым верным членам собственной церкви. Ее пришлось уничтожить. Лишившись ангельского защитника, Иннистрад оказался открытым всем силам тьмы. Теперь те немногие обитатели мира, кто еще сохранил ясный разум, задаются вопросом: что это, конец? Мир вышел из равновесия и начал последнее путешествие в бездну. Люди молятся о пришествии кого-то, кто будет могущественным и добрым, кто займет место Авацины и защитит их от темного безумия.

Наши дни

Запах крови ангела. Во всей Мультивселенной не было ничего подобного: резкий букет, сладкий и соленый, приправленный остротой и едкий от могущества. Запах ударил в широкие волчьи ноздри Арлинн, когда она бежала по крутому склону ущелья в сторону осажденного города Ламбхольт. Почувствовав его, она зарычала и выругалась. Она слишком задержалась. Это она должна была пустить кровь, повалить ангела, насладиться гневом. Она была защитницей Уленвальда.

«Быстрее».

Арлинн видела, как безумный ангел подлетает к Ламбхольту, как божественное создание пикирует вниз, мимо крыш и колоколен. Раздались крики ужаса и вспыхнул свет. Через несколько мгновений ангел взмыла в небо. Ее крылья были в крови, а меч пылал. Помедлив, она вновь устремилась вниз.

[Ангел Огненного Клинка](#) | Иллюстрация: [Синтия Шеппард](#)

Арлинн не видела, что происходит на улицах, но хорошо могла себе это представить. Все безумные ангелы вели себя одинаково. Они были сломлены, безутешны, они носились по небу и оплакивали смерть Авацины. Казалось невероятным, что архангела больше нет, но в ткани Иннистрада ясно ощущалась прореха. И эта дыра быстро заполнялась криками беззащитных людей, ревом пламени и безумным хриплым хохотом лишившихся рассудка созданий.

Отчаянный звук рога катара — она узнала характерную трель Золотой Ночи — подстегнул Арлинн. Возвав к силе леса, она почувствовала, как наливаются силой мышцы ног, и быстрее побежала вверх по склону. «Быстрее». Но она боялась, что уже опоздала. Пролилась кровь, и это была не только кровь ангела. Кровь людей. Катаров. Арлинн хорошо представляла их себе: в руках — священное оружие, на губах — магические заклинания. Но они не получают силы, о которой молятся, потому что Авацина уже не может ответить на их молитвы.

Годами раньше

«Арлинн Корд, сегодня ты явилась сюда на зов нашей священной защитницы, Авацины. И нет в мире величайшего благословения, чем то, что ты получишь. Сделай шаг вперед».

Стоящий у алтаря Золотой Ночи архимаг Ривс жестом пригласил Арлинн присоединиться к нему и архимагу Ремберту. Архимаги не подозревали, насколько важным для Арлинн был этот момент. Она не могла объяснить им, да они бы никогда и не поняли сами. Для нее это означало гораздо большее, чем причащение святости архангела, пусть само по себе это и было выдающимся событием. Для нее это означало свободу. Но если бы она попробовала объяснить это стоящим перед ней служителям церкви, то все закончилось бы.

Арлинн разогнулась из покорного поклона и поднялась по лестнице к двум архимагам. Ривс не смотрел на нее, зато Ремберт с улыбкой на тонких губах заглянул ей в глаза. Арлинн, пытаясь скрыть дрожь, ответила своей улыбкой. Она искала взглядом знакомые предметы, чтобы успокоить поочередно накатывающие на нее волны страха и предвкушения. Часовня на Элгодском поле была небольшой, но ее никак нельзя было назвать скромной. Алтарь сиял золотой отделкой, и на нем красовался символ Авацины. Плотная белая ткань свисала вдоль стен с полотка, создавая ощущение защищенного алькова, заполненного облаками благовоний — спокойных, но мощных.

«Во имя Авацины и силой, возложенной на меня ее священной церковью, я налагаю на тебя это благословление», — начал читать нараспев архимаг Ривс. Арлинн хорошо знала эти слова. За прошлые годы она слышала эту молитву бесчисленное множество раз — единственный катар, присутствовавший на каждой церемонии благословления архимагов. Она смотрела, как те, кто ушел до нее, стояли у алтаря и причащались святая святых. Каждый раз она задавалась вопросом, наступит ли когда-нибудь ее очередь. Каждый раз, сидя на ближайшей к алтарю скамье, она сомневалась в себе, и на той же скамье напоминала себе, что должна верить в силу Авацины. И вот ее время пришло.

Архимаг Ривс поднял золотую цепочку с сияющим медальоном, знаком Золотой Ночи. «Арлинн Корд, прими же этот медальон, символ бесконечной любви и неустанной защиты Авацины».

В нужный момент Арлинн склонила голову, и Ривс надел цепочку ей на шею. Медальон оказался тяжелее, чем она предполагала. Она чувствовала его вес на груди и ощущала его священную силу. Это была та сила, к которой она нуждалась. Сила, за которой она пришла сюда. Свет. Добро. Истина.

Арлинн знала, что должна оставаться недвижимой в течение всей церемонии, но не смогла удержаться от того, чтобы потрогать медальон, ощутить его в своей ладони, провести пальцами по окружности. Он был прекрасен, чист... и он принадлежал ей.

Рука архимага Ремберта легла ей на плечо.

«Я тобой очень горжусь», — прошептал он, пока Ривс продолжал читать молитвы.

Арлинн захлестнули эмоции, и комок в горле не дал ей ответить, но она встретила глазами с Рембертом и взглядом выразила ему благодарность. Он был с ней уже много лет — наставник, направляющий ее, терпеливый с ней и помогающий развивать свои силы. Он знал ее лучше, чем кто-либо еще... и все же он не знал всей правды.

Арлинн резко отвела глаза. Сколько раз она хотела сказать ему... Но не могла. Если бы он узнал правду о ней, о том, кем она была, то ему пришлось бы вступить с ней в бой. Комок эмоций в горле провалился ниже, в грудь, где превратился в холодную как лед вину. Арлинн попыталась прогнать ее. Она обещала себе, что после этой ночи больше не будет чувствовать себя виноватой, но это оказалось не так просто, как она надеялась. У нее в голове пронеслись образы сотен берегов — она сделала их сама, чтобы побороть проклятье ликантропии. Блаженство, когда лунный свет касался ее кожи. Вой, который она слышала поздними ночами. Она должна была держать это в секрете от всех, кто ее окружает. Должна была. Ликантроп не может стать архимагом Золотой ночи — а именно архимагом Золотой Ночи хотела стать Арлинн. Это благословение могло спасти ее от проклятья.

Благословение Авацины было сильнее, чем дремавшее в ней зло. Оно должно подавить дикие порывы. Все эти годы Арлинн шла именно к этому. И после сегодняшней ночи она снова сможет себе доверять. Полностью и до конца.

Она выдохнула, и ей показалось, что она задержала дыхание на годы. Вновь посмотрев на Ремберта, она выдерживала его взгляд все то время, что Ривс заканчивал ритуал Золотой Ночи.

— А теперь мы вместе помолимся, — Ривс кивнул Арлинн, и вместе они начали заключительную молитву. — Всеблагая Авацина, священная защитница, дарующая нам силу. Мы...

— Нападение! — крик прорезал наполненный благовониями воздух, и плотная белая ткань взлетела вверх, впуская ворвавшийся в ведущую к алтарю дверь порыв холодного ветра. — Дьяволы в Хавенгуле! Целая орда!

Кричал катар Лейтон, бежавший по проходу к алтарю с мечом в руке.

— Сонм Золотой Ночи зовет вас, — он споткнулся, взбегая по ступенькам к Ривсу. — Они просили прислать всех арихмагов!

— Значит, мы выдвигаемся в путь!

Ривс сорвал церемониальную мантию и поспешил за Лейтоном по проходу.

Ремберт последовал за ним.

— Архимаг Корд, твой меч!

Арлинн вздрогнула. Это была она. Он звал ее. Ее, архимага.

— Но молитва! Мы не закончили.

Она знала, что в такой момент это звучит ужасно глупо, но ее переполняли эмоции, а голова шла кругом. Она столько времени ждала этого, а теперь ее словно оставили болтаться в воздухе — как торчащую из дорожного плаща нить, которая может и оторваться, и распустить весь плащ целиком. Арлинн надо было знать, что дело сделано. Надо было понимать, что она — архимаг, окончательно и бесповоротно.

Ремберт раскрыл рот, словно собираясь ее пристыдить, но его взгляд стал мягче, когда он увидел ее глаза. Он остановился у двери.

— Сегодня вечером ты спрашивала меня, верю ли я в то, что ты готова стать архимагом Золотой Ночи.

Арлинн кивнула:

— Да, спрашивала.

— Я ответил тебе — и так я считаю до сих пор. В моей голове ты уже была архимагом, когда только прибыла сюда. Я впервые встретил столь талантливую и многообещающую ученицу. А теперь и в твоём имени есть то, что давно было в твоём сердце. Ты — архимаг Золотой Ночи, Арлинн, священными узами крепко связанная со всеми нами и с архангелом, навсегда. Пусть церемония не завершилась, но теперь все официально.

Арлинн попыталась улыбнуться:

— Здорово.

Все официально. Что ж, с этим можно было жить. Хотя ей хотелось бы сильнее это прочувствовать. Она всегда представляла, как в этот момент в нее вольется поток силы и свободы.

— И Золотую Ночь зовут в путь, — Ремберт открыл дверь. — Мы должны отправляться.

— Да, должны, — Арлинн устремилась по проходу.

Когда они выбежали за дверь, Ремберт откашлялся.

— Впрочем, с моей стороны будет халатностью не закончить работу церкви и не прочитать последнюю молитву.

— Что? — Арлинн взглянула на архимага.

— Повторяй за мной. На ходу. Всеблагая Авацина, священная защитница... — начал Ремберт.

Вместе они прочитали молитву Авацине, произнося перемежающиеся тяжелым дыханием слова, пока бежали через Элгодское поле к конюшне. Залезая на лошадь, Арлинн была архимагом. Она чувствовала это в своей душе.

Город Хавенгул горел. Как и предупреждал Лейтон, сонмища зловредных дьяволов свисали с каждой ветки, раскачивались на стропилах и плясали на улицах. Дюжина или около того демонов скакали по самым высоким крышам городка и запускали огненные шары во все, что еще не горело, — и просто чтобы подбавить огня. Один прыгнул на голову старика и разорвал ему лицо острыми, как иголки, пальцами, а еще двое в этот момент повисли у того на руках, чтобы не дать сбросить обидчика. Другой дьявол играл с теряющим сознание юношей. Он своими грязными когтями вырезал на его коже нечестивые узоры, пуская ровно столько крови, чтобы тот оставался жив, но причиняя такую боль, что тот хотел умереть. Смех дьяволов несся над трещащим пламенем, и им был нипочем удушающий дым, сваливший на колени большинство горожан. Арлинн сразу возненавидела тварей.

Иллюстрация: [Филип Бурбуран](#)

Сонм Золотой Ночи прибыл на место незадолго до конницы, и архимаги с катарами вступили в битву под предводительством ангелов. Прежде всего необходимо было устроить убежище. Ангел Фрейдалия благословила небольшую церковь, наложила на нее защитное заклинание, и по приказу Ремберта Арлинн и остальные начали уводить людей в безопасное место. Сначала нужно было спасти беззащитных, а уже потом приступить к истреблению зла.

Арлинн пробралась к горящему остову перевернутой кареты и просунула руку под раскаленное дерево, пытаясь найти безвольную ладонь маленького мальчика. Сверху парила ангел Олейла, сдерживая толпу дьяволов готовых посыпаться вниз с ближайшей крыши.

— Я не смогу держать их долго! — крикнула Олейла Арлинн.

Одного дьявола она пронзила копьем, но тут же еще четыре прыгнули вперед и схватились за ее оружие, пытаясь вырвать копье из рук.

Арлинн потянулась к мальчику, пытаясь достать его. Нужно было торопиться.

— Дай руку, — взмолилась она.

Ребенок замотал головой. Карета громко затрещала.

— Эти дьяволы! Они сожгут меня своим огнем, если я вылезу.

Арлинн не хотела говорить, что если он не вылезет, то его уж точно ждет огненная смерть. Ей не хотелось пугать мальчика еще сильнее.

— Я знаю, что ты боишься, — сказала она, — но бояться не надо. Видишь ангела наверху? Мы с ней тебя защитим.

Она вновь попыталась достать его руку, но маленький мальчик весь сжался.

— Но вас всего двое, а дьяволов вон сколько!

Он выглянул в щель в дереве, и в этот момент горящая балка отвалилась от кареты и обрушилась на землю рядом с Арлинн, обдав ту искрами.

У них заканчивалось время, но Арлинн не могла заставить мальчика довериться ей. Тогда она обратилась к вере.

— Ты знаешь про Авацину? — спросила она.

Мальчик кивнул.

— Тогда ты должен знать, что она гораздо сильнее меня и даже сильнее священных ангелов. Авацина поможет тебе, если не сможем мы.

Мальчик задумался над словами Арлинн. Она не знала, что творится за его большими карими глазами, и могла лишь надеяться, что смогла его убедить.

— Повторяй за мной молитву, — предложила она. — Мы вместе попросим Авацину о помощи.

Она выбрала самую простую из известных ей молитв, надеясь, что мальчик ее тоже знает.

— Всеблагая Авацина, мы молимся тебе в час нужды. Мы просим тебя...

— Откуда ты знаешь? — прервал ее мальчик. — Откуда ты знаешь, что она поможет? И мне нужен честный ответ. А не то, что ты сейчас придумаешь, чтобы я вылез. Я знаю, как все устроено у взрослых, и не хочу оказаться в когтях дьяволов, просто потому что ты так говоришь.

Теперь уже Арлинн внимательно посмотрела на мальчика. Она слышала, как наверху яростно хлопают крылья Олейлы, и чувствовала жар демонического пламени. Но взгляд ребенка давил не нее сильнее, чем все это.

— Я отвечу тебе так серьезно, как только могу, — сказала она. — Я знаю, что Авацина поможет, если молиться, потому что однажды она помогла мне. Со мной случилось кое-что очень плохое, и я боялась, что осталась одна. Но потом я узнала, что это не так. Авацина спасла меня.

Карета опасно наклонилась.

— Скорее, архимаг Корд! — прокричала сверху Олейла.

— Дай руку. Пожалуйста, — Арлинн вытянулась изо всех сил, кончиками пальцев почти касаясь детского локтя.

— Ты — архимаг? — сомнение на лице мальчика сменилось выражением изумления.

— Да. — Арлинн кивнула на болтающийся на шее медальон. На спину ей давили провисающие горячие доски.

— Хоть что-то, — сказал мальчик. — Здорово.

Он осторожно и медленно пополз к ней. Арлинн затаила дыхание, когда его маленькая ручка коснулась ее.

Карета застонала, словно раненый зверь. Арлинн пробормотала собственную молитву. *«Всеблагая Авацина, дай мне сил спасти это невинное дитя».*

Она почувствовала, как оживает на груди медальон архимага. Глубоко в душе проснулось благословение Авацины. Громким голосом Арлинн произнесла

новую молитву: «Защитница нашего мира, сохрани нас на пути к твоему убежищу». Благословение превратилось в переполняющий ее поток священной силы. Крепко взяв мальчика за руку, Арлинн выдернула его из-под кареты с такой мощью, что оба покатались по земле. За ними обрушились горящие останки.

Ангел Олейла спикировала вниз, укрывая Арлинн и мальчика от пылающих щепок и бросившихся в атаку дьяволов. Мальчик завопил.

— Все хорошо, — Арлинн зарылась в спутанные волосы мальчика, вдыхая запах его жизни. — С тобой все будет хорошо.

Она качала ребенка и гладила по лицу.

— Сейчас мы отнесем тебя в церковь. Арлинн убрала руку со лба малыша, и у нее перехватило дыхание. Все пальцы были в крови. Сердце словно остановилось, не желая продолжать биться, пока она не убедится, что мальчик жив. Арлинн осмотрела его голову в поисках раны, потом плечи и шею. Ничего. Но крови стало больше. Потом еще больше. Красная капля упала на руку Арлинн. Она посмотрела вверх.

Олейла кувыркалась в воздухе, а в спину ей вцепился дьявол. Его пальцы-иголки впивались ангелу в волосы. Второй дьявол запрыгнул ей на ногу, третий — на плечо. Все они рвали ее чистую плоть своими мерзкими когтями. Олейла закричала.

Арлинн никогда не видела, чтобы у ангела текла кровь. Ей было больно, словно ей самой располосовали лицо, словно это ее мучительный крик разносился над городом.

Капля крови упала на щеку Арлинн. Она чувствовала ее запах — кровь ангела пахла лесными деревьями, воздухом небес и водой моря. Это был пьянящий аромат, тяжелый от священного могущества. Ему не место было в этом мире, вне тела ангела. Арлинн, отчаянно выкрикивая имя Олейлы, хотела броситься на помощь. Но потом она вспомнила про мальчика, вцепившегося ей в плечо. Она взглянула на его лицо, измазанное ангельской кровью.

— Спасай ребенка, архимаг Корд! — прогремел сверху голос Олейлы. Это был приказ, но за ним последовала просьба. — Арлинн, прошу тебя, сначала спаси ребенка.

Арлинн оставалось лишь отвести глаза от зрелища дьяволов, рвущих ангельскую плоть. Если бы она задержала взгляд еще хоть на мгновение, то уже не смогла бы выполнить приказ Олейлы. Она вновь протянула руку мальчику.

— Идем со мной.

На этот раз он не колебался. Пробираясь за ней через центр Хавенгула, бегом устремившись к убежищу, он повторял своим тонким голоском:

— Всеблагая Авацина, прошу тебя, помоги ангелу. Не дай демонам выпустить из нее кровь. Ей же больно!

Наши дни

— Во имя Авацины, павшей защитницы, я сражу вас всех!

Вопли безумного ангела доносились до Арлинн, когда та пересекала ущелье. Она рванулась вперед, но резко остановилась, цепляясь когтями за подлесок, когда перед ней вдруг открылась поляна. Безумный ангел стояла в центре кольца деревьев. Арлинн присела, чтобы не высовываться из-за кустов. Незаметность давала ей преимущества. Она глядела через ветки, ртом жадно вдыхая пропитанный запахом ангельской крови воздух. Ангела связали веревками, из живота у нее торчала стрела, а крылья были в крови. Со всех сторон с обнаженным оружием ее окружали катары. И несмотря ни на что, ангел казалась сильнее. Это было существо невероятной силы, а безумие делало ее еще могущественнее.

[Подрезать Крылья](#) | Иллюстрация: [Говард Лайон](#)

— Нечистые! — закричала ангел на катаров. — Вы все нечистые!

Ее меч полыхнул огнем, и она попыталась вырваться из веревок. Она завизжала, и от этого вопля яростной злобы у Арлинн поднялась шерсть на загривке.

Инстинкты Арлинн велели ей защитить катаров. Обнажив зубы, она кралась через кусты, выбирая момент. У нее было не так много времени, прежде чем нужно будет нанести удар.

— Держите ее крепче!

Знакомый голос заставил Арлинн замереть. Она насторожила уши.

— Не отпускайте веревки!

Лапы Арлинн словно онемели. Это было невозможно! Но нельзя было не узнать архимага, которого скрывала фигура ангела, когда он вышел вперед, раздавая приказы катарам.

— Лучники, целься!

Лицо Ремберта было красным от напряжения и покрытым грязью, но три длинных белых шрама пересекали его щеку и челюсть и сияли в свете луны.

У Арлинн от этого зрелища и нахлынувших воспоминаний закружилась голова. Поджав хвост, она отступила в тень больших деревьев. Задняя нога наступила на ветку. Не будь Арлинн так поражена видом Ремберта, сработали бы ее инстинкты хищницы. Они бы направили тело, перенесли бы вес... но в этот миг она была больше человеком, чем зверем, и человеческий разум был потрясен, отвлечен и сработал слишком медленно. Ветка треснула, и ангел мгновенно вскинула голову. Ее глаза вперлись в темноту там, где пряталась Арлинн. Зловещая улыбка пробежала по лицу ангела. Она подняла руку.

— Чудовище, — наставила она палец на Арлинн. — Там, среди деревьев! Чудовище!

Несколько катаров обернулись, чтобы взглянуть, среди них — и Ремберт. Он знал, кого искать, поэтому первым заметил вервольфа в деревьях. Не отводя взгляда от глаз Арлинн, он поднял руку к лицу и провел пальцами по самому длинному шраму. По спине Арлинн пробежал холодок.

— Гля! Вервольф! — закричал один из катаров, выводя Арлинн из состояния транса.

Служители церкви инстинктивно отступили от вервольфа назад — и оказались рядом с ангелом. «*Нет!*» — хотела закричать Арлинн, но у нее получился бы рык, и это только испортило бы дело. Хотя хуже уже было некуда. Этого

момента потерянной бдительности ангелу хватило. В могучем рывке она расправила крылья, разбросав связывающие ее веревки.

— Держите ее! Хватайте веревки, — закричали катары, но было уже поздно.

Ангел взлетел в воздух. Паря над поляной, она вырвала стрелу из живота и швырнула ее в самую молодую из катаров.

— Нечистые! Я истреблю вас!

Арлинн взвыла, когда молодая девушка бездыханной упала на землю. Ее дикая сущность взяла верх, и она бросилась на ангела, раскрыв пасть — но в пасти вдруг оказалась толстая ветка. Ремберт, вооружившись импровизированной дубиной, стоял у нее на пути. Он вырвал из зубов Арлинн свое орудие и замахнулся снова. Та увернулась, но поскользнулась на мокрой от крови ангела земле, и ее задние лапы уехали вперед. Извернувшись, она поднялась на ноги, и тут третий удар Ремберта обрушился ей на хвост. Она взвизгнула от боли.

— Взять ее! — крикнул Ремберт катарам, размахивая своей палицей, от которой Арлинн пыталась скрыться за пнем. — Держите чудовище!

Засверкали клинки и полетели стрелы — часть в ангела и часть — в Арлинн.

«*Стойте!*» — она хотела сказать Ремберту, чтобы тот остановился. Хотела сказать, что она — уже не то чудовище, которого он узнал когда-то. На самом деле она никогда им и не была.

Годами раньше

— Держи его! Держи мальчика! — архимаг Арлинн Корд впихнула ребенка в протянутые руки Ремберта. Она не стала ждать, пока тот отведет его под безопасную крышу церкви. Развернувшись и выхватив меч, она побежала вниз по ступенькам.

Дым от дьявольских пожаров застилал взор, но не настолько, чтобы не видно было развернувшейся ужасной картины. На Олейле висело не меньше дюжины дьяволов. Они таскали ее за волосы, вырывали перья и терзали кожу.

— Нет! — закричала Арлинн. — Убирайтесь!

Расхохотавшись, дьяволы принялись швырять в Арлинн огненные заклинания. Отражая огонь мечом, она наступала на них, приближаясь.

— Сейчас вы у меня досмеетесь!

Словно отзываясь на ее слова, твари жутко завывали. Их тощие ноги тряслись от восторга. Тот, что сидел у Олейлы на голове, показал на Арлинн и завопил. В его визге другие услышали одним им понятный приказ. Они дружно навалились на крылья ангела, потянули вниз, и Олейла, потеряв равновесие, с высоты свалилась на землю. Дьяволы завизжали от радости, когда она покатилась по грязи, не в силах снова подняться в воздух.

Арлинн бросилась в бой, всю свою божественную мощь, всю энергию направив в свой клинок. Она молилась.

«Направь меня, Авацина. Дай мне свою священную силу. Сейчас она нужна мне, как никогда».

Женщина бежала через дьявольский огонь, не боясь обжечься. Первого врага она с разбега пронзила насквозь. Вытащив меч, она зарубила второго. Потом третьего. Но прежде чем она успела нанести новый удар, на нее градом посыпались дьяволы, попрыгавшие с крыш.

Арлинн еле хватило времени прочитать безмолвную молитву: *«Их слишком много Авацина. Помоги мне!»*. Сзади, прорвав куртку, ее схватили острые пальцы-иголки. Развернувшись, она хотела разрубить дьявола, но тот вцепился ей в спину. Она почувствовала, как к весу одной твари присоединяется вторая, потом третья. Раскаленные хвосты били ее по шее. Когти впивались в плечи и спину, стараясь повалить назад. Отвратительный хохот звенел в ушах, и она не удержалась на ногах.

«Прошу тебя, Авацина!»

Ответа не было.

Боль была ужасной, но еще хуже было видеть, как ангел безуспешно борется с навалившейся на него кучей врагов. Там, где виднелся чистый белый цвет Олейлы, теперь была только красная кровь и красная кожа дьяволов.

— Нет! — Арлинн пыталась встать, но на нее тоже навалились дьяволы. У нее по щекам что-то текло — кровь или слезы, она не знала. Это было неправильно. Так не должно было случиться. Она была архимагом Авацины.

«Авацина!» — Арлинн, сопротивляясь укусам и царапинам, добралась до медальона на шее. Ее пальцы сжали символ Золотой Ночи.

«Авацина, помоги, умоляю!»

Она ждала, открывшись силе защитницы... ей нужна была эта сила, чтобы спасти ангела. Но сила не пришла.

Олейла, наконец, закричала, больше не в силах терпеть пытку. Арлинн не могла добраться до нее. Захлебывающийся от боли вопль ангела расколол ночь пополам.

Арлинн ощутила силу мучений в крике Олейлы — и сама раскололась, словно ночь.

Вервольф бросился на дьяволов. Щелкающие зубы. Вцепиться в глотку ближайшего демона. Оторвать голову от тела. Запустить через весь двор.

«Еще!»

Когтями вспарывать животы. Отрывать хвосты. Отбрасывать тела с дороги.

«Еще!»

Перекусывать кости.

Рвать мясо.

Ломать хребты.

Швырять трупы.

«Еще!»

Перья.

В пасти вервольфа оказались перья.

Вкус крови ангела. Опьяняющий. Горячий нектар. Безупречный.

В глазах ангела был шок. Она ринулась в сторону, вверх, но слишком медленно. Когти вервольфа вонзились в ее ногу, разрывая кожу на голени и крепко впиваясь в мышцу. Он испытал ни с чем не сравнимое удовольствие, изуродовав столь безупречную кожу. Вервольф притянул ангела назад, повалил на землю и вонзил зубы в ее плоть.

— Отойди!

Вервольф повернулся на звук голоса. Он увидел человека, мужчину с поднятым мечом. Одним ударом вервольф вспорол ему живот до самой груди. Хлынула кровь, и внутренности повалились на землю.

«Еще!»

Вервольф вновь повернулся к ангелу, но приближались новые люди. Сверкнул меч, но вервольф выбил его из руки нападавшего, отправив в полет, а потом мощным рывком оторвал от тела саму руку. Человек упал. Вервольф с

силой наступил на оторванную конечность, чтобы услышать, как ломается кость. Тело он изорвал когтями.

Другой человек бросился на вервольфа, и его щит и меч сияли слепящим светом. Одним прыжком вервольф оказался за его спиной. Выпад, удар когтями, и безжизненное изломанное тело упало к ногам зверя.

«Еще!»

Один за другим. Вервольф не пощадил никого.

[Арлинн. Избранница Луны](#) | Иллюстрация: [Вайнона Нельсон](#)

Вдруг разряд ударил в вервольфа откуда-то сверху, и тот испустил злобный рев. Еще один разряд — на этот раз в спину зверю. Ангел восстановила силы и поднялась в воздух. Вервольф зарычал. Ангел парила в небе, и из-под запекшейся на коже корке из грязи и крови исходило золотое сияние. Она навела на зверя свой луч священного света.

Вервольф подпрыгнул в воздух, бешено молотя лапами, пытаясь достать сияющего ангела. Сначала цели достигли его когти, потом зубы. Укус — и кончик крыла остался в пасти зверя. Перья, хрящи и полный рот ангельской крови.

Ангел потеряла высоту. Вервольф прыгнул вновь, на этот раз метя в другое крыло... и оторвал его начисто. Священное создание обрушилось с неба на землю.

Вервольф медленно шел к упавшему ангелу, а та с трудом поднялась на ноги, шатаясь, хромя, попыталась побежать, взлететь — но упала. Вервольф прыгнул, пригвоздив ангела к земле. Зубы вонзились в мягкую плоть. Крик ангела стал идеальным дополнением ко вкусу ее крови.

Вервольф никак не мог насытиться.

— Архимаг Корд?

Голос привлек внимание вервольфа. Голодный зверь повернулся. Человек в доспехах и мантии указывал на него дрожащим в руке мечом.

— Арлинн?

Вервольф склонил голову на бок. Ему не нравилось имя, которое произносил человек. Оно ранило, словно нож.

Человек поднял руку, указывая вервольфу на грудь.

— Ради всего святого, это же ты!

Вервольф зарычал, но его взгляд проследовал за пальцем. Он увидел медальон, висящий на цепочке на шее. Что-то всплыло из глубин звериного разума. «Авацина». Зверь щелкнул зубами, отводя глаза. Взгляд опустился на землю. На тела. Всюду вокруг были тела. Убитые катары. Их было так много! Она знала их всех. Лейтон. Ривс.

Ее разум горел.

Нет.

Нет.

— Арлинн... что же ты наделала?!

Вервольф в ярости поднял глаза на Ремберта. Зачем он явился сюда? Зачем заговорил? Это все была его вина! Зверь низко зарычал, вздыбив шерсть на загривке. Ремберт шагнул назад, но вервольф был быстрее. Его когти оставили глубокие борозды на щеке архимага. Тот закричал и поднял меч, отшатнувшись назад.

Кровь окрасила лицо красным.

— Чудовище!

Вервольф испустил леденящий душу вой. Проникшая в разум крупца истины росла, бесконтрольно раздувалась, пока реальность не заполнила все уголки черепа, грозя расколоть его изнутри.

Ремберт поднял меч.

— Да простит тебя Авацина.

Вервольф не двинулся с места. Смерть от меча будет избавлением. Пусть бьет. Она не могла больше этого вынести.

Сверкнула сталь, и разум вервольфа раскололся.

Много лет спустя

Еще очень долго Арлинн верила Ремберту. Верила, что она — чудовище. Настолько отвратительное и ужасное, что даже Авацина не может ее спасти. А потом еще очень долго она злилась на архангела. Благословение Авацины должно было стать сильнее проклятья, но в итоге ее не спасло посвящение в архимаги. Авацина подвела ее, обереги подвели ее, ликантропия взяла верх.

У Арлинн было много времени, чтобы подумать об этом. В тот день, когда ее разум раскололся, она стала мироходцем. Меч Ремберта так и не коснулся ее. Арлинн перенеслась из своего мира. В нем остались совершенные ею злодеяния, тело архимага Ривса у ее ног, изломанная, окровавленная и безжизненная Олейла и блеск в глазах Ремберта. Она оказалась в лесу иного мира.

Здесь было невозможно следить за течением времени, да она и не хотела. Для нее время не должно было идти — ее жизнь должна была закончиться. В каком-то смысле так и случилось. Новый мир стал для нее чистилищем. Здесь она ни разу не приняла человеческий облик. Снаружи она оставалась чудовищем, но не могла избавиться от человеческого разума и воспоминаний о том, что натворила. Две ее половины сражались между собой, а душа попала под перекрестный огонь.

Но после Арлинн была благодарна за это судьбе. Именно эта двойная жизнь заставила ее увидеть истину.

Она ошибалась, думая, что, став архимагом, сможет изменить свою сущность и то, кем она была. С самого начала, когда вой Мондроненской стаи наложил на нее проклятье ликантропии, она обратилась к оберегам, к молитве, к Авацине. Она сама убедила себя, что архангел и священное могущество церкви помогут ей исправиться. Но истина заключалась в том, что она не была сломана. Все было не так, как ей казалось. Арлинн была тем, кем была, и будет ею всегда. Она была свирепой необузданной хищницей, но в то же время — доблестной защитницей невинных. Она не могла заставить

исчезнуть одну из своих частей, сбегать от половины своей сущности. Арлинн должна была быть и той, и другой. Довериться себе и остаться цельной. Ей не нужно было молить о спасении ангела Авацину. Ее спасение было в ее же руках.

Далеко не сразу, но в конце концов Арлинн вернулась на Иннистрад, решившись ступить на землю покинутого много лет назад мира. Именно в этот момент она обрела полную власть над своими силами и над самой собой. Ее трансформация проходила легко и полностью под ее контролем. Разум оставался ее собственным, но его усиливала дикая мощь ее физического облика. Она больше не была пустой оболочкой. Она не притворялась, не пряталась — она была той, кем ей было суждено стать.

Арлинн шла по сырой земле, и ее нос, крайне чувствительный даже в человеческом облике, ощущал знакомые запахи, пробуждавшие воспоминания. Воспоминаний было бесчисленное множество, и все они вызывали в душе столь сильную боль, что Арлинн готова была расплакаться. За много лет она впервые ступила на Элгодское поле. Она думала, что самым сложным будет первый шаг, но оказалось, что на самом деле с невозможным граничит следующая сотня — путь до двери архимага Ремберта.

Она думала, что готова. Она уже навестила остальных — могилы Лейтона, Ривса и всех прочих. Она молилась в церквях Авацины по всей Нефалии и возносила литании покаяния и исправления, она смотрела в глаза ангелов и говорила с ними, признала свои грехи и стояла в их тени, ожидая приговора.

Оставался только Ремберт. Она подняла руку, чтобы постучаться в дверь, но ей не пришлось этого делать. Она почувствовала его запах за мгновение до того, как тяжелая рука опустилась ей на плечо. Обернувшись, она увидела постаревшего архимага.

— Да как ты посмела?

Ремберт держал в руке сияющий оберег. Он готовился защищаться от нее. Сердце Арлинн обливалось кровью. Это был тот же человек, что когда-то искренне верил в нее, в доброту ее души. Теперь она бы не удивилась, узнав, что он вообще не верит, что у нее есть душа.

— Как ты посмела ступить сюда, на эту священную землю?

— Пожалуйста, архимаг Ремберт, я...

— Ты — чудовище! Животное, убийца! — он швырнул оберег ей в грудь и плюнул ей под ноги.

Арлинн отшатнулась.

— Пожалуйста! — попробовала она еще раз. — Я понимаю, как ты чувствуешь себя. Я все понимаю. Прошлого не исправить. Но я уже не та, что раньше. Теперь я могу использовать свою силу во благо. И я хочу использовать ее здесь, для Золотой Ночи. Я хочу помочь. Я себя контролирую.

— Ха! — Ремберт вытащил свой священный меч. — Твой контроль — это ложь, которую ты придумала для себя, чтобы выжить, когда ты такая.

Он показал мечом на ее человеческий облик.

— Но даже сейчас, когда ты стоишь в этом лживом теле, ты — чудовище. И всегда будешь чудовищем.

— Может быть, я вервольф, но я не чудовище. — Арлинн не отступала, несмотря на то, что Ремберт все ближе надвигался на нее со своим засиявшим клинком. — Я архимаг Золотой Ночи. И буду им всегда. Это твои собственные слова.

Ремберт рванулся вперед, толкнув ее ладонью в плечо так, что Арлинн отлетела к двери. Он прижал лезвие клинка к ее шее. Арлинн не сопротивлялась. Она не позволит ему заставить ее сорваться на ярость.

— Обо всем, что я сказал до того, как узнал, какую страшную правду ты от меня скрывала, ты можешь забыть. Ты — не архимаг Золотой Ночи, Арлинн Корд, и никогда не была им.

Арлинн выдержала взгляд Ремберта. Она не могла ничего сказать. Комок в горле, столько лет назад лишивший ее слов, вернулся вновь. Но на этот раз у комка были острые грани. Они кололись, словно пальцы дьявола. Царапали горло изнутри и кололи глаза.

Ремберт решительно прервал их дуэль взглядов. Он отступил на шаг назад и сделал жест, приглашающий Арлинн удалиться прочь.

— Убирайся! — Он показал на конец коридора, но отвел глаза, опустив их к земле. — Оставь этот край и никогда не возвращайся. Если я увижу тебя снова, то прикончу.

Арлинн вдохнула, чтобы заговорить, но от властного и пылающего священной силой голоса Ремберта она потеряла дар речи.

— Убирайся!

Наши дни

Арлинн попыталась отступить. Она не хотела сражаться с ним. Но Ремберт ей этого не позволил. Катары окружили ее и теснили к краю обрыва. Сам Ремберт шел на нее, подняв над головой свою толстую ветку.

— Я тебя предупреждал! — слова тяжелыми ударами падали на нее, а за ними грозила упасть и увесистая дубина. Арлинн приготовилась. Она могла выдержать больше ударов, чем думал архимаг, и она не позволит прогнать себя, когда где-то близко безумный ангел.

Стоило ей подумать об этом, как ангел спикировала с неба за спинами катаров.

Арлинн не успела их предупредить. Не успела предупредить Ремберта. С бешеным воплем ангел вцепилась окровавленными пальцами в плечи архимага и потащила его, раскрывшего от изумления рот и распахнувшего глаза, в воздух.

Катары развернулись к ангелу, направив на него оружие, а Арлинн поднялась на задние лапы. Инстинкт защищать брал верх над разумом.

— Нет! Назад! — закричал Ремберт катарам. Он болтался между небом и землей, но это не мешало ему отдавать приказы. — Не поворачивайтесь к чудовищу спиной! Убейте вервольфа!

Катары были сбиты с толку. Некоторые действительно переключились обратно на Арлинн, другие продолжили целиться в ангела. Ангел захохотала, совсем как дьяволы, и ее руки, держащие Ремберта, разгорелись кроваво-красным священным светом. Она могла убить его, лишит жизни, совсем не прилагая усилий.

Одна из женщин-катаров выпустила в ангела стрелу, но та пролетела над плечом, не причинив никакого вреда. Ангел грозно щелкнула зубами:

— Ты станешь следующей, нечистая!

Довольно. Это зашло слишком далеко. Призвав силу в стальные мускулы, Арлинн подпрыгнула вверх, взмыв над головами пораженных катаров. Она уцепилась за пятку сапога ангела и запустила зубы в плотную кожу, таща крылатую деву вниз и молотя ее свободной лапой. Ангел с громким звуком упала, выпустив покотившегося по земле Ремберта. Арлинн не теряла времени. Она запрыгнула на священное создание и рванула его плоть зубами. Ее тело, казалось, все состоит из мускулов и жил. В ней играла дикая мощь проклятья ликантропии — проклятья, ставшего для нее благословением.

Через несколько мгновений безумный ангел был мертв.

Тяжело дыша, Арлинн повернулась к катарам. За ней никто не пошел. Все собрались у края ущелья и, осторожно перегнувшись или лежа на животе, заглядывали вниз. Ремберта нигде не было видно. Покрывшись холодным потом, Арлинн устремилась к обрыву. В ее голове возникали картины того, что могло случиться.

Она не ошибалась. Ее тело действовало, а разум оценивал обстановку. Ремберт был ранен. Он лежал на искривленном стволе мертвого дерева, и тот не выдержал бы долго его вес. Он был слишком далеко, чтобы добраться до него с края обрыва, поэтому она забралась на соседний изломанный ствол. Хватаясь за мокрое дерево когтями, она свесилась вниз и протянула лапу Ремберту.

Увидев ее, он прерывисто вздохнул, сжался, и на его лице проступил страх.

Арлинн дальше протянула лапу, безмолвно умоляя архимага схватиться за нее.

— Чудовище! — к Ремберту наконец вернулся дар речи. — Я убью тебя.

Арлинн подавила поднимающееся по горлу рычание. Эти слова вложили ему в уста боль и страх. Между ними было столько боли... Но было и нечто общее. Золотая Ночь. Навсегда. Арлинн закрыла глаза и трансформировалась в человеческий облик. Она не позволит архимагу погибнуть из-за своего страха. Снова открыв глаза, она уже протягивала Ремберту человеческую руку.

— Хватайся, — сказала она ему.

[Арлинн Корд](#) | Иллюстрация: [Вайнона Нельсон](#)

Он заглянул ей в глаза.

— Ты лгала мне.

Арлинн сглотнула.

— Да.

— Ты убила остальных.

— Да.

— Я не могу... не стану...

— Я больше не раба своего проклятья, — сказала Арлинн. — Я вольна быть защитницей, и это — мое предназначение. Пожалуйста. Ты знал меня когда-то — узнай еще раз.

Ствол затрещал под его весом. Глаза Ремберта были полны слез.

Арлинн вновь потянулась к нему.

— Вот моя рука.

Собравшись с силами, Ремберт потянулся к ней навстречу.

— Помоги мне, Авацина, — прошептал он.

— Авачины больше нет, — сказала Арлинн. — Придется самим поддерживать друг друга.

КАМЕНЬ И КРОВЬ

BY KELLY DIGGES

За шесть тысяч лет до событий «Луны Кошмаров» трое мироходцев объединились, чтобы поймать в ловушку чудовищных Эльдрази в мире Зендикар. Нахири, кор из Зендикара, осталась сторожить пленников. Дух-дракон Уджин и вампир Сорин Марков согласились при необходимости вернуться на помощь. Но больше тысячи лет назад Эльдрази едва не вырвались на свободу, и ни Сорин, ни Уджин не помогли тогда Нахири. Она считала Сорина своим другом, и его отсутствие озадачило и встревожило ее. Окончательно успокоив пытавшихся сбежать Эльдрази, Нахири отправилась на поиски старого товарища. Из воспоминаний Сорина нам известно, что их встреча окончилась не лучшим образом. Но у каждой истории есть две стороны...

Встреча

Одну тысячу лет назад

Нахири нырнула в хаос Слепой Вечности, в пустоту между мирами. Слишком долго она спала в каменном коконе. Позволила себе не заметить то, что было важнее всего. Последствия самого вопиющего недосмотра она уже ликвидировала: укрепила удерживающие пленников обереги и истребила их мерзких прислужников. Ее мир был в безопасности — по крайней мере, сейчас.

Настало время навестить старого друга, чтобы восстановить кое-что менее материальное.

Нахири потребовалось совсем немного времени, чтобы почувствовать его присутствие, навестись на него и свернуть мир вокруг себя, переносясь к своей цели. Их дружба терялась в глубине веков, словно потускневшая реликвия, но Сорин Марков был первым союзником Нахири, и она узнала бы его где угодно.

Она оказалась на высоком утесе, а внизу бушевало темное море. Ей не приходилось здесь бывать, но ничего из увиденного не удивило ее. Иннистрад и Сорин сильно повлияли друг на друга, и этот мир походил на самого вампира: задумчивый и опасный, словно нарочито неприветливый. И луна... что-то странное было в нависшей над водой луне, что-то на грани восприятия.

Сорин не приглашал ее в свой мир, но когда он рассказывал о нем, в его голосе слышалась тоска. Нахири знала, что вампир надеялся призвать ее на защиту Иннистрада — как она надеялась призвать его на защиту Зендикара. В результате никто не получил желаемого.

Сорина здесь не было.

На самом краю утеса, где она почувствовала его присутствие, возвышался громадный, с дюжину метров высотой, грубый серебряный монолит. На нем были грани, но неровные, расположенные вразнобой, словно начинающий литомант поднял монолит из земли, но не потрудился довести работу до конца и придать достойный вид своему произведению.

[Хелволт](#) | Иллюстрация: [Джейми Джонс](#)

Тем не менее, монолит *был* закончен. Все чувства Нахири говорили, что это результат невероятных усилий, а не незавершенная работа. Он не был отполирован, потому что внешний вид не играл никакой роли в том, чем монолит должен стать. Или что делать.

И именно этот... *предмет* она почувствовала. Не Сорина. Предмет заговорил с ней через тонкие материи Слепой Вечности. Заговорил о вампире.

На утесе был только ветер, серебряный монолит да чахлое деревце с красными листьями. Деревце она оставила без внимания и кругом обошла громадную серебряную глыбу.

Стороны. Их было восемь — или, может быть, семь, смотря что считать ребром. И его грани формой определенно напоминали... Но на Иннистраде не было эдров, и у Сорина не было ни средств, ни повода сотворить их.

Однако, как и эдры, Предмет был чем-то большим, чем его физическое воплощение. Нахири проверила его своей литомантией, пытаясь постичь внутреннее строение этого слитка чистого металла.

Ничего. Вообще ничего. Она была способна почувствовать крупницу гранита в полумиле под ногами, ощущала медленное и неумолимое движение тектонических плит, кружащихся в своем неспешном вальсе. Но в этот серебряный осколок она заглянуть не могла. Что там, она не могла даже поцарапать его. Предмет просто поглощал ее силу, словно бездонный колодец. Почти как... но нет. Определенно нет. Это *не* эдр. Только не здесь.

Она наклонилась и заглянула под Предмет, почти ожидая увидеть, что он парит над землей. Но он стоял на ножке, очень тонкой по сравнению с самим монолитом. Она была едва ли толще, чем сама Нахири.

Девушка поднялась и продолжила свой неторопливый обход Предмета. Вместо тщательного исследования, оказавшегося невозможным, она вела пальцами по его поверхности. Она не знала, сколько времени провела, изучая серебряный монолит, но когда за спиной зазвучал знакомый голос, луна была значительно выше.

— Прошу простить меня за примитивные попытки придать камню форму, девочка.

Она резко обернулась. Сорин!

Белые волосы, черный плащ, эти необычные оранжевые глаза. Сколь грозен был его образ, сколь зловещим был взгляд... но все же она не смогла удержаться от улыбки.

— Друг мой! — наконец смога вымолвить она. — Ты жив!

Он улыбнулся в ответ, подошел ближе и положил ей руку на плечо. Зная его, можно было считать, что это бурное ликование.

[Сорин Марков](#) | Иллюстрация: [Майкл Комарк](#)

— А почему должно было быть иначе?

Нахири накрыла его ладонь своей. Она чувствовала себя пробудившейся, и ее тело наполнилось теплотой жизни. Пальцы вампира как всегда были мертвенно холодными.

— Ты ведь не пришел, — сказала она. — Когда я включила сигнал Ока Уджина на Зендикаре, ты не ответил. Я боялась, что...

Сорин убрал руку и нахмурился.

— Эльдрази вырвались из плена?

— Вырвались, да.

— Где Уджин? — спросил он.

— Он тоже не пришел, — ответила Нахири, стараясь спрятать горечь в своем голосе. — Но я справилась. Сама. Собрала все свои силы и вновь запечатала тюрьму титанов.

Нахири вдруг поняла, как выросла с тех пор, как встретила Сорина в первый раз. В ее воспоминаниях он возвышался над ней, был ее древним наставником, старше на тысячу лет. А теперь — какое эта тысяча лет имела значение? Они были равными. Как минимум — равными.

— Закончив работу, я отправилась на поиски. Я должна была узнать, жив ли ты. И вот он ты, собственной персоной.

«*Вот он ты...*» Ее радость от встречи утихла. Она волновалась — так волновалась, что с ним что-то стряслось, что он, как она сама, на тысячи лет оказался сражен недугом. Она поспешила сюда, чтобы спасти его, но он, очевидно, не нуждался в спасении.

— Так где же ты был? — спросила она. — Сорин, почему ты не ответил на сигнал?

— Он не дошел до меня, — ответил вампир.

— Как такое может быть?

— Хм-м... — сказал он. Просто «*хм-м*», без особого интереса и хоть какой-то озабоченности.

Он прошел мимо нее и положил руку на поверхность Предмета.

— Ты решила, что будешь сторожить плененных Эльдрази, и я понял, что моему миру тоже отчаянно нужна защита, особенно когда меня нет рядом. Хелволт — это половина из защитных мер, что я создал.

«*Хелволт*». Она поежилась. Название подсказывало, что это было хранилище. Но что в нем должно было храниться?

— Быть может, — продолжил он скучающим голосом, — сигнал Ока не смог пробиться через его магию, укрывающую этот мир.

Так это колдовство Сорина не позволило ей связаться с ним? Нахири почувствовала, как у нее кружится голова. Следующие слова она выбирала очень тщательно.

— И ты знал, что так может случиться?

— Это не приходило мне в голову, — ответил он. — Впрочем, сейчас я вижу, что такое было возможно.

Камень и небеса!

В первые годы их знакомства, когда Нахири еще не понимала, кем он был, и кем стала она сама, Сорин спросил, хотела бы она когда-нибудь научиться сражаться, как он. Нахири ответила, что хотела бы, и тогда вампир набросился на нее, чтобы убить.

По крайней мере, так ей тогда показалось. Но скоро она поняла, что он сдерживается, что он атакует ее оружием, когда мог бы лишиться жизни одной силой мысли. Нахири защищалась совсем недолго, прежде чем тяжелый

двуручный меч плашмя ударил ей по плечу. Раздался отвратительный треск, и она свалилась на землю от боли.

«Очень хорошо, — сказал вампир, возвышаясь над ней. — Ты продержалась почти шесть вдохов. Твоих, конечно. Поднимайся».

«Подниматься?! — закричала она. — Ты мне руку сломал!»

«Так почини» — ответил вампир. На нее он даже не смотрел.

«Починить? Починить?! Как, скажи на милость...»

Только тогда он наконец объяснил ей, что она перестала быть смертной. Что ее тело служит только для удобства, что оно — проекция ее воли.

«Надо было с самого начала мне сказать», — сказала она, едва сдерживая слезы гнева.

«А, — сказал он своим скучающим, но благодушным голосом, — это не приходило мне в голову».

Это голос она слышала и сейчас. Сорин говорил с ней снисходительно. Но девочка, которую он учил, давно умерла, упокоилась в каменной могиле. Остался только михроходец. А с мироходцем снисходительным быть не стоило.

— Возможно? Ты поставил под угрозу мой мир — и не только, — ей не удалось до конца скрыть в голосе боль. — Ты бросил меня.

Сорин небрежно отмахнулся своей бледной ладонью.

— Я просто предпринимал необходимые предосторожности для защиты своего мира. Я не думаю, что...

Ну все, хватит! Она была сыта этим тоном по горло.

— У нас с тобой был договор, — сказала Нахири.

Этого он не отрицал. Пять тысяч лет назад Нахири неохотно согласилась пленить Эльдрази в своем родном мире, Зендикаре. И за это два других мироходца позволили незамедлительно обращаться к ним, если возникнет опасность, что Эльдрази могут вырваться на свободу.

Иллюстрация: [Игорь Кирилюк](#)

Пять тысяч лет Нахири сторожила чудовищных пленников. Она укрылась в каменном коконе, и десятилетия и века проплывали мимо, словно облака, закрывающие солнце. А потом Эльдрази решили испытать на прочность свои узы, и их кошмарные порождения проникли в мир, уже изменившийся от присутствия титанов. Как — Нахири до конца не поняла. Пробудившись, она выбралась из собственной темницы и подняла тревогу.

Но никто не явился. Ни дракон Уджин, которому она не доверяла с самого начала, и чье происхождение и мотивы оставались загадкой. Ни вампир Сорин — ее наставник. Ее *друг*.

Нахири справилась в одиночку, но ее мир заплатил за это дорогую цену. Куда как большую, чем если бы союзники сдержали свое обещание. Она до сих пор не оценила до конца, какой урон Эльдрази успели нанести ее миру и его обитателям, прежде чем она сумела усмирить их. Но сейчас опасность миновала, и, покончив с делом, Нахири отправилась на поиски Сорина, опасаясь самого худшего.

А отыскав его, узнала, что вампир не просто отказался прийти на помощь. Он заблокировал возможность связаться с ним, чтобы защитить свой мир от внешних воздействий.

Сорин повернулся к ней спиной.

— Не отмахивайся от меня! — воскликнула она. — Я подставила под удар собственный дом, заманив туда Эльдрази. Я добровольно приковала себя к Зендикару, чтобы стать для них сторожем. Я тысячи лет провела с этими

чудовищами. Ты хоть представляешь, что это такое?! И тебе всего-то надо было прийти, когда ты был мне нужен.

Земля затряслась, и камень под ее ногами начал вибрировать в унисон с растущей яростью. Из всего металла и камня вокруг только серебряный Хелволт оставался ей неподвластен.

— Не думай, что можешь распоряжаться мной, девочка. Я ничем тебе не обязан. Я ничего тебе не должен! Когда загорелась твоя искра, это я нашел тебя. Я бы мог еще тогда тебя прикончить, но пощадил.

Вампир вновь повернулся к ней и шагнул вперед, вплотную приблизив лицо. Его оранжевые глаза пылали злобой.

— Я взял тебя под свое крыло и сделал той, кем ты стала, — прошипел он. — Если тебе обязательно надо донимать кого-то, ступай и отыщи Уджина. У меня на это нет времени.

Нет времени. Нет *времени*. За мгновение ее боль сменилась на бешеную ярость.

Пять тысяч *лет* Нахири несла свою вахту, присматривая за Эльдрази, — не только ради Зендикара, но и ради всех миров. Ради Иннистрада. И лишь один раз, *один раз* за пять тысяч лет она позвала Сорина, чтобы он всего лишь выполнил свое обещание. Обещание, которое дал по своей же воле и в своих интересах, чтобы сохранить свой собственный мир. И он не пришел. Просто... не пришел.

Она сама потратила достаточно времени, стоя на страже Эльдрази. Ее терпение кончилось. С нее хватит — хватит ждать, хватит умолять, а самое главное, хватит того, что с ней обращаются, как с ребенком. Если Сорину нужно доказательство, что она больше не его ученица... что ж, она ему докажет.

Нахири призвала из-под земли каменный столб — гранит, древний и прочный. Земля заходила ходуном, и Сорин едва устоял на ногах. Каменная колонна вырвалась у Нахири из-под ног, поднимая ее высоко в воздух.

— Я никуда не уйду.

Она вытянула из-под земли целую россыпь камней, превратила их в острые дротики, и те закружились вокруг мироходцев.

Сорин вытащил меч.

— Я не угрожал тебе, — сказал он, глядя на нее снизу вверх. — Ни разу. Если нам суждено стать врагами, дитя, то винить за это остается только тебя.

— Я не дитя, — сказала она. — Кем бы мы ни были раньше, сейчас ты должен увидеть, что мы с тобой равны.

Он мгновение помедлил... что это в его оранжевых глазах, не страх ли? Секунда размышлений о том, что она может оказаться права, и ему нужно померить свою гордость?

— Пока я вижу только истерику, — сказал Сорин. — Если ты шла ко мне как равная, то следовало приходиться под белым флагом мира, следуя принятому порядку переговоров с собратом-мироходцем.

— Я пришла встретить друга, — ответила Нахири.

— Тогда я не понимаю, на что ты жалуешься, — заметил Сорин. — Дружья затем и нужны, чтобы говорить правду, не так ли?

Когда-то давно глупая девочка называла это злобное создание своим другом. Последние остатки юношеской сентиментальности испарились, и Нахири нанесла удар.

Она понеслась на Сорина верхом на каменном таране. У нее не было меча. Он ей был и не нужен. Сама земля стала ее оружием.

Сорин ударил зарядом магии смерти, и тот попал ей в грудь, отбросив назад. Каменная колонна дернулась, чтобы остаться у нее под ногами.

Оттолкнувшись от растрескавшейся земли, Сорин в прыжке взлетел в воздух и понесся к ней, обнажив клыки. Его меч сверкал в свете этой странной луны. Нахири спрыгнула с колонны и на корточки приземлилась на землю. Сорин ударился о колонну, готовый отскочить и обрушиться на Нахири, но камень колонны просто поглотил его.

Нахири стояла, сжимая кулаки, и давила вампира камнем.

По колонне пошла трещина, потом еще и еще. Наружу через них пробивался свет магии Сорина. С яркой вспышкой колонна разлетелась на осколки, и разъяренный вампир выскочил наружу. Он изящно приземлился на землю.

Но было видно, как ему больно.

— Я не хочу враждовать с тобой, — сказала Нахири. — Все, что мне от тебя было нужно, это твоя *помощь*, Сорин. Ты дал слово. Идем со мной.

— Не сейчас, — ответил Сорин с приводящим в бешенство спокойствием. — Может быть, позже. Сейчас очень важный момент...

— Важный момент?! — прервала его Нахири. — Эльдрази чуть не сбежали. Ты мыслишь эпохами, но подумай о том, что титаны могут вырваться на волю.

Все, ради чего мы работали, будет потеряно. Твой собственный мир окажется под угрозой — ты этого хочешь?

Ей стало больно. Пленение Эльдрази стало делом всей ее жизни, постоянным трудом, навеки приковавшим ее к одному миру. А для вампира это был ничего не значащий момент, сорок лет умеренных стараний пять тысячелетий назад в обмен на вечность спокойствия. Теперь же, с его новыми защитными мерами, может, Иннистраду *и не грозила* опасность. Может быть, Нахири, Зендикар и сотня миллионов расположенных в тщательно выбранных местах эдров для Сорина уже отслужили свою службу.

Она зарычала и запустила в Сорина облако каменных дротиков. Каждый был длиной в локоть и с заточенным острием.

Часть из них вампир обратил в пыль еще до того, как они добрались до цели, несколько отбросил в сторону ударом меча, и скривился, когда три дротика пробили его тело.

Его глаза вспыхнули белым, и на плечи Нахири надавил невыносимый вес, ставя ее на колени. Все было таким ярким...

Нахири взглянула в небо.

Луна. Чтобы обездвижить ее, вампир призвал лунный луч, бестелесный, но тяжелый, словно гора. И тогда, окруженная лунным светом, вдыхающая его запах, она поняла, что казалось ей странной в луне Иннистрада.

Она была из серебра. Как Хелволт.

Сорин по одному выдернул из тела дротики, и раны затянулись без единой капли крови. Он шел к ней. Но его шаги были неуверенными, а меч тащился по земле. Неужели он стал настолько дряхлым?

Но магия его была все еще сильна. Свет связал не только тело Нахири, но и ее волшебство. Пока он светил, она была бессильна повлиять на что-то за его радиусом.

— Отправляйся домой, Нахири, — устало сказал вампир. — Покончим с этим фарсом, и я позволю тебе...

Она погрузила ладони в почву, направляя свою волю не наружу, а вниз, и нырнула под землю.

Нахири погрузилась в каменную утробу и на мгновение позабыла и о своем гневе, и о высокомерии Сорина, и об этой странной и неподатливой серебряной глыбе, предназначения которой она так и не смогла разгадать. Осталась лишь она и камень, отрезанные от всего, кроме медленного сердцебиения мира, как это продолжалось пять тысяч лет.

Она могла вернуться отсюда на Зендикар, к своему добровольному затворничеству. На самом деле ей не нужна была помощь Сорина. Уже не нужна. Но оставить это дело незаконченным было бы рискованным сверх всякой меры. Вампир нанес бы ответный удар. Она нажила бы себе смертельного врага. И она не хотела уходить, пока можно было предотвратить это.

Нетерпеливые шаги Сорина, обходящего Хелволт, эхом раздавались под землей.

Она сотворила под ногами новый каменный столб, почву над головой сделала мягкой, словно вода, и вылетела из-под земли. Сорин погасил свой лунный луч и прижимался спиной к Хелволту, чтобы защититься.

Она поднялась на своей гранитной колонне и нависла над вампиром, призвав из земли закруживший вокруг нее рой камней.

Она не хотела убивать его. Она даже не хотела ранить его. Она просто хотела, чтобы у них все было хорошо, как раньше. Но для этого она должна была завоевать его уважение. А значит, придется победить его в бою.

Сорин тяжело облакачивался на меч. Если бы они согласились считать друг друга равными, то это Нахири сделала бы ему одолжение.

Что-то было не так. Он был *слишком* слаб, даже слабее, чем во времена ее молодости. Нахири вспомнила, как Хелволт излучал сущность вампира, и подумала о том, сколько Сорин вложил в него своих сил.

Ее каменная колонна пришла в движение. Проплывая мимо одного из парящих камней, Нахири погрузила в него руку. Он немедленно нагрелся, расплавился, и находящиеся в нем металлы собрались, повинувшись воле литоманта.

Нахири достала из камня полностью сформировавшийся меч и продолжила движение, пока не нависла над Сорин, наставив на него раскаленное добела острие клинка.

— Сорин, ты исполнишь свое обещание. Ты вернешься со мной в Зендикар. Ты сможешь мне проверить волшебные узы и убедиться, что Эльдрази не смогут вырваться из плена. Лишь потом ты сможешь сбежать.

Сорин сплюнул.

И тогда все вдруг снова залило светом, ярче света луны, и с небес с криком спикировала фигура. Нахири успела заметить только оперенные крылья и сияющее копьё, прежде чем фигура врезалась в нее, сбив с каменного пьедестала. Они свалились вместе и покатались по земле, оставляя за собой глубокую борозду. Нахири потеряла концентрацию, и ее облако камней дождем посыпалось вниз.

Наконец, лежа на спине, она смогла рассмотреть нападавшую.

Это был невероятного вида ангел с белыми волосами, белой кожей и черными, не выражающими ничего глазами. На Нахири напала ангел.

На Зендикаре ей уже приходилось встречаться с ангелами. Они держались особняком, могли внушать страх, но это были защитницы, поборницы добра и правосудия. И никому из них не хватило бы глупости нападать на мироходца.

Прежде чем Нахири успела что-то сказать, прежде чем она успела даже осознать, что происходит, ангел подняла копье. Раздвоенный наконечник ослепительно сиял, словно два солнца.

Литомант снова погрузилась в камень и почувствовала, как копье ударило в землю, где она лежала еще миг назад.

На этот раз на передышку времени не было. Она вырвалась из-под земли в облаке осколков с мечом в руке, и пока ангел закрывалась рукой от острых камней, Нахири напала. Меч, все еще мерцающий жаром каменной кузни, со свистом рассек воздух.

Ангел успела поднять копье и закрыться, но Нахири атаковала снова и снова, заставляя противницу пятиться. Сражаться с ангелом казалось немного неправильно. Но она же напала первой, без всякого повода. Для чего? Защитить *Сорина*? Нахири было сложно принять эту мысль.

Ангел взмыла в воздух — но не для того, чтобы отступить. Она поднялась над Нахири, чтобы напасть сверху. Нахири вновь вознеслась на каменной колонне, заставляя ангела или бежать, или спуститься на землю.

Та приземлилась, но осталась, чтобы принять бой. Нахири атаковала. Ангел была сильна, без всяких сомнений. Но она не была мироходцем. Нахири ударила...

...и ее меч остановился, столкнувшись с клинком вставшего между ней и ангелом Сорина.

— Хватит! — прохрипел он. — Хватит.

Нахири смотрела мимо него, на ангела с угольно-черными глазами. В ней было что-то тревожно знакомое, хотя литомант была уверена, что никогда раньше не встречалась с ней.

— Что это, Сорин? Как ты смог обратить в рабство ангела? Кто она?

— Вторая половина, — ответил он.

Вампир с молниеносной скоростью выбросил руку, схватив клинок Нахири. Кожа зашипела, пошел дым, но Сорин этого, казалось, даже не заметил. Пальцы Нахири онемели, а голова пошла кругом. Она не понимала. Сорин

прижал острие ее собственного клинка ей к горлу, потом вырвал меч из руки и отбросил в сторону.

Ангел мягко приземлилась за его спиной, но он поднял руку, и она остановилась. Она ждала... ждала по его приказу!

— Поверь, — сказал Сорин, — что я совсем этого не хотел, девочка.

Вампир поднял меч, из которого ударил луч тусклого света, и *толкнул*.

Нахири отлетела назад и врезалась в серебряную поверхность Хелволта. Он больше не был твердым и холодным. Он стал податливым. Зовущим. *Тянущим*.

Иллюстрация: [Киран Йеннер](#)

Жадные нити серебра обмотались вокруг тела Нахири, затягивая внутрь. Осколки камней кружили в воздухе, земля под ногами дрожала от ее ярости, но Хелволту было все равно.

— Будь ты проклят! — закричала она. — Я *доверяла* тебе!

Он склонился над ней, и ангел расправила крылья у него за спиной. Прежде чем расплавленное серебро заполнило ей уши, Нахири услышала его последние слова. Его голос звучал почти печально. Почти.

— Я не просил тебя о доверии, девочка. Только о покорности.

А потом Хелволт забрал ее, и она провалилась в бесконечную и непроглядную темноту.

Тишина

Интермедия

Она падала через темноту.

Никаких других ощущений не было — ни звуков, ни света. Не было даже дуновения ветерка, ведь в этом месте не существовало воздуха. Только она сама и ощущение бесконечного падения. Она подносила руку к лицу, но не видела ее. Она даже не была уверена, что здесь у нее оставалось тело.

Она пыталась прощупать окружающее пространство, тянулась к нему своей литомантией, пыталась зацепиться за серебряную поверхность Хелволта. Но то, что было вокруг, не было серебром. Оно было ничем. Она пыталась перейти в другой мир, но даже Слепая Вечность, хаотическое не-место между мирами, было ей недоступно.

Это совсем не походило на ее кокон на Зендикаре, каменную плиту, в которой она дремала пять тысячелетий. В состоянии полусна в своем коконе она чувствовала весь Зендикар, могла добраться до любой его части и появиться всюду, где пожелает.

Здесь было гораздо, гораздо хуже. Только темнота, падение и незримое присутствие сущности Сорина Маркова.

Сорин заплатит за предательство. Она выберется из этой тюрьмы и поквитается с ним. Она думала, что они с ним союзники. Друзья! Но теперь ей открылось его истинное лицо. Он был обыкновенным чудовищем.

Чудовищем. Но не дураком. Он знал, что поставлено на кон на Зендикаре. Он не мог быть настолько уверен в своих защитных мерах, в своем Хелволте и поработанном ангеле, чтобы позволить Эльдрази сбежать. Он освободит ее, когда восстановит силы и будет готов встретиться с ней. Нападет на нее, победит и отпустит домой. Не может же он оставить ее здесь навсегда! Это было бы невыносимо.

У нее было много времени, чтобы подумать.

В конце концов она приняла решение.

«Довольно», — тихо сказала она.

Никакого ответа. Тишина. Ее слова просто растворились в бесконечной темноте.

«Довольно, — повторила она, на этот раз громче. — Какой бы урок ты ни хотел мне преподать, я его усвоила. Прекрати это, и я покину Иннистрад, чтобы никогда не возвращаться. Очевидно, что нам больше не о чем разговаривать».

Ответа не было. Она не хотела извиняться и уж точно не собиралась умолять. Она не доставит ему такого удовольствия.

Она часто думала о Зендикаре, о его скалистых горах и высоком небе. О порче, разъедающей его сердце, о бесчинствующих вампирах, воздвигающих статуи чудовищных богов — гораздо более чудовищных, чем они думают. Не надо было ей уходить.

Изоляция начала подтачивать ее рассудок. Даже будучи мироходцем, даже проведя тысячи лет в камне, она была не готова к такому одиночеству. Даже мироходец может лишиться разума — а для мироходца, который *был* разумом, последствия могут стать катастрофическими. Однажды она встретила безумного мироходца. И одного раза было более чем достаточно. Она *не* сойдет с ума.

Сперва она цеплялась за свои мысли о мести. О том, как сокрушит Сорина за то, что он сделал с ней, и за то, что прямо сейчас может твориться на Зендикаре. Но представлять, какими способами вампира можно убить, ей быстро наскучило, и эти мысли вызвали усталость и печаль, а не холодное удовлетворение. Однако ее ненависть не исчезла — она кристаллизовалась и замерла где-то глубоко.

Лучом света во тьме стали для нее воспоминания о Зендикаре.

Она знала свой мир досконально и помнила его в мельчайших деталях. Она подумала о месте — о рвах Акума, где жила со своим племенем, прежде чем оставила смертную жизнь и погрузилась в камень. В своей голове она построила модель этих рвов, вспоминая каждый слой базальта, каждую песчинку красного вулканического стекла в реголите, каждую впадинку и трещину в камне.

[Заполненный Магмой Разлом](#) | Иллюстрация: [Чон Пак](#)

Это был не настоящий Зендикар. Это был тот Зендикар, каким она его помнила — после Эльдрази, но до того, как ее сон позволил миру выйти из-под контроля.

Шло время, а она все работала над моделью Акума, думая о каждой пылинке, составляющей осадочные отложения, о температуре и вязкости магмы, пульсирующей под поверхностью. Она углублялась вниз, на мили в глубину, так глубоко, как только осмеливалась, пока не прошла вдоль всей границы несшей на себе Акум тектонической плиты.

Все это она держала у себя в голове, на годы оставляя работу над какими-то частями, а потом возвращаясь к ним и находя точно такими же, как она их оставила. Ее разум принадлежал ей, Зендикар принадлежал ей, и она не расстанется ни с тем, ни другим.

Она не знала, сколько уже падала, когда ее размышления прервали. Она больше не была одной в темноте. Сначала они были где-то вдали. Еле слышные отзвуки, шорох кожаных крыльев. Былая беззвучность ее тюрьмы оказалась лишь следствием ее пустоты.

Медленно, в течение многих лет, Хелволт заполнялся. Теперь она поняла его предназначение. Сорин не терпел угроз своему драгоценному Иннистраду, и он сотворил этот предмет — эту темницу из пустоты — чтобы заключить их в ней.

Угрозы, такие как демоны и чудовища. И она. Осознав это, она злилась не один год.

«Вторая половина», — говорил он. Нахири очень сомневалась, что вампир лично ловил демонов. Предназначение ангела начало проясняться — как бы Сорину ни удалось обмануть или соблазнить ее.

В конце концов Нахири закончила создавать Акум в своей мысленной модели Зендикара — от скалистых Клыков Акума до безмятежной поверхности Стекловодья. Море, окружающее ее континент, было всего лишь эскизом, быстрым наброском. Она никогда толком не разбиралась, как перемещаются массы воды, так что волны, омывающие красные утесы Акума, просто двигались взад-вперед. Нахири старалась не сосредотачиваться на них, чтобы не разрушить иллюзию.

Ей оставалось закончить небольшой участок дна, и можно было приступать к Ондю. Особенно ей хотелось заняться островами Венца и их жемчужиной — Валакутом. Но она решила делать все по порядку. Времени у нее было предостаточно.

[Ручей в Прерии](#) | Иллюстрация: [Адам Пакетт](#)

Другие обитатели ее темницы начали касаться Нахири, врезаться в нее в непроглядной темноте. Она не видела их — это оставалось неизменным — но слышала, как они кричали в последний момент перед ударом. Коготь, крыло, мгновенный контакт с безымянной, нечеловеческой плотью. И снова одна лишь темнота.

Нахири начала отмерять время по этим случаям, по коротким столкновениям с тварями, обитающими во тьме. Она не ненавидела их, даже когда их стало столько, что удары по ее не-вполне-телу стали частыми и весьма

болезненными. Она не любила демонов и не раз истребляла их в своем мире — но она их не ненавидела. Только не здесь.

Она их жалела. Они были пленниками, как и она сама. Пленниками Сорина Маркова и его боевого ангела. И в отличие от Нахири, у них не будет возможности поквитаться. Это были жалкие существа, воюющие и бормочущие, безумные, охваченные страхом, или и то, и другое одновременно. Они не могли выдержать гнет вечности в бескрайней тьме.

Нахири же привыкла к одиночеству, и ее разум принадлежал только ей. В темноте у нее оставалось только это: ее рассудок, ее гнев, ее воспоминания о Зендикаре... и целая прорва времени.

Она закончила с Онду, особенно постаравшись над священным пиком Валакут. Она годы провела, медитируя в кальдере вулкана. Ее Зендикар был ее якорем, тем, что напоминало, кто она такая, и откуда пришла. Нужно было сделать все правильно.

[Валакут. Расплавленная Вершина](#) | Иллюстрация: [Киран Йеннер](#)

Иногда, в своей голове, она возвращалась в эту кальдеру. Но просто бродить по своему Зендикару ей было недостаточно. По крайней мере, пока он не будет закончен.

С Мурасой она справилась быстро. Это была всего лишь громадная каменная плита в море. Леса на этом континенте были поистине выдающимися, но леса не интересовали Нахири, поэтому она даже не попыталась их воссоздать. Бала-Гед надолго занял ее. Она тщательно вырисовывала меняющиеся контуры залива Боджука и переплетенную сеть пещер под Гуумским лесом.

Затем Нахири приступила к Гуул-Дразу. На поверхности он был однообразным, но под землей — ничуть не скучнее Бала-Геда. Она уже наполовину закончила прокладывать подземные лавовые трубы, из-за которых кипели геотермальные болота континента, как — после бесчисленного количества лет — кое-то поменялось.

Свет — короткая вспышка, слепящая в темноте, — нарушил ее концентрацию, и в этот короткий момент паники весь ее Зендикар ушел в тень. Рядом с ней кто-то появился — кто-то несравнимо более материальный, чем призрачные, завывающие демоны. «Сорин», — на мгновение подумала она, но это был не он. Не совсем он. Где-то далеко внизу зажглись не освещающие ничего два солнца, и Нахири услышала тихий шорох перьев.

Ангел... здесь? В ее тюрьме? *Вот это* было интересно.

Свет становился ближе, и теперь Нахири увидела — *увидела*, впервые за много веков. Копье ангела сверкнуло, и крылатая воительница напряженно дышала, широко размахивая своим оружием. Ее крылья были раскинуты, но здесь не было воздуха, от которого она могла бы оттолкнуться.

Визжащие, бьющие крыльями демоны окружили ангела. Все эти годы они не трогали Нахири, лишь случайно наталкиваясь на нее во тьме. Но они знали свою тюремщицу. Знали, что это единственный шанс отомстить.

Ангел плыла к Нахири, медленно прорезая необъятную тьму, пока не поравнялась с литомантом. Она разогнала демонов, и те разлетелись кто куда. Поборница Сорина взглянула на Нахири, на секунду их глаза встретились, и в этот момент Нахири все поняла. Сорин не поработал ангела. Он не обманывал ее, ни к чему не принуждал. От ангела несло Соринем, точно так же, как от Хелволта.

Он *сотворил* ее. Так же, как Хелволт.

Ангел узнала свою противницу по древней схватке. Темные глаза загорелись гневом — гневом, что вложил в нее вампир. Он создал ее по своему образу и подобию, с самого начала извратив ее черты. Сделал ее ненавидящей. Сделал ее *своей*. Нахири поежилась.

Еще одно существо, безжалостно изуродованное Соринем Марковым, — и без всяких шансов на месть или возмещение ущерба. Без шансов на свободу. Фарфоровая кукла, чтобы заменить потерянную ученицу.

Нахири не знала, сколько времени они падали вместе, глядя друг другу в глаза. Говорить после столь долгих лет казалось невозможным.

А потом был свет, *настоящий* свет, и пустота вокруг потрескалась и разлетелась на части, и наконец...

она оказалась...

на свободе...

Разрушения

Год назад

Нахири обрушилась на землю, приземлившись на четвереньки. Ее долгое падение закончилось. Глаза ослепли от света, а какофония звуков терзала уши. Она сосредоточилась, и слепящий свет превратился в формы и очертания, нестерпимый шум — в голоса, а грубая поверхность под ногами — в опрятную мощеную улочку. Нахири подняла голову. Вокруг бегали и вопили люди, пылали пожары, трупы — *трупы?* — бродили по земле, а над всем этим в столпе белого света поднимался в небо проклятый соринев ангел.

И дождем сыпались на землю осколки серебра.

Иллюстрация: [Год Локвуд](#)

Ее руки странно себя чувствовали. Вообще, чувствовать было странно. Нахири взглянула на ладони. Они были в крови. *В крови.* Нахири повелела ранам закрыться, но ничего не произошло. Ее тело больше не было порождением сознания. Снова, как в незапамятные времена, оно стало просто... телом. Плоть

и кровь. Нахири ощущала, как кровь течет по жилам, как тяжелое дыхание загоняет воздух в отвыкшие от него легкие. Мир вокруг закружился.

Надо было уходить. Пока он не нашел ее. Если, конечно, она еще могла уйти, если оставалась мироходцем.

Она осторожно надавила на стены мира и попробовала сдвинуться в том невозможном направлении, которое только мироходцы могли ощутить. Стены мира Нахири почувствовала — она *осталась* мироходцем, что бы ни случилось с ее телом, — но прощупывая их, она поняла, что те куда плотнее, чем она помнила. Они казались ей мыльным пузырем, а теперь это был надежный барьер, на преодоление которого уйдут силы и время. Неужели она так ослабела?

Но нет. Нет. Она надавила, как давила всегда. Дело было не в силе. Стены действительно стали выше и прочнее. Слепая Вечность была дальше от этого мира, чем когда Нахири появилась здесь. Вселенная поменялась, пока она падала в темноте. Нахири чувствовала это.

Но она оставалась мироходцем. Что бы это ни значило.

Приложив изрядные усилия, Нахири выбралась в Слепую Вечность. Как всегда, Слепая Вечность накинулась и закрутила ее. Нахири потеряла ориентацию и понимала, что сейчас может попасть только в один мир — именно туда, где Сорин будет искать ее, если захочет. Но она ничего не могла с этим поделать.

Она почувствовала под ногами каменистую почву Зендикара. В первый раз после пленения она встала во весь рост на твердой земле. Зендикар, настоящий Зендикар. Дом. Нахири стояла недалеко от того места, откуда много лет назад ушла из этого мира. Это было скалистое сердце Акума, где некогда находилось Око Уджина.

Но потолок пещеры обвалился, и Око лежало в руинах. Всюду, куда падал глаз, был хаос: эдры и осколки красной вулканической породы лениво плыли по воздуху. Продуманной структуры, тщательно выстроенной вокруг зала с Оком, да и самого зала просто... не было.

Нет. *Нет.*

Титаны-Эльдрази вырвались на свободу, пока защитница Зендикара томилась в темнице Сорина Маркова. Все, что она здесь построила, все, ради чего она работала, за время ее заключения обратилось в прах.

Нахири сжала окровавленные кулаки. *Где? Где они? Может быть, Эльдрази покинули Зендикар? Может быть, ее мир наконец-то был свободен?*

Она потянулась своей магией к камням вокруг, пока не почувствовала неподалеку знакомую, еле заметную поступь. Кору. Нахири сразу узнала их легкие и ловкие шаги и забралась на хребет, чтобы встретить собратьев. Литомантией она проложила себе ровную дорогу, чтобы не тревожить лишний раз израненные руки. Раны заживут еще не скоро.

[Скальная Дозорная](#) | [Иллюстрация: Эрик Дешам](#)

Дозорный испустил крик, и Нахири ответила хриплым, показавшимся незнакомым голосом. Это был крик-отзыв, бессловесный сигнал, означающий одно: «Я — кор».

Через несколько ударов сердца ее окружила дюжина усталых и потрепанных собратьев.

— Ты ранена, — сказала одна из них, высокая женщина со странными сморщенными шрамами на обнаженном плече. Интонация голоса была необычной, ритм — незнакомым, но говорили они на одном языке. Женщина подняла руки, и они засияли целительной магией. Нахири кивнула, и женщина коснулась ее ладоней, залечивая глубокие царапины, оставленные камнями и осколком луны иного мира.

— Меня зовут Тенри, — сказала женщина, когда раны закрылись.

Нахири не ответила, изображая погруженность в лечебный процесс. Она не знала, что именно до сих пор помнили о ней коры... вернее, об ужасной Пророчице Нахири, чью статую она видела еще до того, как попала в Хелволт.

— Ты одна, — сказал дозорный, мужчина, обвешанный оружием и веревками.
— И без вещей.

— Это долгая история, — сказала Нахири. — Я... что-то вроде отшельницы. Я много времени провела, удалившись от мира, а он сильно изменился. Что произошло?

Они пораженно уставились на нее.

— Всюду Эльдрази и их мерзкие порождения, — проговорил дозорный. — Где же ты была, что не знала о них?

— Замолчи, Эрем, — велела высокая женщина. Тенри. — Она без вещей, потому что она — кователь камней, и жила здесь в одиночестве, оттачивая мастерство.

— Что-то вроде того, — согласилась Нахири. Она поправила красную полосу ткани на руке, знак мастера-кователя камней. Поразительно, как без ее наставлений так долго сохранялись традиции народа, пережив самые бурные времена.

— В прошлом году, — начала Тенри, — три колоссальных чудовища поднялись из скал Клыков Акума. Очевидно, они уже давно дремали там под землей. Их порождения распространились по всему миру, но хуже всего была сама троица титанов. Там, где они проходят... не остается ничего.

— Есть те, — добавил Эрем, — кто считает их Камсой, Талибом и Мангени во плоти.

Некоторые коры сплюнули. Нахири знала только одно имя: Талиб. Она видела его в надписи под своей статуей, где утверждалось, что она — его пророк. За время ее отсутствия и долгого периода покоя наполовину позабытые истории об Эльдрази — истории, которые она в большинстве случаев рассказывала сама, — превратились в легенды. Чудовища, сокрытые в глубинах Зендикара, стали его богами.

Нахири тоже сплюнула.

— Не остается ничего... — эхом повторила она. — Где? Где они успели побывать? Что мы потеряли?

— Бала-Гед, — ответил Эрем.

Нахири ждала продолжения, думала, что он расскажет, какие части Бала-Гед пострадали. Но он больше ничего не сказал.

Бала-Гед. Весь континент...

— Я должна сама на это взглянуть, — сказала Нахири.

Эрем фыркнул.

— До Бала-Геда отсюда далековато.

Тенри кивнула.

— Я могу помочь вам снаряжением, прежде чем отправлюсь в путь, — предложила Нахири. — Это меньшее, что я могу для вас сделать.

Эрем покачал головой.

— Снаряжения у нас хватает, — промолвил он. — Слишком много спутников мы уже потеряли.

— Да хранят тебя боги, — подытожила Тенри. — Те боги, которых ты найдешь в эти тяжелые дни.

Нахири положила высокой женщине руку на плечо.

— Спасибо за помощь, — сказала она. — Жаль, что я ничего не могу для вас сделать.

Она погрузилась в камень под ногами, и коры остались где-то позади. Они были чужаками для нее — как она была чужой для Сорина.

Нахири почувствовала, как велик был урон. Глубины мира были пронизаны новыми тоннелями, покрытыми каким-то странным веществом, спутывающим ее чувства. Всюду, куда она смотрела, было опустошение. Всюду были следы Эльдрази. Земля была истерзана неведомыми Нахири способами. А где-то далеко, на другом краю мира, в Бала-Геде...

Она сосредоточилась — теперь это требовало сосредоточения — и перенеслась через мир в поисках источника неприятностей. Ее мутило, у нее кружилась голова. Надо было подождать, отдохнуть, восстановить силы.

Но с нее было достаточно ожидания. Она должна была узнать, что происходит. Нахири появилась в Бала-Геде, там, где должны были быть пышные джунгли. Но перед ней до горизонта простиралась бесконечная пустошь, покрытая тонкой серой пылью. Ландшафт напоминал поверхность луны, и в любой пустыне было бы больше жизни.

[Пустоши](#) | Иллюстрация: [Джейсон Феликс](#)

В той модели Зендикара, что она так тщательно выстроила в голове за годы заключения, не было ничего подобного. На ее Зендикаре Бала-Гед был живым, необузданным континентом. На этом Зендикаре он был мертв. Здесь не было ничего живого. Даже камни молчали.

Земля задрожала под ее ногами, но Нахири не чувствовала источника дрожи. Прах зашевелился.

Она обернулась. Там, на горизонте, невообразимо огромное, брело чудовище, которое Нахири видела уже дважды: один раз в уничтоженном Эльдрази мире, а второй — когда пленила его с братьями на Зендикаре. Пожиратель. Уджин называл его имя: *Уламог*.

[Уламог, Неумолимый Голод](#) | Иллюстрация: [Майкл Комарк](#)

Нахири упала на колени, опустив руки в безжизненный прах.

Если *это* шло по ее миру...

Если то, что случилось здесь, могло случиться где угодно...

Если она не могла подготовиться, от ее бывшего могущества осталась лишь тень, а сеть эдров, на которую ушли сотни лет работы...

Тогда Зендикару, который она помнила, пришел конец. Его нельзя было спасти. С таким же успехом можно было пытаться остановить солнце в небе. Нахири закрыла глаза и увидела свой Зендикар — Зендикар, каким он был. Мир, который она позволила уничтожить Сорину Маркову. Раскаленные слезы горя и ярости потекли по ее лицу и с шипением закапали в прах.

«Иннистрад истечет кровью, как до этого Зендикар».

Она открыла глаза и взглянула на свои ладони. Ладони, менявшие форму камня и пленившие титанов. Они были покрыты серым прахом.

«Сорин будет рыдать, как до этого рыдала я».

Она взглянула на тварь на горизонте, неумолимо идущую по земле, словно стихийное бедствие.

«Я клянусь в этом на прахе своего мира».

Нахири встала.

У нее было много работы.

[Нахири, Предвестница](#) | [Иллюстрация: Алекси Брикло](#)

ЯВЛЕНИЕ ЭМРАКУЛ

BY KIMBERLY J. KREINES

Безумие на Иннистраде достигло своего апогея. Джейс и Тамиё стали свидетелями сражения Сорина и Авацины и увидели, как вампир уничтожил ангела. Весь Иннистрад содрогнулся, когда Авацина испустила последнее дыхание. Мир, оставшийся без своей хранительницы, теперь беззащитен и перед знакомыми угрозами, и перед пришельцами извне — как и добивалась Нахири. Гулкая дрожь расходится по земле, заставляя содрогнуться и сердца тех, кому до сих пор удавалось противостоять безумию.

УТЕСЫ СЕЛХОФФА

Нахири отлично потрудились.

Она сдержала клятву, которую дала над прахом Бала-Геда. Этот прах до сих пор оставался у нее под ногтями и в самых глубоких складках одежды, напоминая о цели. Покинув Зендикар, она не покладая рук работала дни и ночи напролет, черпая силы в переполняющей ее ярости. Она почти выдохлась, когда тянулась в Слепую Вечность горящими от эфира пальцами, когда придавала форму камню и творила заклинания, куда как более могущественные, чем все, на что она осмеливалась раньше. Все это давалось ей в десятки раз сложнее, чем когда-то. Но она ни разу не пожаловалась, не отступилась и не остановилась отдохнуть. И теперь — наконец-то — ее ожидала награда. Расплата за упорный труд, и платить по счету будет Сорин.

Последний оберег Иннистрада пал. Нахири почувствовала, как исчезает последний рубеж обороны, будто с солдата после битвы снимают тяжелый доспех. Мир остался нагим и беззащитным. Вот только на этот раз битва была не закончена. Она только начиналась.

«Иннистрад истечет кровью, как до этого Зендикар». Нахири задержала дыхание. Земля под ее ногами затряслась. Весь мир дрожал, его сводили судороги, словно где-то в глубине не смолкали взрывы, эхом раздающиеся в ночи. Сорин это почувствует. Мысль об этом доставила Нахири невероятное наслаждение. «Приди! — закричала она, обращаясь к небу. Приди ко мне! Приди на Иннистрад!»

[Искаженный Ландшафт](#) | Иллюстрация: [Клифф Чайлдс](#)

И тогда она почувствовала присутствие.

Воздух стал неподвижным, раскаленным. Нахири сделала глубокий вдох. «*Да!*» Ей был слишком хорошо знаком этот запах. Ее охватила дрожь, какой она не ощущала уже много веков. На ставших непослушными ногах Нахири подбежала к краю утеса. В голове крутился хоровод мыслей, не поспевавших за колотившимся сердцем.

Она посмотрела на море. На храм, что возвела для божества. Он больше не был пуст. Глаза Нахири наполнились слезами, но она смахнула их. Сейчас — не ее время плакать. «Сорин будет рыдать, как до этого рыдала я».

Тень под водой становилась все больше, бушевали волны, и поверхность воды вспучилась, готовая прорваться. Наконец-то. Пришло время.

ТОПИ ГЕВОНЫ

Пришло время. Время молитвы.

«Всеблагой архангел Авацина! Мама говорила, что если будет страшно, надо молиться. Мне страшно!»

Иллюстрация: [Дэн Скотт](#)

Мейли заслоняли катары со сверкающими клинками и в прочных стальных доспехах, но он дрожал от страха. Ему было очень одиноко.

Ему было одиноко с того самого дня, когда ужасные ангелы обрушили на его деревню огненный дождь. Мама велела ему бежать в лес, и он не вернулся в деревню. Не вернулся, хотя много раз хотел. Но мама сказала, что возвращаться нельзя, как бы ему ни хотелось, и такой серьезной Мейли не видел ее еще ни разу. Он решил, что лучше ее послушаться. А теперь думал, что не стоило. Теперь ему больше всего на свете хотелось домой.

Мейли сжимал в объятьях тряпичного кролика, которого ему подарила седая старушка. Та, что нашла его в лесу и отвела к себе в дом, где пахло сладостями и заплесневелым хлебом. Старушка сказала, что ее зовут госпожа Сэди, и что он может жить в ее доме, сколько захочет. Но Мейли этого совсем не хотел.

«Всеблагой архангел Авацина! Я хочу домой. Пожалуйста! Можно мне домой?»

Ответа не было. Вместо ответа к нему тянулись толстые извивающиеся руки, проскользнувшие мимо мечей катаров. Руки, которые вырвались из груди госпожи Сэди сегодня вечером, когда они сели ужинать. Это случилось вскоре после того, как сначала под Мейли задрожал стул, а потом порыв ветра занес в дом через открытое окно аромат приторного нектара. Ложка с густой похлебкой была у мальчика во рту, и в этот момент грудь госпожи Сэди будто взорвалась. Мейли поперхнулся, и горячее варево потекло у него через нос, обжигая голову. Он заплакал. Слезы текли у него по щекам, а многочисленные руки госпожи Сэди жадно тянулись к нему.

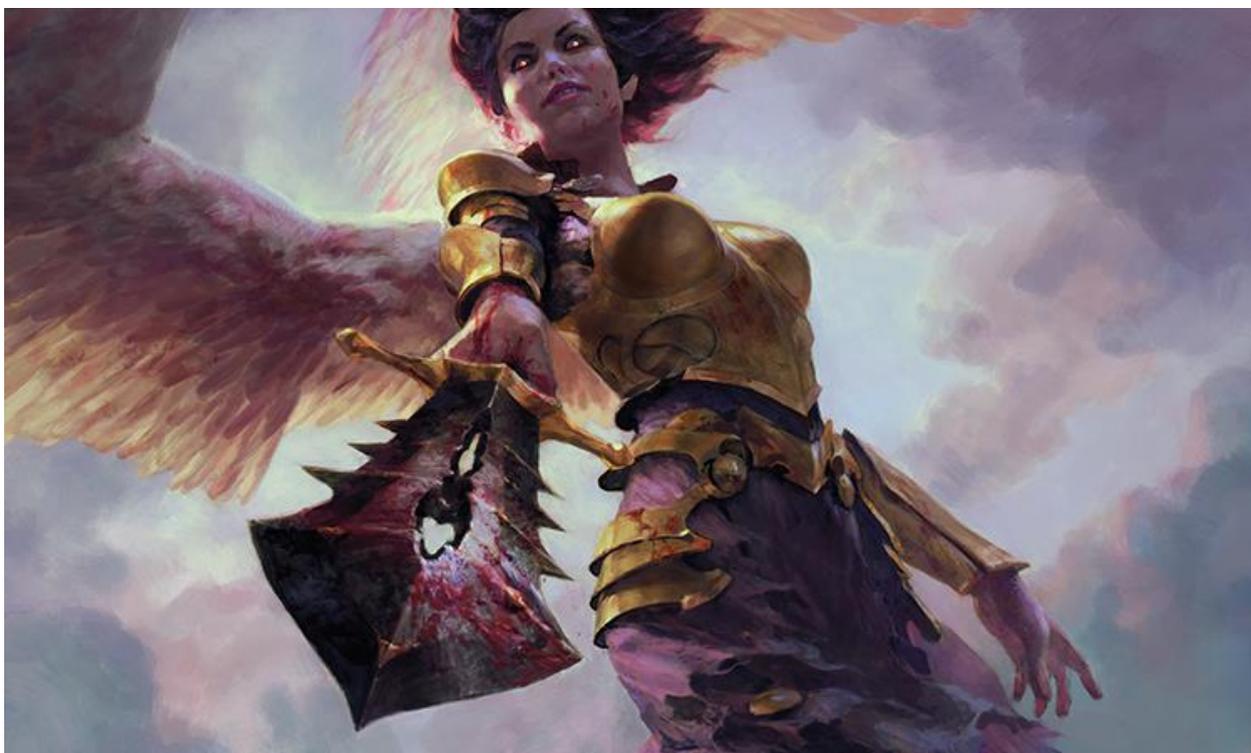
— Назад! — катары крутились в высокой траве, отрубая одну руку за другой. Обрубок упал у ног Мейли. Мальчик взглянул на него, и у него внутри все перевернулось. Это была одна из настоящих рук старушки. На ней еще оставался обрывок желтой кофты, а внизу красовалась большая коричневая волосатая родинка.

Мейли уткнул лицо в тряпичного кролика. По щеке вновь скатилась слеза. «*Пожалуйста, Авацина!*» Однажды ангел уже пришла к нему. Она спасла его. Когда он потерялся и умирал от страха. Мама тогда сказала, что Авацина услышала его мольбу о помощи — он молился так сильно, что Авацина не могла не прийти. Мейли не знал, как одна молитва может быть сильнее другой, и как сильно надо молиться, чтобы Авацина услышала, но понимал, что должен попробовать. Он изо всех своих сил прокричал молитву во влажную, истертую ткань тряпичного кролика. «ПОЖАЛУЙСТА, АВАЦИНА! ПОМОГИ!»

— Авацины больше нет!

Эти слова словно проделали дыру в животе Мейли, и из нее пополз ледяной страх, растекаясь вверх по спине и шее. Холодными пальцами он залез мальчику в череп, схватил за голову и обратил глаза к небу.

Ангел.

[Ангельское Очищение](#) | Иллюстрация: [Чэнь Цзэчжоу](#)

На короткое мгновение в сердце Мейли затеплилась надежда. Надежда, что это ложь... хотя он уже понял, что ангел в небе не был Авациной.

— Она уже здесь, — проговорила ангел, глядя Мейли прямо в глаза.
— Она поднимается! Поднимается!

Ангел запрокинула голову, и ее жуткий визгливый хохот заполнил собой небо. Вдруг она резко замолчала и замерла, словно заледенев в воздухе.

— Я... Я'мракул!

Она нырнула в пике, рассекая острым клинком воздух. Мейли зажмурил глаза. *«Пожалуйста!»*

НЕФАЛИЙСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

«Пожалуйста! Пожалуйста, выбери меня!» Эдит пыталась уцепиться ступнями за гладкий мокрый камень, встать понадежнее. Она была так близко, как только могла. Так близко, как это было только возможно до явления, до претворения. И все же она хотела быть ближе.

«Пожалуйста, выбери меня!» Она доказала свою преданность. Безграничную преданность. *«Безграничную преданность...»*

«Выбери меня». Эдит украдкой взглянула из-под своего капюшона сначала налево, потом направо. Да. На ближайших камнях не было никого из последователей культа. Она выпрямилась во весь рост. Она гордилась. Никто не осмелился встать там, где стояла она. Никого не было так близко. Она была ближе всех. *«Ближе всех».* Но она хотела быть еще ближе.

«Выбери меня! Меня! Меня'мракул». Она раскинула руки и подняла их к небу, открываясь тому, что должно было прийти.

Волны разбивались о камень, обдавая ее солеными брызгами. Она чувствовала: пришло время.

Иллюстрация: [Джозеф Михан](#)

— Эмракул!

Имя было исполнено могущества, и чувство полноты охватило ее, когда забурлила вода.

— Эмракул!

Полнота поглотила ее, переплелась с ней, стала ею. Морская вода выпучилась, как исполинский купол.

— Выбери меня, Эмракул. Забери меня! Эмракул!

Другие голоса зазвучали за ее спиной, повторяя те же слова в такт пульсирующему под водой фиолетовому сиянию.

— Выбери меня'мракул. Возьми меня'мракул. Я'мракул!

Сияние становилось ярче, больше, мощнее, пока не превратилось в нескончаемый поток света. Эдит встала на самый край своего камня, и пальцы ног нащупали пустоту. Она была самой первой. Самой ближней. Еще ближе. Еще и еще.

По сторонам громадные перекрученные каменные столбы сверкали в ночной темноте. Фиолетовые разряды слетали с их заостренных концов, перескакивая с одного столба на другой. Это была Ее сила. Только Ее. Все в этом мире принадлежало Ей. Ближе. Ближе.

Иллюстрация: [Джейми Джонс](#)

Вода поднималась, и волны бушевали, накатывая на камни. Больше не видно было различия между морем и сушей. Эдит придвинулась еще. Никогда раньше она не была первой. Лучшей. Никогда раньше. Но раньше не имело значения. Важно было то, как сейчас. Первая. Ближе всех. Лучше всех. «Я'мракул!»

Морская вода взорвалась, взлетев в воздух, поднялась, как каменный столб, обрушилась сама на себя, разрушаясь и вырастая одновременно — хаос в движении. А потом она замерла, словно время остановилось. Повисла, как скалистый утес в небе. Из глубины моря раздался рокот.

И поднялась Эмракул.

Иллюстрация: [Тайлер Джейкобсон](#)

Эдит не смогла сдержать радостного крика. Звук ее голоса зазвучал в унисон с волнами Ее могущества, растворился в Ее объятьях, став полным.

Эмракул заметила Эдит. Она взглянула на Эдит своим громадным сияющим фиолетовым глазом.

И Эдит увидела Эмракул. Она смотрела в сияние, не отводя взгляда, падая все глубже и глубже в Ее непостижимую сущность. Она столько могла увидеть, столько могла стать. Она была избрана. «Я'мракул!»

Она придвинулась ближе.

ЧАЩА УЛЕНВАЛЬДА

Она придвинулась ближе, прижимаясь спиной к Алене. Их окружили, и они стояли спиной к спине. На мгновение Хал захотелось сдаться, упасть на землю. Но вместо этого она сосредоточилась на тепле, исходящем от сильных рук Алены, на мускулах, прижимающихся к ее ослабевшему телу, и на смелости подруги, которая, казалось, не замечала, что мир катится в бездну.

— С кого начнем? — нарочито насмешливым тоном бросила она через плечо.

Двигаясь в унисон, они поворачивались на месте, оценивая сложность задачи. Они были на поляне в Уленвальде, но Уленвальд был совсем не тем, что они знали. Все стало ужасающе изуродованным: у деревьев теперь были руки с длинными тонкими пальцами, хватающими за волосы, у колючих

кустов — бормочущие и визжащие рты, у моховых кочек — лапы, на которых они бегали, словно перепуганные крысы. А теперь и горожане, которым нечего было делать в лесу, поддались зовущей силе и превратились в тварей, ужаснее которых Хал не встречала в жизни.

— Начнем с горожан, — ответила Алена.

Хал кивнула.

Их было трое, и их тела изменились так, что в них лишь с трудом можно было распознать людей.

«Тут'мракул! Будь'мракул!» — кричали они.

Хал чувствовала, как манят их слова. Горожане не устояли перед влечением, искушавшим Хал. Они поддались ему, и им больше не надо было бороться.

«Все'мракул! Мы'мракул!»

В ушах у Хал звенело, и крутило все внутренности. Ей станет так легко. Она сможет... *нет!* Ровное биение сердца Алены говорило «нет».

— Я начну с дерганого, а ты бери толстого, — голос Алены так ни разу и не дрогнул.

Хал заставила себя забыть про сдавленное горло и про голову, которую будто сжимал стальной обруч.

— Хороший план.

Она попробует. Она будет сражаться. Хал крепче сжала рукоять меча и закрыла разум от бессвязных воплей. Значит, толстого. Она сосредоточилась на толстом... и вдруг задохнулась от изумления.

— Алена! Алена, это... — Хал не могла закончить фразу.

Алена обернулась поглядеть.

— Старейшина Кольман. Да помогут ему ангелы.

Иллюстрация: [Дэн Скотт](#)

У Хал закружилась голова и потемнело в глазах. Это невозможно...

«Все'мракул!» — чудовищный старейшина потянулся вперед. Хал смогла лишь выставить меч, чтобы остановить его толстую ветвящуюся руку.

«Тут'мракул! Будь'мракул». Слова старейшины Кольмана звучали в ушах Хал. Она ничего не понимала — как человек, которого она знала, мог превратиться в эту тварь?

Старейшина взмахнул рукой, толстой, как ствол дерева. Хал отпрянула назад. Мысли в ее голове бешено кружились.

«Все'мракул! Будь'мракул». Слова вертелись вокруг нее, окутывали своей пеленой. Они приказывали ей не волноваться, не думать, просто сдаться. *«Будь'мракул. Я'мракул».*

— Хал? — раздался голос Алены. — Хал! Его рука! Осторожно, справа!

Хал услышала слова, но не осознала их. Вдруг серебряная вспышка прошла толстую руку старейшины. Клинок Алены. Хал знала, что тоже должна поднять свой меч. Но он был слишком тяжелым. Он не хотел, чтобы его поднимали.

«Будь'мракул. Одна'мракул». Ей казалось, что она плывет по воздуху.

— Хал! — голос Алены был встревоженным. Но она была далеко. Так далеко...

«Будь'мракул».

— Хал, не теряйся!

«Все'мракул!»

— Ты нужна мне!

«Я'мракул...»

— Пожалуйста!

Прикосновение Алены, ее мокрые от пота пальцы, сжавшие запястье Хал, смогли вырвать девушку из удушливых объятий. Она взглянула на женщину, которую любила.

— Хал? Прошу тебя, Хал...

Она не хотела, чтобы Алена расстраивалась. Не хотела, чтобы Алена была так далеко. И не хотела, чтобы Алена была одна.

Она должна была сражаться. Это было трудно. Труднее, чем все, что она делала в жизни. Но она должна была это сделать. Она разбила сжимавший голову обруч и отыскала в себе силы поднять клинок.

— Все хорошо, Алена, — сказала она. — Со мной все будет хорошо.

— Ну конечно, будет, — Алена помогла ей подняться на ноги, и Хал почувствовала, как уходит напряжение подруги.

«Будь'мракул», — донеслись слова из пасти старейшины.

Хал взглянула на него... *нет*, эта тварь уже не была им, не была старейшиной Кольманом. Она была чудовищем. Чудовищем, что пыталось разлучить Хал с ее верной спутницей. Она этого не позволит.

— Думаю, надо расправиться с ним вместе, — кивнула Алена на чудовище.

Да, пожалуй, так будет лучше.

Они встали плечом к плечу, вплотную друг к другу. Алена выдохнула.

— По моей команде...

Но Хал не понадобилась команда. Она почувствовала движение мускулов Алены, и ее собственные мышцы привычно отозвались. Девушки двигались вместе, как обоюдоострая секира, нанося удар с двух сторон, но всегда встречаясь в середине. Клинок Алены разрубил левое плечо чудовища, а меч Хал прошел через правое. Извивающиеся конечности упали на землю, но жуткая тварь, казалось, этого даже не заметила. Она бросилась в атаку.
«Мы'мракул!»

Хал нанесла новый удар, срубив голову бывшему служителю церкви. Но та продолжала бормотать: «Я'мракул, все'мракул, Эмракул!».

Хал больше не могла этого выносить.

— Заткнись! — она занесла меч и опустила его с такой силой, что голова раскололась пополам. Из нее вырвался клубок переплетенных щупалец — казалось, он сам пытался разорвать изнутри ставшее тесным пространство.

Слова затихли. Все было кончено.

Хал потянулась и нашла ладонь Алены. Их пальцы переплелись, и Хал поняла, что Алена всегда будет рядом с ней. Она дала безмолвное обещание, что никогда не оставит подругу.

«Мы'мракул! — раздался за спиной голос другого горожанина. — Будь'мракул».

Хал хотела закричать. А потом она увидела. За телом павшего старейшины был проход, путь прочь с этой поляны ужасов.

— Бежим! — она потянула Алену за руку. — Сюда!

Алена побежала за Хал, отбиваясь от тянущихся к ней конечностей и змеящихся щупалец. Под сень деревьев. Туда, где в воздухе не стояла вонь гниющей плоти. Туда, где колючие кусты сохраняли молчание, а мох не носился по земле, как мерзкое животное.

Они бежали, пока не утихли слова за их спиной, пока они не почувствовали, что на голову больше ничего не давит. И тогда они побежали еще дальше, пока ноги не отказались их нести, а легкие не начали разрываться от боли. Они остановились на краю утеса, облокотившись друг на друга, упершись лбами и сжимая друг друга за плечи. Каждая чувствовала на губах тяжелое дыхание подруги.

— Хал.

— Алена.

Они никогда не сдадутся. Они всегда будут вместе.

НЕБО НАД ИННИСТРАДОМ

Они всегда будут вместе. Всегда. Они увидели свет и почувствовали могущество. Истина заполнила их. Она сотворила их.

Бруны больше не было.

Гизелы не существовало.

Вместо этого они стали. Ей. Единой. *Одна'мракул.*

Ангел Эмракул расправила четыре крыла, распростерла руки и закричала одним голосом из двух глоток: «Мы — Эмракул!».

Иллюстрация: [Клинт Керли](#)

Созданные по Ее образу, образу непреходящей истины, они возвещали Ее устами: «Мы — Эмракул!».

На их призыв явились другие. «Мы'мракул!» Голоса поднимались в небо, сливаясь в единый хор, единую истину: «Одна'мракул, будь'мракул, мы'мракул!».

Это было наслаждением. Это было всем. Это было Ею.

Ангел Эмракул следовала за Ее светлым обликом и вела за собой идущих по земле. Земля, пребывавшая во тьме, теперь купалась в Ее свете — истинном свете, распространявшемся все дальше и дальше, чудесной заре, что скоро осветит все уголки мира. «Все — Эмракул! Мы — Эмракул!».

ДОЛГАЯ ДОРОГА В ТРЕЙБЕН

«Мы — Эмракул! «Все — Эмрак... Тьфу! Нет! — Джейс резким жестом прогнал закрутившиеся у него в голове слова. — И не лезьте».

Тамиё научила его, как дать отпор безумию Эмракул, но сохранять щит разума оказалось сложнее, чем могло показаться со слов соратами. Это было затруднением. Большим затруднением для его плана.

Каждый раз, когда он подолгу сосредотачивался на чем-то, кроме Эльдрази, щупальца Ее скверны забирались ему в голову, пробивали защиту и лезли в самые глубокие уголки разума.

На этот раз Джейса отвлек вид чудовищного ангела в небесах. До этого ему удавалось не отрывать взгляда от спины Тамиё, концентрироваться на тропе среди скал и следовать за соратами к месту, которое она называла точкой схождения. Но ангела не замечать было невозможно. Его облик был столь невероятен, что любопытство Джейса взяло над ним верх. Он взглянул в небо — и уже не смог отвести взгляда. Потребовалось время на то, чтобы осознать, что он увидел. Сначала он решил, что это демон, но все было гораздо хуже. К тому времени, как Джейс рассмотрел две пары крыльев и сетчатую соединительную ткань между двумя головами, услышал слившийся воедино голос, его разум успел потеряться. Это было недопустимо. Чтобы исполнить то, что он задумал, Джейс должен был быть уверен в своем разуме. Но готов ли он был пойти на это? Готов ли он был привести остальных сюда, в этот мир гнетущего безумия?

От этих мыслей на Джейса накатила волна тошноты. Замысел казался ему правильным. Разве не так? Да, он считал, что это единственное решение. Он был уверен... почти уверен. Близок к уверенности.

— Гр-р! — Джейс всплеснул руками.

Тс-с! — сердито обернулась на него Тамиё.

— Извини, — Джейс в защитном жесте поднял руки.

Тамиё скривилась, но отвернулась и продолжила путь, освещая тропу светом волшебного фонаря. Надо было ей сказать. Велеть ждать тут и отправиться за помощью. Им было не справиться вдвоем. На самом деле так было с самого начала, даже когда Джейс думал, что во всем виновата обезумевшая Авацина. Если бы в соборе не появился Сорин... *Сорин*. Джейс проклинал древнего вампира, который поставил Иннистрад на грань уничтожения, а затем удалился, оставив Джейса разгребать бардак.

Но титан Эльдрази — это не тот бардак, который можно разгрести в одиночку. Никто не мог бы справиться с таким один. Сам Гидеон приказал Джейсу вернуться на Зендикар, если он узнает что-то о титане. А Джейс не только узнал о титане. Он нашел Ее. Гидеон будет очень доволен.

Перед ним Тамиё замедлила шаг и подняла вверх фонарь. Взгляд Джейса проследовал за лучами усиленного магией света, поднимаясь к небесам. И тогда маг пожалел об этом.

Он впервые увидел Ее своими глазами. Ее, Эмракул.

Иллюстрация: [Джейсон А. Энгл](#)

Джейс не мог отвести глаз.

Он мог поклясться, что Эмракул больше, чем оба других титана. И, в своем роде, гораздо могущественнее. Она была в этом мире совсем недолго, а казалось, что Ей принадлежит здесь уже так многое. Весь Иннистрад поднимался, чтобы следовать за Ней. Сектанты менялись по Ее образу и подобию и брели по камням, отбросив все, чем были в прошлой жизни. Звери и чудовища на земле, в морях и в небе собирались за Ней, где бы Она ни прошла. Деревья, кусты, мох... даже водоросли вылезали из воды, чтобы быть ближе к Ее преобразующей силе.

Джейс почувствовал, что тоже хочет пойти к Ней. «Я'мракул».

«Нет!»

Ему захотелось встряхнуться. Нужно было очистить разум. Нужно было подумать. Нельзя позволять Ей получить то, что Она хочет. Сжав от усилия кулаки, Джейс вновь применил прием, которому научила его Тамиё. Избавление разума от остаточных следов безумия чем-то напоминало очистку головы от паутины. Плотной сетчатой паутины, сплетенной колоссальным чудовищем-Эльдрази, вознамерившимся поглотить разум каждого живого существа в этом мире. Джейс поежился от отвращения.

Ему придется делать это и для них, для Гидеона, Чандры и Ниссы. Он должен будет защищать их разумы вместе со своим. Нельзя просто привести их сюда и бросить Ей на растерзание. Он так не поступит. А значит, оставался один вопрос: справится ли он? Джейс задавал себе этот вопрос уже сотню раз, но пока не знал на него ответа.

— Значит, Ее называют Эмракул? — любопытный голос Тамиё прервал его размышления. Джейс взглянул на нее. Ее лицо было образцом безмятежности, словно укрывать свой разум от безумия было для нее не сложнее, чем дышать.

— Да, — ответил Джейс. — Среди прочего Ее называют так.

— Удивительно, что у такой твари есть имя, — Тамиё сняла подзорную трубу с пояса и поднесла ко глазу. — Интересно, а как Она сама себя называет?

Джейсу не приходил в голову этот вопрос. Он даже не думал, что это имеет значение... но соратами смотрела на мир иначе, чем он. Джейс поглядел на исполинский силуэт Эмракул, пытаюсь увидеть Ее, как видела Тамиё. Он заглянул в ее огромный фиолетовый глаз. Тот был теплым и манящим. Джейс задумался, что он сможет найти, если пройдет внутрь. Уже на самом краю он опомнился, сумев удержать себя.

«Как тебя зовут? — спросил он. — Как ты называешь себя?»

Поток слов хлынул на него из всех уголков его же разума:

Извечная бесконечность — ибо мир принадлежит мне.

Абсолют — ибо все будет моим.

Начало — ибо все станет мной.

Сущее — ибо все суть все'мракул.

Гибель.

Гибель.

Гибель.

Джейс отшатнулся, хватая ртом воздух. Нет, это не гибель. Это не станет гибелью. Ни для него, ни для Иннистрада. Нельзя было больше сомневаться и медлить. Надо было довериться своему разуму. Он вновь поглядел на спокойную Тамиё. Если она на это способна, то справится и он. Справится — ради них. «Да». Настало время пригласить Стражей на Иннистрад. Джейс откашлялся.

— Тамиё, мне нужно уйти.

— Что? — Тамиё повернулась к нему, изумленно распахнув лавандовые глаза.

— Есть еще трое. Мирородцев. Они сильны, они лучшие в своем деле, и они смогут помочь. Я должен привести их. В другом мире мы убили двух подобных тварей, — он кивнул на Эмракул, стараясь не смотреть в Ее сторону.

Тамиё недоверчиво посмотрела на него:

— Двух?

— Понадобились все наши силы, но да.

Тамиё наклонила голову и прищурилась. Джейсу вдруг захотелось отвернуться, под ее пристальным взглядом он чувствовал вину — хоть и не знал, почему. И вдруг она улыбнулась.

— Это правда. Да, я вижу, что все так и было. Вот это история! Хотелось бы мне выслушать ее, — она вздохнула, — но, пожалуй, в другой раз. Если мы хотим, чтобы история этого мира не закончилась тьмой, каждый должен исполнить свой долг.

— Пойдешь со мной?

— Нет, Джейс. Это не мой путь.

— Но ты будешь здесь, когда я вернусь?

— Все мы будем там, где должны быть.

Джейс открыл рот, чтобы возразить, но почувствовал успокаивающее прикосновение к разуму. Тамиё. Ему больше не нужно было бороться, чтобы сохранять рассудок. Он даже не осознавал, как тяжело это было. Словно прошла ужасная головная боль. И пришло облегчение. Джейс расслабился, наслаждаясь покоем.

— Я защищу твой разум, чтобы ты смог покинуть мир, — сказала Тамиё. — Ступай.

Джейсу ничего не хотелось так сильно, как сделать, как она говорит. Уйти, не видеть больше этот мир, не видеть титана. Вернуться туда, где они одержали победу. Зендикар. Мореград. Мерфолки, коры и вампиры — все вместе. Там будет Нисса с ее горящими зелеными глазами. И широкоплечий, всегда улыбающийся Гидеон, и...

— Вы смотрите, кто явился! Гидеон, иди-ка сюда!

— Чандра.

— Где тебя носило? — Джейс услышал топот сапог, и остававшийся перед глазами образ Эмракул растворился, уступив место радостной улыбке друга.

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА ИННИСТРАДА

BY DOUG BEYER

*Замысел Нахири увенчался успехом, и на Иннистрад явилась Эмракул — титан Эльдрази. Тем временем в башне в своем поместье Лилиана Весс экспериментирует с силами Кольчужной Завесы — и получает болезненный ответ. С тех пор, как **Лилиана повздорила с Джейсом**, она решила, что в схватке с демонами будет полагаться лишь на собственные силы.*

С углов Кольчужной Завесы свисали металлические провода. Лилиана Весс отражалась в сосудах из прозрачного стекла, куда вели провода, в сетчатой поверхности шара ведьминой гибели на подоконнике и в проводящих трубках, уходящих в окно и ведущих на крышу. Письмена на ее лице были едва различимы через Завесу. Цвет линий на коже гармонировал со зловещими сполохами в грозových облаках за окном. Сверкали молнии.

Еще два демона должны были умереть. Но она должна была быть уверена, что сама не умрет, встретившись с ними. Кольчужная Завеса была грозным оружием, но могла стать смертельно опасной для своего владельца. Если все получится, то опасностей при использовании можно будет избежать. Тогда Лилиане не нужна будет помощь какого-то там мага разума, гонящегося за загадками по всем провинциям. Она сама раз и навсегда избавит Мультивселенную от своих кредиторов.

— Мы готовы? — спросила Лилиана.

[Кольчужная Завеса](#) | Иллюстрация: [Волкан Бага](#)

Гости ее башни не могли похвастаться и толикой того ума, что был у Мальчика в Плаще, но придется обходиться ими. Маг привидений Дьерк шепотом бормотал себе под нос шпаргалку, поправляя выпускные клапаны и закрепляя зажимы на шаре. Его помощник Гаред стоял у окна, и его единственный большой глаз глядел то на оборудование, то на разразившуюся снаружи бурю. Руку он держал на внушительном рубильнике.

— Приемники поднялись, сударыня, — сказал маг привидений. — А сила бури подбирается к высшей точке. Но я просто обязан заметить, что мы собираемся направить колоссальный заряд призрачной энергии непосредственно в артефакт...

— Я все понимаю и без твоих объяснений, — прервала его Лилиана.

— Укротив для этого молнию.

— Да.

— При этом Завеса будет у вас.

— Я знаю.

— У вас на лице.

Лилиана закатила глаза:

— Поток энергии привидений через шар придаст ему свойства призрачной антенны, притягивающей к себе любые возникающие при использовании

артефакта энергетические выбросы. Таким образом возможно будет обезопасить оператора, развеять выбросы в атмосфере, нейтрализовать отдачу и подготовить артефакт к дальнейшему использованию.

Дьерк взглянул на Гаред и погладил верхнюю губу, не снимая перчаток.

— Это теоретически.

— Послушай, Дьерк, — сказала Лилиана. — Моя подруга рекомендовала тебя, потому что думала, что ты разбираешься в поведении призраков. Это так или нет?

— Конечно так, сударыня, — ответил захваченный врасплох Дьерк.

— А если так?..

— А если так, то давайте начинать, — Дьерк надвинул защитные очки на глаза. — Предупреждаю... будет больно.

— Боль проходит, — ответила Лилиана, откидываясь в кресле. Прикрепленные к Кольчужной Завесе провода закачались. — К тому же... не на Гаред же нам ее испытывать.

Гаред ухмыльнулся. Он моргнул, и его большой глаз на мгновение закрылся с двух сторон, как у ящерицы. Дьерк кивнул помощнику, и тот рванул рубильник вниз.

Иллюстрация: [Адам Пакетт](#)

Шар ведьминой гибели загудел, на циферблатах задержались стрелки. Лилиана почувствовала, как звенья Кольчужной Завесы прилегают к лицу.

— Работает, — сказал Дьерк. — Теперь осталось дожждаться, когда ударит...

Молния.

Зубы Лилианы непроизвольно щелкнули, когда разряд прошел по ее телу. Змеящиеся дуги энергии затрещали между уходящими к приемникам на крыше проводами, и явились духи мертвых. Вопящие привидения неслись по трубкам, заполняя шар и сосуды из укрепленного стекла своими электропризрачными криками. От оборудования разлетались фонтаны искр, но приборы выдержали.

Заряд завывающей энергии прошел через Завесу. Лилиана почувствовала, как та слегка поднимается над лицом, словно ее звенья вдруг стали невесомыми.

Она кинула взгляд на остальных. Дьерк бросил поправлять зажимы и щелкать переключателями и вжался в стену, закрывая руками лицо. Гаред потянул палец к беснующейся дуге разряда, и удар тока отбросил его назад. В стекле и металле приборов Лилиана видела, как сияют письмена на ее коже, как слова демонического контракта окутывают ее облаком света.

В эти моменты Лилиана испытывала величайшее наслаждение. Она собиралась призвать грозное, внушающее страх могущество.

Схватившись за подлокотники, Лилиана коснулась силы Завесы.

Отдача была немедленной и невыносимой. Тысячи заключенных в Завесе душ наполнили Лилиану своей мощью, но с мощью пришла боль — всепоглощающая и ослепляющая. Неотделимая от волшебства, которому открывала дорогу. Шар не принял на себя ни капли этой отдачи.

В лаборатории полопались пробирки, приемники на крыше перегорели.

— Я отключаю! — крикнул Дьерк, потянувшись к рубильнику.

— *Нет!* — приказала Лилиана не допускающим возражений тоном. Дьерк отдернул руку.

Комната тряслась. Лилиана сжимала подлокотники кресла, пытаясь удержать комнату, пытаясь удержать рвущийся на волю крик, пытаясь увидеть хоть что-то, кроме боли. *«Боль проходит...»*

Не в силах больше сдерживаться, она закричала. Предохранители взорвались, и башня погрузилась в темноту. Призрачное завывание утихло, и Лилиана слышала лишь собственное тяжелое дыхание.

Гаред чиркнул спичкой и зажег фонарь. По лаборатории словно смерч прошелся. Все приборы были сломаны. По подоконнику били капли дождя.

Лилиана сняла провода и стянула Кольчужную Завесу. Из слов на ее коже сочилась кровь.

— Я предупреждал о рисках, сударыня, — сказал Дьерк.

Она поглядела на него, представляя, как кожа мага сползает с тела, и освеженный скелет бормочет *«извините»*. Но вместо этого она просто указала головой на дверь:

— Ты свободен. Отнеси шар хозяйке.

Прогремел гром, поставив точку в предложении.

Дьерк спешно побросал в сумку использованный шар ведьминой гибели и кое-какие другие предметы и удалился. С винтовой лестницы еще долго доносилось эхо его шагов. Гаред осторожно отодвинул ногой кучку осколков стекла, но не спешил уходить.

Лилиана убрала Кольчужную Завесу в карман юбки. Лучшие умы Иннистрада не смогли ей помочь. От фолиантов и гримуаров по магии призраков не было толку. Даже лучший эксперт по привидениям, которого рекомендовала Оливия, не смог укротить Завесу.

Лилиана смотрела в окно на разыгравшуюся над Стенсией грозу, время от времени промокая платком слова на коже. В ночной темноте далекий Трейбен светился, словно свечка.

Она ненавидела зависеть от кого-то еще.

Но ей вовсе не нужен был Мальчик в Плаще, напомнила она себе. Просто нужно было, чтобы люди нуждались *в ней*, так что ей будет, кем отгородиться от возомнивших о себе невесть что владык демонов.

Но как бы сделать так, чтобы он был ей *обязан*?..

Снизу раздался человеческий крик. За ним — рычание, звуки борьбы, и кто-то шумно упал.

Отбросив запятнанный красным платок, Лилиана побежала вниз по лестнице.

Она услышала и почуяла их еще до того, как увидела — их гортанный рык и голодные подвывания. Вонь мокрой шерсти и заглушающая ее вонь крови.

Иллюстрация: [Джозеф Михан](#)

Вервольфы. Они заполнили тронный зал Лилианы.

И они выглядели... нет, не больными, скорее искаженными, будто их плоть и кости стали податливой глиной в руках какой-то неестественной силы. Их конечности изгибались причудливым образом, складываясь и перекручиваясь, словно пучки водорослей.

Но они оставались вервольфами, и у них оставались острые когти. Дьерк лежал на полу с разорванной грудью. И содержимое его сумки, и содержимое грудной клетки вервольфы разбросали по полу. На бледном лице Дьерка застыло выражение крайнего изумления. Он испустил свой последний вздох, словно сдувшийся воздушный шарик.

Вервольфы повернулись к Лилиане и принялись. Один заревел, и там, где должен был быть его язык, Лилиана заметила глаз.

Тут нужен был целый набор смертоносных заклинаний, каждое — специально подобранное для одного из стоящих на пути вервольфов. Силы — ровно столько, чтобы разделаться с ними, пробить проход к дверям особняка.

— Гаред! — закричала Лилиана через плечо. — Бери пальто!

Кольчужная Завеса осталась у нее в кармане.

Спустя несколько часов гроза утихла, но вся Стенсия превратилась в безумный зверинец. Лилиана заметила, что у всех, кого она встречает, что-то *поменялось* в облике. У бродячих вампиров были нелепые силуэты, им всегда или чего-то не доставало, или же было в избытке. Путники с невозможными телами, шатаясь, шли им навстречу, выкрикивая пророчества о камнях и море.

Наконец Лилиана, Гаред и волочащий ноги Дьерк оказались у колоссальной двери.

Над ними возвышалась крепость Луренбраум — голая скала, прямо из камня которой вырастала цитадель. Наверху строгость камня уступала место ярусам витражных окон, за каждым из которых виднелся роскошный канделябр с мерцающими свечами. Из многих окон выглядывали облаченные в древние сверкающие доспехи вампиры.

Лилиана жестом велела Гареду постучаться.

Тот уважительно смерил взглядом высокую дверь.

— А вы правда знаете хозяйку дома? — спросил он.

Дьерк издал булькающий звук, чтобы поддержать беседу. У него была сломана шея, так что голова висела под странным углом, а из горла выпирала шишка. Но, хотя бы, ноги донесли его до этого места, а руки дотащили использованный шар ведьминой погибели. Длинное пальто Гаредда было плотно обмотано вокруг торса Дьерка, чтобы у мертвеца не вывалились внутренности. Лилиана приподняла ладонь, и Дьерк расправил плечи, но голова все равно свисала набок. Его разорванный язык не помещался во рту, так что труп мог только булькать. Лилиана пожала плечами.

— Я стараюсь знать всех, кто обладает могуществом, — ответила она Гареду.
— И ее тоже.

Гаред постучал в дверь кулаком, а потом отошел.

Дверь открылась, и появилась грозная женщина в ярком одеянии — или яркая женщина в грозном одеянии. Она держала в руке посох жрицы, ярким огнем освещающий лицо Лилианы.

— Госпожа не принимает людей, — заявила женщина, обнажив клыки. Ее глаза напоминали два черных колодца, из которых струился дымок.

Жрица Кровавого Зала | Иллюстрация: [Марк Уинтерс](#)

— Я возвращаю ей ее вещь, — сказала Лилиана.

Женщина промолчала, глядя на Дьерка и использованный шар ведьминой погибели у него в руках.

— Оставь здесь. И ступай прочь, пока я не поразила тебя волшебством.

Гаред сделал шаг в сторону жрицы-вампириши, но Лилиана прикосновением остановила его. В полной вампиров цитадели не стоило ввязываться в драку, пока можно было решить дело словами.

— Я бы хотела лично поговорить с Оливией. Передай, что ее желает видеть Лилиана Весс.

— Я же сказала, она не принимает смертных.

— Смертных! — рассмеялась Лилиана. — Да что ты несешь, бескровная?!

Жрица угрожающе подняла посох, и его зазубренный набалдашник начал разгораться жаром.

— Лилиана, дорогая моя! — в дверях вдруг появилась Оливия Волдарен, прогнав жрицу коротким, но злобным шипением. Та отошла в сторону, склонив голову, но проводила Лилиану внимательным взглядом.

Оливия была облачена в величественные черные доспехи. Как обычно, ее ноги не касались пола.

— Ты пришла рассказать мне хорошие новости? — спросила она, приглашая гостей пройти. — Идем же.

— Нет, просто возвращаю тебе шар, — ответила Лилиана. — И мага привидений. И заодно хочу узнать, может быть, ты в курсе, где находится мой знакомый.

Она мило улыбнулась жрице, проходя мимо.

— Что празднуем?

Оливия, плывшая в воздухе рядом с Лилианой, взяла ее под руку и повела вглубь цитадели.

— А ты разве не слышала? Наше долгое ожидание закончено!

Они вошли в широкую галерею, где стоящие и парящие в воздухе элегантные вампиры занимали все лестницы, все свободные места. Сотни глаз смотрели на Лилиану и ее спутников, пока Оливия вела их в нижние залы крепости.

Казалось, что здесь собрались все вампиры, когда-либо носившие имя Волдаренов, и каждый вперил в нее свой сердитый взгляд.

[Щедрый Аристократ](#) | Иллюстрация: [Анна Стайнбауэр](#)

Лилиана еле заметно повела рукой. Труп мага привидений Дерек доковылял до антикварного позолоченного кресла, обрушился в него и раскорячился с шаром на коленях. Пальто вокруг его торса съехало, еле удерживая внутренности.

Оливия заговорщицки наклонилась к Лилиане и сжала ее руку.

— Наш архангел... *Пуф!*

Она хрипло рассмеялась.

— Осталась одна клякса на полу Трейбенского собора. Так хорошо, что даже *не верится!*

— Авацина мертва?

Мысль о Джейсе на мгновение пришла к ней в голову — словно мотылек присел на волосы. Когда они последний раз встречались, маг шел по следу Авацины.

Оливия торжественно обвела зал рукой.

— Создания ночи могут возрадоваться, ибо мир вновь принадлежит нам! Я *очень* рассердилась, когда услышала, что эту крылатую тварь выпустили из ловушки.

Лилиана слегка приподняла бровь.

— Но Сорин наконец образумился и *разобрал* свое создание. Так что все в итоге окончилось хорошо, верно? — рассмеялась Оливия.

Она вела Лилиану за собой, через новые и новые галереи. Гаред давно потерялся где-то в лабиринтах замка.

Лилиана не отставала от Оливии.

— И теперь ты собираешь армию?

[Зов Рода](#) | Иллюстрация: [Лейк Харвиту](#)

— Видишь ли, дорогая, оказалось, что тот, кто открыл Хелволт...

Лилиана сохраняла невозмутимое лицо.

— Выпустил не только архангела, — сказала Оливия. — И не только... твоего дружка-демона. На свободе оказалась та, *другая*. Выпьешь?

Оливия подозвала ближайшего вампира:

— Принеси напиток нашей гостье.

Вампир вручил Лилиане бокал вина — настоящего вина — и удалился, гремя украшенными латными доспехами.

Конечно, это Лилиана разбила Хелволт и выпустила его пленников, разбежавшихся по Иннистраду. Она убила демона Гризельбранда, а все остальные последствия ее поступка ее совершенно не интересовали. Но она не считала разумным рассказывать об этом своей подружке-вампирише.

— И теперь, оказавшись на свободе, она здорово злится, — продолжила Оливия. — Но я ее понимаю. Как я уже сказала, раньше я сердилась, но теперь просто *умираю* от любопытства. Кто же их всех выпустил? Я бы его поблагодарила от всей души!

Лилиана не знала, кто еще сбежал из Хелволта, кто был так важен для Оливии. Но у нее было предчувствие, что все это связано с охватившими Иннистрад изменениями. Искривленные вервольфы в ее особняке... Земля изуродованных вампиров и безумных прорицателей...

Такие вещи были по нраву Мальчику в Плаще. А Лилиане просто надо было убить демонов. Но может быть, они все-таки смогут действовать вместе?

Оливия и Лилиана вошли в просторный салон. Пол был покрыт толстым ковром. Спиной к ним стоял высокий беловолосый вампир в длинной куртке и смотрел через окно в ночь.

Лилиана почувствовала, как когти впились ей в руку.

— Мы знаем, что это была ты, — прошипела вдруг оказавшаяся у самого уха Оливия.

— Мы знаем, что ты освободила их. Верно, Сорин? — добавила она радостно.

Сорин Марков повернулся к ним лицом. Свою ненависть он носил, словно щегольский костюм.

[Жажда Сорина](#) | Иллюстрация: [Карл Копински](#)

— Ты! — сказал он.

— Гляди, кто заглянул в гости, — улыбнулась Оливия. Ее голос вновь был изящно-утонченным. — Сорин, кажется, ты знаешь Лилиану Весс?

— Это ты виновата, — сказал Сорин. — Ты выпустила литоманта и навлекла на нас эту беду.

Лилиана вырвала руку из когтей Оливии и собралась с духом. Она подошла к Сорину и смерила его взглядом с головы до ног. Наконец она усмехнулась и смахнула пылинку с лацкана его куртки.

— У меня были свои причины, — заявила она. — Я же не виновата, что у тебя в шкафу оказалось полно скелетов.

— Ты не имела права, — отрезал Сорин, и каждое слово прозвучало звоном меча по точильному камню.

— Сорин, не забывай, что у нас с тобой есть еще одно дело, — сказала Оливия, облетев их кругом. — Но с моей стороны было бы свинством не дать вам времени вспомнить былое, верно?

Сорин вплотную приблизился к Лилиане.

— Все это — из-за тебя. Литомант на свободе, и нам придется сражаться с ней.

— Что ж, вы собрали изрядное войско вампиров, — усмехнулась Лилиана. Она улыбнулась Сорину притворной улыбкой. — Или... дай догадаюсь... это оборонительные силы? Ты недооценил ее, верно?

Сорин зашипел, обнажив клыки.

— Я все сказал тебе, когда ты явилась ко мне *еще щенком*. Иннистрад — мой. Вмещаешься в мои дела — умрешь.

Лилиана заглянула ему в глаза, пальцами поглаживая Кольчужную Завесу в кармане. Письмена на ее коже засветились, а волосы слегка поднялись в воздух.

— Иннистрад — твоя вотчина, Сорин, — прошептала она, положив вампиру руку на запястье. — Но *смерть* — моя.

Сорин зарычал, вырвал руку и прижался своим лбом ко лбу Лилианы.. На мгновение он бросил взгляд на ее шею.

— Ну, ну, друзья мои! — рассмеявшись, Оливия опустилась и встала между ними, разводя соперников. — Как бы ни было весело глядеть, как вы рвете друг друга на части, разнося мой салон... Сорин, похоже, время пришло. Встретимся с тобой снаружи. Нахири ждет.

Она показала на окно, в ночную темноту.

Лилиану поразило то, что она увидела через стекло. Оставшиеся после грозы облака собрались в громадную тучу, клубящуюся над Нефалийским побережьем. Щупальца тумана расходились от нее во все стороны. Выходит, что изменились не только вервольфы и горстка вампиров. Какая бы сила не явилась в мир, она грозила уничтожить весь Иннистрад.

Оливия вынула меч из ножен.

— Лилиана, дорогая, боюсь, ты перевела все мои призрачные игрушки и всех экспертов по привидениям. Но, может быть, ты захочешь присоединиться к нам? В конце концов, это ты освободила Нахири. Возможно, она решит тебя поблагодарить.

Лилиана наблюдала за тучей. От нее исходила древняя, первобытная магия — мстительная, меняющая мир.

— Это она это сотворила?

— Мелочная месть мелкой волшебницы, — проворчал Сорин. — С ее оскорбленным чувством справедливости...

— Так это ты во всем виноват, — поняла Лилиана. — Ты причинил ей зло!

— А сейчас мы собираемся причинить ей зло еще раз, — сказала Оливия с клыкастой ухмылкой.

За окном крепости было видно, как атмосферный фронт направился от Нефалийского побережья в сторону Гевоны и ярко освещенной столицы. Небо было каким-то сморщенным, разорванным. «Как вервольфы», — подумала Лилиана. Казалось, будто весь мир — родной мир Сорина — кто-то специально испортил, изуродовал от горизонта до горизонта, просто потому что Сорину до этого было дело. «Кем бы ни была эта Нахири, — решила Лилиана, — полумеры она не признает».

— Тебя правда ни самую малость не волнует, что она творит с Иннистрадом? — спросила вампира Лилиана.

— Там Джейс... — она поправилась, — там же тысячи людей.

— Миру пришел конец, — проговорил Сорин. — Она об этом позаботилась. И твой Джейс погибнет в Трейбене вместе со всеми остальными.

— Сорин хочет сказать, — радостным тоном перебила его Оливия, — что, остановив Нахири, мы остановим и те мерзости, которые она сотворила. Мы будем настоящими героями!

Лилиана выглянула наружу, потом с печальной нежностью посмотрела на Оливию:

— Ах ты, моя девочка...

Сорин лениво, как бы нехотя, достал свой клинок.

— Идем, Оливия.

Он повернулся и, не сказав больше ни слова, вышел из салона, а потом из крепости.

Оливия поплыла за ним, а следом отправились шеренги волдаренских вампиров. Звон их доспехов эхом раздавался в просторных залах.

Лилиана пошла за ними.

— Гаред, бери пальто, — коротко бросила она встреченному по дороге слуге.

Гаред печально посмотрел на то, во что превратилась его одежда, и начал разоблачать труп Дьерка.

Они вышли под ночное небо. Завывал ветер, и по земле плясали исполинские смерчи. Потустороннее красноватое свечение исходило от скучившихся облаков.

Ветер растрепал волосы Лилианы, и она убрала их с лица. Она взглянула на холмы Гевоны вдаль, над которыми собирались тени. «Вот что пытается остановить Джейс», — подумала она.

Сорин обернулся и окинул взглядом собравшихся вампиров. Он указал вперед мечом.

— Идем, Оливия! — его могучий голос заглушал ветер. — Пора выполнить свою часть договора.

Оливия весело улыбнулась и взмыла в воздух. Подняв к небу мечи, пики и раскаленные жреческие символы, армия вампиров промаршировала вниз по холму — вперед, в туман, на бой с Нахири.

С ней — а не с теми кошмарами, что Нахири наслала на этот мир. И не для того, чтобы помочь лишившемуся рассудка Джейсу.

«Значит, миру суждено погибнуть, — подумала Лилиана. — Все защитники бросили его. Пришло время прощаться».

— Прощай, поместье Весс.

С неба раздался невообразимый звук, пробирающий до костей. Вдалеке, у горизонта, Трейбен светился, словно упавшая звезда.

— Прощай, Мальчика в Плаще.

Но Лилиана поняла, что спускается по холму не той тропой, что вампиры. Она поняла, что идет по дороге. Поняла, что проходит мимо висельного могильника, где в земле отбывали свой вечный срок преступники. Поняла, что магией тянется к телам. Трупы выбрались из-под земли. Лилиана пошла дальше. Мертвецы следовали за ней.

Она поняла, что проходит мимо другого кладбища, потом третьего. Небольшое надгробие у дороги, обнесенное железной оградой место резни, мавзолей прославленного катара... Каждый раз она призывала свою магию. Каждый раз мертвые повиновались ей, поднимаясь из своих могил и пополняя ее нестройные ряды.

Иллюстрация: [Джозеф Михан](#)

Повернув в сторону Трейбена, Лилиана сунула руку в карман. Она почти что слышала голоса сотен призрачных существ из Кольчужной Завесы — те насмехались над ней и нараспев читали что-то, заглушая шарканье ног послушно бредущих по дороге зомби.

Сорин и Оливия ничего не собирались делать с бедой, которую принесла с собой Нахири. А единственный, кто мог понять Лилиану — он и его

израненный, раздражающий, безбрежный разум, — шел на поводу у своего любопытства к мучительной, ужасной и почти неминуемой гибели.

Дело не в том, что он ей нужен. Дело в том, что ей нужно, чтобы кто-нибудь нуждался *в ней*.

— Ну что, Гаред, — громко сказала Лилиана ветру.

Она подняла руки и почувствовала, как сила течет по письменам на коже, словно горячая кровь по жилам.

— Похоже, я стала...

Еще дюжина мертвецов выбралась из-под земли, готовая подчиняться ее могучей некромантии.

— ...для этого мира...

Трупы не выглядели искаженными — по крайней мере, не больше, чем обычно бывает после стольких лет в земле. На оживших мертвецов сила перемен не действовала. Лилиана усмехнулась.

— ...последней надеждой.

Иллюстрация: [Анна Стайнбауэр](#)

ПОХОД ВОЗМЕДИЯ

BY ARI LEVITCH

Вражда длиною в тысячу лет подходит к кульминационному моменту.

Для Сорина это разрушение его родового дома. Это уничтожение Авацины. Пришествие Эмракул.

Для Нахири это предательство друга. Это тысячелетний плен в Хелволте. Разорение Зендикара, когда она не могла ему помочь.

Когда два древних мироходца сходятся в битве, ее эхо разносится по всему миру.

Фишка Улики | Иллюстрация: [Клифф Чайлдс](#)

Ее называли Предвестницей. Что ж, они не ошибались, эти фанатики и сектанты. Они собирались вокруг нее и росли в числе с тех самых пор, как она начала претворять в жизнь свои замыслы на Иннистраде. Они были преданы ей — и напоминали Нахири, что в этом проклятом мире нет ничего достойного, кроме ее жажды мести.

Гул от бессмысленного бормотания сотен сектантов эхом раздавался в залах. Нахири глядела в лицо вампиру. Уголки губ уродливой твари разошлись, обнажая жуткие клыки, острые и безжалостные. Два глаза, словно янтарные искры в угольной черноте, смотрели на нее — вернее, мимо нее. Вампир был роскошно одет — наверное, по особому случаю, — и он, как и десятки его собратьев, был вмурован в стену. Все они были мертвы. По ее воле.

Нахири ненавидела это место. Поместье Марковых. Как и во многих уголках этого мира, здесь несло Соринном. Даже раздробив, перекрутив и перестроив особняк, ей не удалось прогнать ощущение, что вампир где-то рядом. И тем не менее, Нахири была тут. Шла подготовка, и за ходом работы надо было проследить.

Мечь — дело непростое, но с другой стороны, у Нахири была тысяча лет, чтобы все обдумать.

Одна. Тысяча. Лет.

Достаточно времени, чтобы продумать план мести на всех уровнях глубины и посмотреть на него со всех сторон; прокрутить в голове, улучшить и прокрутить снова, пока все не окажется на своих местах — пока он на самом деле не станет планом.

И теперь, пробираясь через искривленные останки поместья Марковых, она позволила себе слегка улыбнуться. Все было на своих, определенных ею местах. Все — кроме Сорина. А он скоро явится.

На этот раз она захватила с собой кое-что особенное. Коллекцию, которую собрала, когда узнала, что Сорин поднимает против нее армию. Конечно, у нее были сектанты, но месть — не время для небрежности.

Первыми появились знаменосцы. Закованные в блестящую латную броню вампиры-рыцари несли черные деревянные шесты, с которых свисали древние полотнища. За их спинами сотни вампиров выстраивались на низком холме напротив поместья.

Нахири наблюдала за этим, стоя в тени ведущей внутрь особняка исполинской арки. Когда, наконец, перед собравшимся войском появился Сорин, Нахири стиснула зубы. Сорин что-то говорил стоящим рядом вампирам, но Нахири не слышала, что.

Иллюстрация: [Игорь Кирилюк](#)

Впрочем, это не имело значения. Сейчас все закончится. С мечом в руках Нахири вышла на свет дня, на разрушенную насыпь, и поприветствовала Сорина.

Скрип металла о металл заглушил шум битвы. Нахири вытащила клинок из украшенного латного нагрудника мертвого вампира. Труп стал очередным из расположившихся вокруг нее аккуратным полукругом. Глубоко вздохнув, она перепрыгнула через кучу мертвецов, встречая новых атакующих.

Их так много.

Но ей нужен был только один.

Нахири заметила летящее на нее лезвие топора, оставляющее за собой красный след из крови. Она пригнулась, уходя от удара, и острием меча достала горло второго нападавшего, зашедшего справа. Опустив свободную ладонь, Нахири заставила землю перед ней уйти вниз, так что когда топор взмахнул снова, он задел лезвием край углубления. От удара в стороны полетели осколки камня. Нахири поймала их своей магией и запустила в ничем не защищенное лицо воина с топором.

Но на нее надвигались другие. Одна, воительница в доспехах, покрытых белоснежной эмалью, выступила вперед. Она опустила меч, и Нахири заметила, что у ее оружия два клинка, переплетающиеся спиралью и заканчивающиеся одним заточенным острием. Женщина заговорила, не отводя глаз от Нахири:

— Тебе не сбежать.

Нахири наклонила голову и подняла одну бровь.

— Сбежать?

— Когда все закончится, — продолжала воительница в белом, — я выпью твою кровь из...

Слова вампира прервал мраморный карниз, врезавшийся ей в лицо и раздробивший гротескные зубы. Нахири взяла эту архитектурную деталь из парящих над головой развалин. Разговоры ей наскучили. Женщина в белом повалилась на пол, а Нахири запустила тяжелый тесаный камень в группу кровососов неподалеку. Тот плясал среди них, пока в кашу не раздробил ребра и черепа. Когда тела перестали дергаться, окровавленный карниз закружился в воздухе, во все стороны разбрасывая алые капли.

Одну каплю Нахири стерла с щеки. Если план Сорина заключался в том, чтобы измотать ее перед встречей, то этот план был глупым. Тысяча лет в Хелволте — этого отдыха хватило бы ей на несколько жизней. И если понадобится

истребить всех кровососов до единого, чтобы добраться до Сорина, то она уже показала неплохое начало.

Она знала, что он где-то здесь. Вокруг нее, там, где раньше был большой зал поместья, разворачивался яростный бой. Здесь было тесно от вампиров и сектантов, старательно истребляющих друг друга. Взгляд Нахири бегал по сражающимся, стараясь высмотреть развевающиеся белые волосы или...

Злые желтые глаза. Один долгий удар сердца он смотрел на нее, прежде чем исчез, вновь поглощенный хаосом битвы.

У Нахири вдруг пересохло в горле. Сердце бешено забилося в груди, и накопленная за тысячу лет ярость забурлила, поднялась и выплеснулась в одно слово: «Сорин!».

Нахири направила свое могущество в наклонный каменный пол, и дотянувшись до каждой из составлявших его огромных плит, резко потянула. Руки взлетели вверх, и по обеим сторонам от нее поднялись две каменные стены метра в четыре высотой. Камень скрежетал о камень, и когда все затихло, по всей длине зала образовался каменный коридор, отрезавший их от основного сражения. Она стояла в одном его конце, Сорин — в другом.

Между ними оказался тонкий срез большого боя: дюжина вампиров и вдвое больше сектантов, не заметивших ничего в горячке битвы. Один из вампиров бросился на Нахири, но ее цель была слишком близка, чтобы отвлекаться на мелочи. Она повела пальцем, и из пола вдруг поднялся каменный шип. Попад под нагрудник, он прошил живот вампира и потянулся дальше, вверх, пока с пронзительным скрипом не пробил отполированную красную сталь в области плеча. Вампир обмяк, и Нахири обошла стороной его сползающее вниз на шип тело.

— Сорин! — снова позвала она уверенным и холодным, как подвластный ей камень, голосом. Новые шипы вырвались из-под земли, пронизывая и вампиров и сектантов без разбору, чтобы открыть Нахири прямой путь к врагу.

Их осталось двое.

Когда Нахири встречалась с Сориним в прошлый раз, он оказался последним, что она увидела в мире, прежде чем ее поглотило одиночество Хелволта. И вот она смотрела на него, стоящего в дюжине или около того шагов, и он был точно таким же, как она запомнила — только былой слабости в нем не осталось. На нем был тот же доспех, теперь заляпанный кровью, подчеркивающей блеск украшающего нагрудник рубина. На мече тоже были видны следы резни. С лица вампира сошла саркастическая ухмылка, так

хорошо знакомая Нахири, и ее заменили прежде невиданные суровые морщины. Столь мрачный вид Сорина доставил ей изрядное удовольствие.

— Ты привел столько друзей, — сказала Нахири, проходя между двумя окровавленными шипами. — Но я вижу, что не все смогли прийти.

Она знала, что намек на Авацину уязвит его, но не дождалась саркастической реплики в ответ. Сорин просто поднял бледную руку, и из нее выстрелил поток черной, дымящейся энергии. В этих ручейках тени была смерть — смерть, предназначенная Нахири. Очевидно, Сорину не было дела до условностей и изящества дуэли по всем правилам. Ему было достаточно просто убить ее. Стоя на месте, он смотрел, как тянутся к Нахири зловещие пальцы.

Но они не смогли к ней прикоснуться. Пальцы вдруг развалились, разлетелись в разные стороны, оставляя в воздухе дымный след. Сорин выпустил второй поток смертельной магии как раз в тот момент, когда первые заряды вернулись к нему. Они вонзились в вампира в пронзительным шипением. Сорин упал на колени, закусив губу от боли. Из швов в его доспехах поднялся черный дымок от невидимых ран.

— Плохо же ты думаешь о мне, если решил, что такое сработает, — сказала Нахири, когда вторая серия зарядов попала в своего создателя, догоняя первую. — Магия течет по невидимым лучам. Лучи проходят через камень. А камень... ты не хуже меня знаешь, что я могу сделать с камнем. Так что давай, Сорин, попробуй еще разок.

Она обходила его по кругу.

— Я привела Эмракул к тебе на порог, а ты до сих пор считаешь меня ребенком.

Несколько секунд они молчали. Больше шести тысяч лет они знали друг друга — чтобы оказаться здесь. Глядя в глаза вампиру, Нахири думала, что сейчас творится в его голове. Когда-то она считала, что они были друзьями. А теперь... теперь она отомстит. Наконец, Нахири заговорила.

— Тысяча лет, Сорин. Ты держал меня в клетке тысячу лет.

— И тем не менее, ты до сих пор здесь, — Сорин закашлялся, выпуская из легких черный дым. — Почему же ты не ушла?

— Ушла. Я вернулась на Зендикар и увидела, как его терзают Эльдрази. Это ты позволил этому случиться, — она подняла меч на уровень горла вампира. — Ты приговорил меня и мой мир.

— Ты знала о рисках, когда согласилась пленить Эльдрази на Зендикаре. Ты знала, что побег нельзя исключать.

— И еще я знала, что мы договорились, — Нахири почувствовала, как раскаляется ее кожа. — Что если они вырвутся на волю, вы с Уджином придете на помощь. Но они вырвались — а вас нигде не было. Я думала, мы втроем будем им противостоять. Но я была одна. Все это время я была одна!

— И поэтому ты решила уничтожить этот мир.

— С меня хватит служить тюремщиком, а Зендикар больше никогда не будет тюрьмой. Эмракул нужно было куда-то отправить. Ты просто подсказал мне простое решение.

— Сорин, мне все больше хочется посмотреть, чем это кончится, — раздался с неба женский голос, мелодичный, но колючий. Нахири задрала голову и увидела в воздухе вампиршу в элегантных черных латах. За ней парило с дюжину или больше так же одетых вампиров. На ней не было шлема, и бледное лицо с ярко-рыжей шевелюрой выделялось на фоне темного металла. От воительницы исходила аура величия, и Нахири поняла, что могуществом она вряд ли уступает Сорину. Очевидно, женщина была из самых древних кровососов.

— Я даже не сомневался, Оливия, — сказал коленопреклонный Сорин.

Оливия указала на Нахири изящным мечом из черной стали.

— Я так понимаю, что это она?

Не дожидаясь подтверждения, вампирша обратилась к Нахири.

— Я не знаю, за что ты разгневалась на Сорина, но уверена, что он это заслужил. Но я обещала помочь ему, так что не могу позволить тебе отомстить.

— Новый ангел-хранитель, Сорин? Эту, похоже, ты склепал наскоро, — усмехнулась Нахири. Она протянула руку, и каменные плиты перед ней стали красными от жара.

Оливия улыбнулась.

— Должна признаться, она мне нравится, Сорин. Но тем не менее...

Она дала знак, и вампиры бросились на Нахири.

Камни перед литомантом раскалились добела, и прежде чем кровососы добрались до нее, она повелела их содержимому явиться наружу. Четыре клинка, таких же, как у нее в руке, вырвались из каменных горнил, пульсируя

от переполняющей их энергии. Один клинок Нахири взяла в свободную руку. Остальные развернулись у нее над головой, как перья феникса.

Иллюстрация: [Крис Ран](#)

— Для мести мне не нужно твое позволение. Я заслужила это право. Сорин мой.

— Не забывай, — прошипел белоголовый вампир, — что я пощадил тебя. Хелволт был моей милостью.

— Милостью... — повторила Нахири. Ее пальцы подергивались. Она готова была разорвать его голыми руками. — Ужасы, с которыми ты запер меня... они стали моим миром.

На последнем слове Нахири погрузила острия мечей в одну из каменных плит. Она крепче сжала кулаки, и клинки начали дрожать. Дрожь передалась полу, она распространялась, становясь все сильнее. Начавшись с низкого гудения, она превратилась в рокот, охвативший всю постройку. Яркие разряды энергии вспыхивали в руках литоманта и по клинкам стекали в камень, пока не охватили все разрушенное поместье.

Несколько длинных камней вырвались из-под земли вокруг Нахири, образовав некое подобие звезды.

А потом поместье содрогнулось. Стены, что она воздвигла для себя и Сорина, развалились, и весь зал начал поворачиваться независимо от остальной постройки. Он вращался, и основание поместья трещало, словно суставы

древнего исполина, впервые за сотню лет пожелавшего встать. Оглушительный шум был почти невыносимым.

Вскоре к нему добавился еще один звук. С каждым градусом поворота звук нарастал. Он был скрежещущим, резким, словно хор сектантов, но этот звук был не человеческим и не предназначался для людей.

Арка входа в зал поворачивалась вместе с ним, так что больше не была направлена в сторону разрушенной насыпи за воротами поместья. Когда вращение остановилось, за ней оказалась глухая каменная стена. Чужеродный звук нарастал. Теперь, когда его не заглушал скрежет камня, он пробирал Нахири до костей. Но время пришло. Нахири потянулась своей магией, и камни стены начали падать, делая ее все тоньше и тоньше.

Еще до того как обвалился последний слой, стена взорвалась облаком осколков, и через брешь потекли они. Десятки чудовищ, распухших и искаженных — в них с трудом угадывались черты животных и людей, которыми они были когда-то. Теперь они все стали Эмракул — титан Эльдрази коснулась их, превратив тела в раздутую перепутанную волокнистую массу.

Иллюстрация: [Дерек Заброцкий](#)

Нахири собирала их в этом загоне с самого появления Эмракул. Это был ее подарок для старого друга.

Литомант смотрела, как чудовища рвутся из своей темницы, заполняя зал. Она даже не дрогнула. Кошмары были для нее привычным зрелищем. Ужасная орда приближалась, и казалось, что сейчас она захлестнет Нахири — но твари обходили ее стороной. Звезда из поднявшихся из земли камней

надежно защищала ее от восприятия чудовищ. Она слышала, как сектанты называли их криптолитами, загадочными камнями, но в них не было ничего загадочного. Эльдрази следовали по невидимым лучам, энергетическим каналам маны, что пронизывали каждый из миров. И так же, как шесть тысяч лет назад на Иннистраде, Нахири сотворила камни, изгибающие невидимые лучи по ее воле. Для чудовищ она была просто пустым пятном в реальности. Она не существовала.

Она — но не вампиры. Эльдрази накинудись на них, и рыжеволосая воительница вместе со своими прислужниками бросилась в бой, обрушив на тварей всю ярость своего рода.

Иллюстрация: [Карл Копински](#)

Нахири отступала от разразившегося хаоса. С каждым шагом к ней под ноги прыгали обломки камня, формируя своего рода лестницу, спиралью поднимающуюся к самому верху поместья. Она сверху вниз смотрела на сверкающие клинки вампиров и бешено молотящие сетчатые конечности. Сорин хотел победить ее при помощи союзников, но она была готова. Сорин хотел победить ее при помощи магии смерти, но она была готова и к этому.

А был ли он готов к ней?

Нахири почувствовала его взгляд. Отыскав Сорина в гуще битвы, она увидела, что тот смотрит на нее. Кровь стекала по его подбородку, а в руках он сжимал обмякшее тело сектанта. Она не в первый раз видела, как он питается, но еще никогда он не выглядел в этот момент так чудовищно. И это была его истинная сущность. Чудовище.

Сорин начал подниматься, не сводя с нее глаз. Он двигался быстро, словно молния, и тело сектанта безвольно дергалось, когда вампир карабкался по перекрученным стенам и прыгал по замершим в воздухе фрагментам каменной кладки. Быстрые, уверенные движения, словно кот на охоте. К тому времени, как Нахири добралась до развалившегося купола потолка поместья, Сорин был уже у нее за спиной.

Но Нахири была кором с Зендикара. Умение прыгать по ненадежным камням было у нее в крови. И еще она была литомантом, а значит, среди подвешенных в воздухе контрфорсов, шпилей и целых флигелей поместья, разбитых на бесчисленные фрагменты, она была в своей стихии. Она уселась на подоконнике длинного и высокого окна в куске стены, вопреки всем законам тяготения парящем в воздухе. Мечи кружились вокруг ее головы — корона из клинков для владычицы в своем царстве. Теперь очередь была за Сорином.

— Здесь нам никто не помешает закончить начатое, — крикнула Нахири вампиру, вставшему по весь рост после изящного прыжка на площадку, от которой отходил кусок лестницы. Ступеньки до сих пор были накрыты длинным красным ковром, и он, будто язык мертвого зверя, свисал в пустоту.

— Ты так хочешь умереть? — спросил Сорин. — Когда мы встретились в прошлый раз, у меня почти не осталось сил. Боюсь, на этот раз тебе так не повезет.

Он швырнул тело сектанта в Нахири, словно мокрую тряпку. Труп ударился о камни за ее спиной, и в нем что-то громко хрустнуло.

— И на этот раз я убью тебя.

— Думаешь, мне страшно?

— Станет страшно. Поверь мне.

В его глазах светилась чистая, первобытная злоба.

— Я не уйду, пока мы не закончим, Сорин.

— Я и не позволю тебе уйти, девочка.

«Девочка». Не говоря больше ни слова, Нахири запустила в него все мечи, кроме одного, что держала в руке. Сорин отскочил в сторону, и мечи вонзились в камень, где он стоял мгновение назад, но прежде чем вампир успел восстановить равновесие, Нахири потянулась магией к каменной площадке и перевернула ее.

Ей показалось, что Сорин успеет ухватиться за камень... но его пальцы не нашли опоры, и вампир полетел вниз.

Его полет остановил толстый красный ковер, раскачивающийся от кувырков лестницы. Сорин ухватился за ткань, и вот он уже не падал, а качался.

Нахири потянулась к камням площадки, разбирая ее до основания. Та начала разваливаться, и Сорин отпустил ковер, по инерции перелетев на парящую в воздухе балку. С нее он перескочил на полуразрушенную стену, затем на другую балку, подвешенную под углом. На все это ушло меньше удара сердца, и Нахири едва могла уследить за движениями вампира.

А потом она его потеряла. Он двигался слишком быстро, и она не успела вовремя повернуться на своем окне, чтобы уследить за его перемещениями. Вампир пропал из вида.

Несколько секунд она бешено вертела головой, пытаясь уловить хоть какое-то движение. И вдруг вспыхнуло серебро. Нахири едва успела спрятаться в стену, так что клинок вампира с оглушительным звоном ударил по камню.

Сжимаясь в камне, Нахири слышала слова Сорина — приглушенные, но полные яда:

— Нахири, Нахири... Столько забот — и всего-то из-за срока в Хелволте. А ведь тебе так нравится сидеть в камне.

Раздался громкий треск, и боль обожгла ей бок, словно кто-то прижал раскаленную кочергу. Сорин разрубил камень. Она почувствовала это — и почувствовала сталь, разрезавшую тело. Вампир с громким скрипом вытащил клинок из камня, но прежде чем он успел нанести новый удар, Нахири высвободилась из стены — и полетела вниз, кувыркаясь в воздухе. Она прижала руку к ране в боку, и ладонь сразу намокла.

Навстречу ей летел фрагмент балюстрады. Нахири попыталась схватиться за него, но мокрая от крови рука соскользнула, и она только больно ударилась о перила. Ее глаза закатились, а мир вокруг закружился... но все замерло, когда она с силой ударилась о камень громадного шпиля, лежавшего поперек дыры в потолке.

Когда Нахири смогла собраться с силами, она подогнула ноги и медленно поднялась. Чтобы стоять, ей пришлось облокотиться о каменную конструкцию, торчащую из стены шпиля. Ей не хватало воздуха, а во рту пересохло, несмотря на то, что в нем была кровь.

Услышав глухой удар, она подняла глаза. Приземлившийся на ее шпиль Сорин уже успел подняться во весь рост. Он сделал шаг вперед, нависая над

ней с поднятым мечом — грозный, как тысячу лет назад, когда он обрек ее на заключение в Хелволте. Но в этот раз Хелволта не было.

— У тебя был шанс убить меня, девочка. Надо было воспользоваться им, пока могла.

В голосе Сорина не было злорадства. Наставник обращался к ученице, объясняя ей последний в жизни урок.

— Может быть, — сказала Нахири, но больше сама себе.

У нее не было сил поднять меч, и его острие лежало на стене шпиля под ногами. Бок невыносимо болел. Нахири бросила взгляд на руку, которой зажимала рану. Рука дрожала.

Столько крови.

Что ж, придется потерять еще немного. Она глубоко вдохнула и заговорила.

— Уже неважно, что со мной будет, и останусь ли я жива. Я победила, Сорин. Оглянись вокруг, — Нахири слабо повела рукой, показывая на поместье. — Посмотри, что я сделала с тем, что ты считал своим.

Она указала влево. Вдали, над городом Трейбен, парила Эмракул.

— На этот раз твой ручной ангел не придет на помощь.

Ударом меча Сорин выбил клинок Нахири у нее из руки, и тот исчез где-то внизу.

— Я потерял много сил, лишившись Авацины. Но я верну их, забрав твою кровь.

Она не успела даже дернуться, прежде чем зубы вампира погрузились в ее шею. Вся ее кровь вдруг потекла в другую сторону. Сорин втягивал ее, и кровь литоманта горела в его жилах. Он пил жадно, позабыв обо всем, и в этот момент Нахири нанесла удар.

Она прислонилась спиной к каменной конструкции, и та ответила на ее просьбу, раздвигаясь в стороны. Каждый удар сердца был для Нахири пыткой, но все же она нашла силы прошептать:

— Я могу укусить в ответ, Сорин. И мои зубы больше твоих.

Камень с грохотом сомкнулся, и ряды зазубренных каменных клыков прошили Сорина от ступней до грудной клетки. Меч вылетел из его руки, а с губ сорвался крик боли. Нахири вырвалась из его хватки и выбралась из камня, оставив Сорина в ловушке. Камень стягивался вокруг него, сжимая все крепче.

Когда Нахири закончила работу, Сорин оказался подвешенным в воздухе, скованным по рукам и ногам магией литоманта. Из этой ловушки ему было не уйти в другой мир. Каменные зубы впивались в его тело, перемалывали внутренности, и эта вечная пытка не давала ему сосредоточиться, чтобы совершить переход.

Нахири развернула Сорина и его камень, повернув лицом к равнине под поместьем Марковых. Когда она забралась на его каменный кокон он попытался что-то сказать, но у него вышел только невнятный хрип. Впрочем, Нахири не интересовало, что хочет сказать Сорин. Ей нужно было, чтобы он услышал ее слова. Держась одной рукой за камень, Нахири свесилась вниз, чтобы прошептать их вампиру в ухо:

— Я пощадила тебя. Милость за милость.

Иллюстрация: [Синтия Шеппард](#)

Вдали, под покровом грозовых облаков, плыла Эмракул.

Через мгновение Нахири покинула Иннистрад, оставив Сорина наедине с участью его мира.

Эмракул на горизонте. Сорин ничего не мог поделать. Он вынужден был смотреть, как погибель Иннистрада неумолимо движется через Гевону к Трейбену. Вампиру не было дела до людей, но Иннистрад был его владением,

а в Трейбене он создал Авацину, чтобы защитить мир. Видеть этот город на краю гибели было куда больнее, чем чувствовать разрывающие внутренности каменные зубы литоманта.

Вдруг Сорин почувствовал толчок, а потом услышал скребущий о камень металл. Долгий, медленный скрежет с обратной стороны его саркофага, с самого низа до верха.

— Этот мне нравится больше, — произнес насмешливый голос.

Оливия, спустившись сверху, закрыла ему обзор на творящийся внизу хаос. В руке она держала его меч.

— Оливия, — проговорил Сорин сквозь сжатые зубы, — выпусти меня.

— Даже если могла бы — зачем? Авацина мертва. Нахири здесь нет. Наша сделка выполнена.

Она жестоко усмехнулась.

— Я считаю, это победа. Наслаждайся, если сможешь. В конце концов, у тебя осталось поместье Марковых. Что же до меня, — она подняла меч Сорина, осматривая лезвие, — то мне нравится, как звучат слова «Оливия, владыка Иннистрада».

Последние остатки терпения вампира вдруг смыло волной отчаяния. Миру пришел конец. Оливия была его единственной надеждой на спасение.

— Посмотри! — сказал он, пытаясь вытянуться в неподатливом камне.

Оливия взглянула ему за плечо, но ничего не сказала.

— Ты видишь, кто идет на нас? — продолжил он. Ты видела, что она творит, на что способна!

Вампир говорит все быстрее, его голос срывался.

— Ты не справишься с ней без моей помощи!

Сорину совсем не нравилось, как смотрела на него Оливия, пока он говорил. Она была пауком, а он — мухой.

— Послушай же меня! — попробовал он еще раз. — Что хорошего в мире, если завтра его не станет?!

— Авацина мертва. А ты... — сказала она, проводя острием его же собственного меча ему по щеке, — ты там, где ты есть. По-моему, все очень хорошо.

Сорин мог лишь смотреть, как Оливия улетает прочь, а Эмракул и обетованная ею гибель вновь заполняют его поле зрения.

СВЯТОЙ ТРАФТ И СОНМ КОШМАРОВ

BY JAMES WYATT

Когда мы в прошлый раз встречались с Талией, Одриком и Гретой, они бежали от погрязшего в злодействах Совета лунархов, правящего церковью Авацины. Их путь лежал в небольшую часовню на Ближней пустоши в Гевоне. Талия познакомила спутников со своим Орденом святого Трафта — названного в честь древнего святого, сражавшегося с демонами, и вдохновленного этим святым собственной персоной. Талия добровольно стала сосудом для привидения Трафта и, вооружившись священной силой, возглавила разношерстную компанию мятежных солдат, катаров и священнослужителей. Они выполняли возложенную на церковь миссию вопреки тьме, угнездившейся в ее сердце.

Но теперь мир изменился. Что будет делать горстка служителей церкви Авацины теперь, когда их Авацина мертва? И что за сила сможет защитить их, когда весь мир находится на грани гибели?

— Новостей мало, — сказала Грета, — а те, что есть, зачатую друг другу противоречат.

Талия кивнула, печально вздохнув.

— Иногда наши разведчики вовсе не возвращаются, — сказала она, — а иногда возвращаются не в том состоянии, чтобы докладывать.

Ее замутило, когда она вспомнила Халмига, явившегося вчера утром... *переменившимся*. Ей пришлось убить его — или то, во что он превратился. Это был уже не человек, а чудовищное скопление переплетенных щупалец. Оставалось лишь гадать, что встретилось ему во время разведывательной вылазки, и что случилось с отрядом под его командованием.

— Правда, что Ханвир разрушен? — спросила Грета.

— Правда гораздо хуже.

Талия запустила пальцы в блестящий мех своего скакуна, притворяясь, что не видит приподнятую бровь Греты, а та не стала вдаваться в подробности.

Некоторое время они ехали в тишине, погруженные в свои мысли. Когда в прошлый раз к Трейбену шла армия, вспомнила Талия, это была орда упырей и скаабов, созданных близнецами Секани. Теперь же она сама была частью орды — если, конечно, ордой можно было назвать столь скромную горстку солдат. Впрочем, оборванных и еле волочащих ноги воинов вполне можно было принять за зомби. Недели постоянных сражений измотали войско. Мир, казалось, погрузился в пучину безумия. Но пока они дышат, и пока у них остается хоть крошечная крупица надежды, они будут сражаться.

По крайней мере, большинство из них. Одрик остался позади. Он восстал против Совета лунархов, освободил Талию из тюрьмы — и это сломило его. Талия горевала по товарищу, но больше не могла укреплять его веру, растрачивая свою собственную.

— Говорят, Сита и ее инквизиторы трудятся, не покладая рук, — прервала затянувшееся молчание Грета.

Талия фыркнула:

— Я буду не против, если она наконец отыщет нас.

После того как Талия бросила вызов Совету лунархов и бежала из Трейбена с Одриком и Гретой, фанатично преданная своему делу инквизитор Сита объявила на них охоту. «Истребить проклятых!» — звучал ее боевой клич, и она возглавляла колонну передвижных гильотин. Запряженные волами повозки с этими машинами казни здорово замедляли ее путь, и она не успела отыскать Орден святого Трафта вовремя. Теперь же он разросся до таких размеров, что Талия была уверена, что ей нечего бояться остатков Инквизиции.

Грета покачала головой.

— Теперь они называют себя Безгреховными, — сказала она. — Утверждают, что эти перемены — следствие того, что грех выходит из их тел.

Лицо Талии скривилось в гримасе отвращения.

— Они утверждают, что вот это — добродетель?

Грета кивнула, устремив взгляд на разбитую дорогу впереди.

— Как же низко мы пали, — сказала Талия, по большей части сама себе.

— Но что же это? — спросила Грета. — То есть, ясно, что это не добродетель. Но что же стало этому причиной?

— Если на этот вопрос существует ответ, то мы найдем его в Трейбене.

Она задумалась о том, что они увидят в городе... и в соборе. Ее сердце бешено застучало, а в животе что-то будто оборвалось. Трейбен... он столько лет был для нее домом. Что, если с ним случилось то же самое, что с Ханвиром, где люди и дома слились в единое целое? Что, если спасти было нечего? Что, если Авацина на самом деле была...

[Ханвир, змеящийся городок](#) | Иллюстрация: [Винсент Прос](#)

На дороге впереди стояла одинокая фигура спешившегося всадника. Талия кивнула Грете, и та пришпорила коня и пустилась в галоп. Она сама наклонилась к голове своего скакуна — и гриф расправил крылья, взмыл в воздух, обогнал несущуюся вперед Грету и изящно приземлился перед Ремом Каролусом, даже не потревожив дорожную пыль.

Рем был преданным слугой церкви, Клинком Инквизиторов, но безумие ангелов изменило его. Он всегда был угрюмым человеком, выполнявшим свою работу с мрачной эффективностью. Но Рем быстро отказался от своего

титула, обратив свой знаменитый клинок против истинной угрозы Иннистраду. «Истребитель ангелов» — называли его сейчас, но сам он никогда не произносил эти слова. И, хоть Талия никогда не говорила с Ремом об этом, она подозревала, что его вера умерла вместе с первым убитым ангелом.

Грета остановилась рядом, натянув поводья коня. Рем перерезал притороченные к седлу ремешки, и с глухим тяжелым стуком на землю упало длинное металлическое древко. Острие наконечника было обломано, но все равно копье Авацины нельзя было не узнать.

— Значит, это правда... — прошептала Талия.

— Это ты убил ее? — поинтересовалась Грета.

Рем фыркнул.

— Ты слишком мне льстишь, — сказал он. — Не пойми меня неправильно, я бы сделал это, если бы мог. Но похоже, что кто-то меня опередил.

Сердце Талии налилось свинцом. Она спешила и встала на колени у копья, будто ее тянула вниз тяжесть, поселившаяся в груди. Гриф ткнулся ей в лицо, и его собственная морда была мокрой... от слез? Гриф горевал по Авацине, как она сама?

Талия наклонилась вперед и потянулась к копью.

Рем вскрикнул:

— Я бы не...

Священный свет вспыхнул там, где пальцы коснулись металлического древка, и Талия отдернула ладонь. Всю руку пронзила нестерпимая боль.

— ...стал, — тихо закончил Рем. — Одни дьяволы знают, сколько я времени потратил, пытаюсь приспособить эту хреновину к седлу старушки-Джедды. Не мог до нее даже дотронуться.

Талия не обращала на него внимания. «*А ты сможешь?*» — спросила она у духа, что носила в себе.

Сила святого Трафта пробежала по ее телу, и рука засветилась мягким светом. Она почувствовала легкость. С Авациной или без нее, но этот мир еще не был окончательно потерян.

Талия вновь потянулась к копью, и на этот раз ее рука крепко сжала древко. Она встала на ноги и подняла копье над головой. Обломанный наконечник

сиял, словно солнце под затянутым облаками небом. Рем стоял, разинув рот, и Талия старалась сдерживать ухмылку.

— Грета, будь добра,ними штандарт с моего седла, — попросила она.

Грета влезла с коня и подошла к грифу. Она заметно нервничала, но Талия увидела, как проходит ее страх, когда она оказалась рядом со зверем. Грифы успокаивали.

[Гриф Зари](#) | Иллюстрация: [Кристина Чой](#)

Грета проворно отцепила длинное копье, на котором в походе красовался флаг святого Трафта, и Талия приладила на его место древко Авацины.

— Теперь мы поедем под этим знаменем, — сказала она.

Рем все еще выглядел пораженным.

— Но как ты?..

— Надо чаще встречаться, Рем. Сможешь узнать еще много удивительного.

— И обнадеживающего, — добавила Грета.

— Насчет этого мы посмотрим, — буркнул Рем.

Но он смотрел на копье, все еще сверкающее в тусклом свете солнца, и что-то горело в его глазах... пусть и не совсем надежда.

Талия забралась в седло, развернула грифа к приближающейся армии и, пришпорив, подняла в воздух. Она пролетела над всем своим разношерстным войском, чтобы каждый боец смог увидеть копье Авачины. Увидев Талию, кто-то из солдат радостно закричал, приветствуя командира, — но когда они поняли, что перед их глазами, крики радости сменились безнадежными воплями.

Талия посадила грифа в центре своей армии. Вновь призвав обитавшего в ней духа, она подняла копье обеими руками, вздымая над головой. Оно было слишком тяжелым — но это был могущественный символ.

— Авачина умерла, — возвестила Талия. Солдаты разразились стонами отчаянья, кто-то кричал, что не верит. — Ее церковь безвозвратно погрязла во зле. Безымянные твари бродят и ползают по нашим землям.

На долгое мгновение она замолчала. Сердце обливалось кровью. В лицах окружающих людей она видела такое же, как у нее, горе. Каждый здесь потерял родных, друзей, свой дом... а теперь был готов потерять и надежду. От тяжести копья у нее саднили плечи.

— Но остались мы! — прокричала тогда Талия. — Мы, кто сражался с ужасами, кто дал отпор злу и безумию в церкви, кто сохранил веру вопреки отчаянию. Остались мы! И если архангел не осветит нам путь во тьме, то мы сами станем светом. Если обереги не сдержат чудовищ, то их сдержат наши мечи. Если нам не найти веры в Авачине, то пусть мы найдем веру в тех идеалах, что отстаивала она до помешательства.

Она говорила и видела, как падают на колени катары, как слезы текут по обветренным щекам бывалых воинов, как люди поднимают глаза к небу или расprostираются ниц. «Придет время, — подумала она, — и каждый из них сам победит свое горе». Их боль ложилась на плечи Талии вдобавок к ее собственной печали, и это бремя было куда тяжелее, чем копье, которое она пыталась удержать.

Она вспоминала, что несколько месяцев назад говорила Одрику, и повторяла эти слова, надеясь избавить сердца товарищей хотя бы от толики горя.

— До того, как началось все это, мягкий свет луны сдерживал ужасы ночи. До того, как началось все это, узлы между нами отгоняли разъединяющий наш страх. До того, как началось все это, мы стремились не просто быть людьми. Мы стремились к святости, к безупречности, что показывали нам ангелы.

И так будет снова. Мы остались, друзья! И ради этого мы будем сражаться. Ради памяти Авачины, ради света и добра, покинувших наш мир, мы будем сражаться. Ради Иннистрада и всех его людей — мы идем в бой!

Бойцы закричали сквозь слезы. Поднимаясь с земли во весь рост, они обращали лица к пасмурному небу и высоко вздымали мечи и копья. Талия положила руку на шею грифа и взмыла в воздух, описав круг над своей крошечной армией. Она приземлилась во главе колонны, рядом с Гретой, и они продолжили путь в Трейбен, чтобы дать последний отчаянный бой захватившему их мир кошмару.

Шпили и зубчатые башни Трейбена возвышались над устьем реки Кирх, а дальше река падала с отвесных скал прямо в море. Большую часть Гевоны составляли плоские вересковые пустоши, и когда небо было ясным, Светлый город было видно за много миль. Но Талия уже не помнила, когда небо в последний раз было ясным. К тому времени, как город показался из-за завесы дождя и тумана, идти до него оставалось не больше часа.

Вот только дорогу к Трейбену преграждал сонмы чудовищ. Добраться до города будет нелегко. Деревенские животные, дикие звери и привычные для этого мира хищные твари превратились в чудовищное сплетение сетчатой ткани и узловатых щупалец, за которыми едва можно было различить изуродованные тела. По некоторым было сложно сказать, что за существо это было когда-то. И многие, слишком многие были людьми. Кто-то до сих пор сохранил слабое подобие лица на своем невообразимом теле.

По сравнению с этими невероятными тварями, брошенные когда-то на Трейбен кошмарные скаабы Геральфа Секани, — нагромождение человеческих и звериных частей, расположенных по воле творца, — казались верхом благоразумия. В конце концов, их создавал разум — с чудовищными представлениями о прекрасном и начисто лишенный моральных ориентиров, но все же разум. Этих же гротескных уродов могло породить лишь чужеродное сознание — кошмары сумасшедшего бога, на тысячелетия погрузившегося в беспокойный сон.

Они тоже собирались у Трейбена. Кто-то ковылял на бескостных ногах, кто-то полз на змеящихся щупальцах, а кто-то цеплялся за землю тем, что раньше служило руками. Некоторые неуклюже летели на суетливых кожистых крыльях, а кто-то просто плыл по ветру, начисто игнорируя казалось бы незыблемые законы тяготения.

Поначалу казалось, что тварям важнее самим добраться до Трейбена, чем остановить Талию и ее катаров. Она приказала солдатам экономить силы и нападать, только если их атакуют. Как бы ни отвратительна была мысль о том, что извивающихся гадов придется оставить в живых, но Талия понимала, что в городе бойцам понадобятся все их силы.

Но она слишком близко подошла к напоминающей лошадь громадной твари, и та резко повернулась к ней. Раньше она и была лошадью, догадалась Талия, — нет, лошадью *и всадником*, которые силились в единую массу плоти. Шесть ног несли тварь по земле, а по бокам останки наездника и скакуна связывали переплетенные жгуты фиолетовой плоти. Под перепутанной гривой всюду открывались лишние рты, усыпанные зазубренным зубами. Из глубины того, что когда-то было увенчанной треуголкой головой всадника, исходило оранжевое свечение. Алебарда почти скрылась в переплетении щупалец.

[Сплетенная Воедино Тварь](#) | Иллюстрация: [Дааркен](#)

Прежде чем Талия успела развернуть своего скакуна навстречу твари, словно танцевала с нею какой-то невообразимый танец, чудовищная лошадь встала на дыбы на трех задних лапах и могучим ударом копыта в плечо вышибла воительницу из седла. Гриф взлетел в воздух, теряя перья, и Талия воспользовалась замешательством кошмарного кентавра, чтобы вскочить на ноги и встать в боевую стойку.

Тварь шла на нее, но воительница выхватила меч и нанесла два длинных удара по предполагаемой шее существа. Коричневатое *что-то* тянулось из раны. Это была не кровь — субстанция бурлила и извивалась, словно червяки под перевернутым камнем. Тварь этого, казалось, даже не заметила.

Копыто на конце лже-ноги устремилось Талии в грудь. Она отбила его в сторону, разрубив плоть у основания. На этот раз из разреза потекло нечто вроде желтоватого гноя. Воительница сделала шаг в сторону, и в это время щупальце — возможно, одна из рук всадника, — заехало ей в лицо с другой

стороны. Половина лица вспыхнула болью — а потом перестала. Там, где ее коснулась мерзкая масса, кожа онемела и похолодела.

Талия отшатнулась, отступила на два шага, и перехватила меч другой рукой, чувствуя, как онемение распространяется на шею и плечо. Тварь надвигалась, изготовившись к новому удару... но вдруг гриф Талии спикировал на нее с небес и вонзил клюв в переплетенную плоть. Рты на всем теле раскрылись и в унисон испустили жуткий вой.

Воительница вонзила в существо собственный меч — прямо над тошнотворной ногой, до сих пор оставшейся в стремени, — и громкость воя возросла многократно. Другие катары пришли к ней на помощь, и высоко вздымая тяжелые мечи и топоры, они порубили мерзкое чудовище на лежащие на земле и подергивающиеся кусочки.

Денниас, еще год назад бывший наивным послушником с Элгодского поля, упал на колени и сжал руками голову, словно не давая вырваться чему-то, что распирало ее изнутри. Его рот раскрылся в безмолвном крике, а глаза уставились в пустоту. Его друг Мейтен присел рядом с ним, обнял за плечи и шептал на ухо какие-то пустые утешительные слова. Талия отвернулась.

И тогда Мейтен закричал.

Резко обернувшись, воительница увидела, как Мейтен пятится назад, а лицо у него белое, словно гриф. Денниас не шевелился, но между пальцами ладони у него лезли длинные, напоминавшие фиолетовые ленты щупальца. Лезли у него из уха.

Его лицо побелело. Казалось, что сейчас его вырвет. Печально качая головой, Талия подошла ближе к бедняге. Она знала, что будет дальше.

Денниас согнулся пополам, как будто его тошнило, но изо рта вырвался новый пучок щупалец. Что-то громадное копошилось по бокам под его доспехами.

Он уже был мертв.

Клинок Талии быстро оборвал мучения Денниаса — гораздо быстрее, чем понадобилось, чтобы прикончить кентавра, и уж точно быстрее, чем порча вытянула бы из воина последние остатки жизни. Талия взяла на себя бремя убийства товарища. Утешать его друга она предоставила кому-то другому.

Гриффы успокаивали. Забравшись в седло, она почувствовала, как перестает колотиться сердце. Талия глубоко вздохнула и поежилась. Она не могла смотреть на копье.

Трейбен притягивал.

Разум Талии был чист, а взгляд сосредоточен на шпилях славного города, но она чувствовала, как он тянет к себе. Солдаты, что шли за ней, не отводили взгляда от направленного в небо копья Авацины, однако Талия знала, что и они это чувствуют. К их армии присоединялись ватаги земледельцев, вооруженных мотыгами и вилами — это была их последняя возможность сразиться за судьбу своего мира.

А шаркающих, копошащихся и змеящихся тварей вокруг просто тянуло к городу. Одни до сих пор сохраняли человеческий облик: селяне или жители городов в одеждах береговых сектантов, щеголявшие крабьими клешнями, осьминожьими щупальцами или лягушачьими ртами. Другие явно когда-то были людьми или животным, но это осталось в прошлом, — а третьих она и вовсе не взялась бы описывать. Но Трейбен притягивал всех.

Впрочем, не совсем всех. Отряд рыцарей на облаченных в броню конях скакал по вересковой пустоши от города, навстречу Талии и ее войску. За ними маршировала рота солдат.

— Грета, Рем, — позвала Талия, привлекая внимание спутников, словно погрузившихся в транс.

Она показала на приближавшихся. Рем молча кивнул, а Грета нахмурила брови.

— Снова враги? — спросила она.

— Может быть, Безгреховные? — предположил Рем.

— Не называй их так, — сказала Талия. — Но непохоже, чтобы это было войско Ситы.

— Тогда кто? — сказала Грета.

— Сейчас узнаю.

Словно угадав мысли всадницы, гриф поднялся в воздух еще до того, как Талия его пришпорила.

Подлетая к приближающимся рыцарям, она увидела, как фигура их предводителя поднялась в воздух ей навстречу. Поднялась сама по себе, без всякого летающего скакуна.

Гриф летел вперед, и Талия разглядела ярко-рыжую шевелюру, черные доспехи... и длинную черную юбку, совершенно неподходящую для поля битвы. У женщины была бледная, почти белая кожа, и она была вооружена

громадным мечом. Чтобы клинок был легче, в его середине была пустота, через которую виднелось серое небо.

Значит, не человек. Вампир.

Рыжеволосая подняла руки вверх в знак мирных намерений. В одной руке она держала меч, но Талия не удивилась: ей было сложно представить ножны для такого чудовищного клинка. Ее собственный меч висел на поясе, и она не стала доставать его, повторяя жест предводительницы вампиров. Они медленно подлетели друг к другу на расстояние разговора.

Это было в своем роде смехотворно, но на деле — смертельно серьезно. Талия сидела верхом на грифе, раскинувшем крылья, чтобы удержаться в воздухе, а перед ней парила на крыльях магии вампирша. И они собирались *говорить*.

— У нас общее дело, человек, — проговорила рыжеволосая. — Я — Оливия Волдарен, владычица Луренбраума и прародительница рода Волдарен.

[Оливия. Готовая к Войне](#) | [Иллюстрация: Эрик Дешам](#)

На какое-то мгновение Талия потеряла дар речи. На расстоянии брошенного камня от нее парила одна из самых могущественных из вампиров Иннистрада, эксцентричная отшельница, известная своими экстравагантными приемами, на которых сама появлялась на считанные минуты. Она была облачена в боевые доспехи: элегантная аристократка, готовая к войне.

Глубоко вздохнув, Талия, наконец, заговорила.

— Приветствую, госпожа Волдарен. Я — Талия, наследница святого Трафта.

— *Вот как?* Знаешь, я с ним как-то раз встречалась. Что ж, ты его достойна, наездница на грифе с копьём Авацины у седла.

Намек на то, что Оливия куда как древнее, чем Талия способна осознать, был тонким, но вполне понятным. Легкое предупреждение с ноткой того, что вполне могло сойти за уважение.

— Что тебе нужно, вампир? Я не стану просто стоять и смотреть, если ты собираешься сделать из моих солдат угощение для очередного пышного пира.

— Успокойся, дорогая, — Оливия рассмеялась, и от этого мелодичного звука вся ситуация стала только более абсурдной. — Как я уже сказала, у нас общее дело. Думаю, все мы явились сюда с одной целью: спасти мир. Потому что твоему драгоценному ангелу это уже точно не под силу.

Талия подавила желание дать Оливии резкую отповедь. Если вампиры хотели помочь, то она не вправе была отказываться от помощи. Она понимала, что если они уцелеют в марше на Трейбен, то вампиры, растратившие силы в битве и изголодавшиеся, превратятся из союзников во врагов. Но эта проблема была исключительно теоретической, а стягивающиеся к городу чудовища — вполне реальными.

— Хорошо, — сказала она. — Спасем мир вместе. Ты — со своей армией, а я — со своей. Я не могу приказать солдатам сражаться бок о бок с вампирами, но мы будем биться против одного врага.

Пока они говорили, Оливия подлетела ближе, оказавшись на расстоянии вытянутой руки. Справа — так, чтобы корпус грифа отделял ее от копья Авацины.

— Пока не закончится битва, зубы и клинки вампиров не прольют человеческой крови, наследница святого Трафта. Ты согласна?

До конца не веря, что она делает это, Талия протянула руку и обменялась с предводительницей вампиров рукопожатием.

— Клинки людей не нанесут вреда твоим собратьям. Я согласна.

Оливия слегка опустила и приблизила лицо к их сомкнутым рукам. Она шумно втянула воздух — *принюхавшись?* — а потом взглянула Талии в глаза. Улыбка обнажила острые клыки.

— Вкусно, — сказала она.

Последнее предупреждение, и она развернулась и вернулась к своей армии вампиров.

Нервно подернув плечами, Талия направилась к солдатам, размышляя, как рассказать о случившемся.

Талия закрыла глаза, полагаясь на своего грифа. Он сам найдет дорогу или предупредит ее об опасности. Погрузившись в себя, Талия потянулась к обитающему в ее теле привидению — и вспомнила...

Она впервые встретила привидение святого после того, как поспорила с Одриком в соборе. Ей было некуда пойти — и она просто скакала по пустоши, вдали от наезженных дорог, пока вдруг не наткнулась на заросшую тропинку. Что-то заставило ее проследовать по ней. Тропинка привела к подножию уходящих к Гайерской полосе в Стенсии холмов, и Талия увидела древнюю часовню.

Ее внимание привлекла картина. На ней был изображен Трафт, — или его привидение, как стало ясно потом, — стоящий за спиной рыжеволосой девушки, сжимающей меч в четырехпалой левой руке. Он положил ладонь ей на плечо.

[Заклятье Святого Трафта](#) | Иллюстрация: [Игорь Кириллюк](#)

Эта девушка была первой наследницей святого Трафта. Демонопоклонники поймали ее и пытали, чтобы устроить ловушку на святого, который придет

ей на помощь. Исполняя свой дьявольский план, они отрезали ей палец и отправили Трафту, дабы сделать его сговорчивее. Когда святой умер, его призрак присматривал за девушкой. Та выросла великой воительницей и сама стала истребителем демонов. И ангелы, что благоволили Трафту, даровали свою милость и ей, сражаясь на ее стороне.

Талия глядела на картину в одинокой часовне, и ей вдруг почудилось, что призрачный образ святого на ней пошевелился. Его спокойное лицо обратилось к Талии, их глаза встретились, и призрак протянул вперед руку. Без колебаний она пожала ее. Рука была твердой, словно из плоти и костей, но холодная... нестерпимо холодная. Талию охватил страх, и она упала на колени, отводя взгляд от его пустых глаз, но призрак не отпуская ее руку и шагнул вперед, словно собираясь выйти из картины. Он сам встал на колени перед ней и второй рукой осторожно приподнял ее подбородок.

— Ты примешь меня? — прошептал он.

Талия кивнула, улыбнулась, и страха больше не было. Она сделала глубокий вдох, и призрак заполнил ее нос, рот и легкие. Холодный огонь сжигал ее изнутри, и она запрокинула голову, когда тот растекся по ее жилам. Каждая клеточка тела горела.

С тех пор этот холодный огонь не покидал ее. Чаще всего он дремал сгустком где-то в затылке, время от времени пуская мурашки по спине и голове. Так он напоминал о своем присутствии, предупреждал, а порой и выражал гнев. Но иногда — как тогда, когда она взяла копье Авацины, — огонь вновь охватывал ее целиком, и тогда это была уже не она. Призрак управлял ее движениями.

Талия понимала, что это он помог ей дойти так далеко. Он был рядом, когда она обвиняла Джеррена и Совет лунархов. Он помогал ей собрать катаров — названных еретиками — чтобы бороться со злом, нападавшим на церковь снаружи и разъедавшим изнутри. Отправившись маршем на Трейбен, она знала, что призрак не бросит ее. Каким-то образом он смог ее в этом убедить. Но она чувствовала, как он, при всем своем могуществе, колеблется.

Хватит ли этой помощи? Он не мог ей ничего пообещать. Но это была вся надежда, что у нее оставалась.

Ее скакун-гриф задрожал, и Талия открыла глаза посмотреть, что его встревожило. Стены Трейбена были совсем близко. Направляясь к городу, они сближались с армией вампиров, и теперь те находились рядом, по левую руку. Избегать стычек с бродячими чудовищами больше не получалось. Твари обступили город со всех сторон, и первым шеренгам солдат то и дело приходилось вступать в бой.

Талия чувствовала, какой вес давит на ее бойцов. Она видела нарастающее безумие в их глазах, отчаяние, порожденное убеждением, что пришел конец света, что они идут на последнюю битву этого мира.

[Связующая Демонов](#) | Иллюстрация: [Давид Гайе](#)

Талия подняла грифа в воздух, чтобы облететь передние ряды, выкрикивая слова ободрения для отчаявшихся и потерявших надежду. Но она поняла, что это больше, чем просто отчаяние. Да, сражаться с обезображенными чудовищами, в которых превратились обычные животные или даже люди, было ужасно. Но не одно это вело солдат к грани безумия. Было что-то еще... что-то, что давило на ее разум. Что-то, что насылало странные мысли, странные желания, странные образы. На границе поля зрения чудовища превращались в людей, а люди — в чудовищ. В небе извивались среди облаков сине-фиолетовые щупальца. Земля под ногами грифа взбрыкнула, сам он вывернулся наизнанку, и копьё Авацины вдруг изогнулось, направившись ей прямо в грудь.

«Нет!»

Слово ударом колокола раздалось в ее голове — слово силы от привидения давно почившего святого. Ее мысли очистились и все чувства пришли в норму. К ясности.

Но у солдат за ее спиной не было защиты святого Трафта, и она видела, как безумие укореняется в них. Кто-то уже начал озираться с бешеными от страха глазами.

«Они не готовы», — прошептал голос Трафта в ее голове.

— Это неважно, — ответила она вслух. — Мы должны сделать это — и сейчас же.

«Это навредит им».

— А безумие — убьет, если они сами не поубивают друг друга. Время пришло.

«Что ж, тогда приступай».

Его огонь вновь потек у нее по жилам, и взяв копье Авацины в руку, она снова описала круг над передовой.

— Катары святого Трафта! — прокричала она. — Безумие, охватившее мир, давит и на нас. Я знаю, что вы чувствуете его. Вы сомневаетесь в своих мыслях, не верите глазам и ушам. Послушайте меня!

Посмотрев вниз, Талия поняла, что для некоторых уже было поздно. Она видела, как катары катаются по земле, сжимая руками голову, или сворачиваются в позе эмбриона. Она слишком долго ждала. Но еще оставались те, кого можно спасти.

— Вы знаете, что призрак святого Трафта живет во мне, — обратилась она к солдатам, а дух сотворил вокруг ее тела ореол из бело-голубого света. — Когда-то он был избранником ангелов, и эти благословенные создания защищали его, как церковь Авацины защищала всех нас. Но Авацины больше нет, ангелов охватило безумие, и остались только мертвые.

Трафт призвал их, и они откликнулись на зов. Со стороны города, из-под земли и с грозового неба, к ним устремился поток мерцающих белых призраков. Из мавзолеев и благословенных могильников, где с гибелью Авацины утратили силу священные обереги, явились духи мертвых, чтобы помочь живым. Некоторые скакали на призрачных конях, другие были вооружены бестелесными мечами и копьями. Здесь были и закаленные в боях ветераны, и маленькие дети.

[Дрогсколские Всадники](#) | Иллюстрация: [Игорь Кирилюк](#)

— Вот они, призраки крепких верой, что были до нас, — закричала Талия. Или это сам Трафт кричал ее голосом. — Поприветствуйте же их и отдайте им почести. Они пожертвовали собой, чтобы мы сегодня могли сражаться. Откройтесь им, позвольте им защитить вас!

И она увидела, как ее солдат — отчаявшихся, грязных, благословенных катаров Ордена святого Трафта — охватывает пламя. Некоторые из них сразу поняли смысл ее речи. Они широко раскрыли руки и приняли наполнивших их тела призраков. Их охватил священный экстаз, и другие воины последовали их примеру. Призраков хватило на все ее потрепанное войско, и еще целая армия мертвецов осталась, чтобы следовать за живыми.

Огонь разгорелся в бойцах, и они с новой силой бросились в бой. Жалобные вопли раздались с передовой, где солдаты рубили и кололи чудовищных тварей, пробивая путь.

«Некоторые не смогли пригласить духов», — сказал Трафт, направляя ее взор на катаров, до сих пор держащихся за головы или сжавшихся в клубок.

Она могла спасти их. Приказать духам вселиться в них против их воли, прогнать безумие, очистить разум. Сердце сжалось от сострадания и печали.

— Нет, — сказала она. — Я не могу принимать за них выбор. Другие помогут им — как смогут.

Она посадила своего грифа на землю между Гретой и Ремом Каролусом. В глазах у Греты пылал белый огонь, а каменное лицо Рема как всегда сохраняло мрачное выражение.

— Тебе духа не досталось, Рем?

Седой солдат отрицательно помотал головой.

— Это все равно что пиявку посадить на шею, чтобы вампиров отгонять, — сказал он.

Талия запротестовала. Она беспокоилась, что может случиться, если он лишится рассудка в горячке боя, — с ним и с бойцами вокруг. Но и в этот раз она не могла заставить его сделать выбор. И если кто-то и мог сохранить рассудок посреди захлестнувшего мир безумия одной лишь силой упрямой воли, то это был Рем Каролус, Клинок Инквизиторов и Истребитель Ангелов.

Их поход превратился в один непрекращающийся бой. На каждом шагу им встречались все новые чудовища. Перекрученные, искаженные твари — даже те, что еще походили на людей, — сражались как сомбервальдские кабаны: ревели и кидались в драку, даже получив дюжину ран. Лишь смерть могла свалить их на землю и положить конец отвратительным подергиваниям. Но священные призраки сделали солдат Талии такими же яростными. Она видела, как получившие ужасные раны бойцы спокойно поднимаются в земли, и вселившиеся в них духи закрывают ранения и восстанавливают им силы.

Талия даже не заметила, как они миновали Внешнюю Стену, попав в сам Трейбен. Лишь быстрая мысль *«конец близок»* мелькнула у нее в голове, когда она заколола существо, бывшее когда-то вервольфом, а потом развернулась, чтобы отрубить тянущееся к ней раздвоенное щупальце.

На улицах города они сражались плечом к плечу с вампирами. Это были устрашающие союзники, и исковерканных порчей людей они убивали с той же радостной яростью, что до этого истребляли людей целых. Каждый раз, когда Талия убивала очередное чудовище, у которого еще можно было распознать человеческое лицо, груз вины на ее плечах увеличивался. Но для вампиров это была простая добыча. Талия увидела, как кто-то из них останавливается, чтобы подкрепиться, прежде чем двигаться дальше. Подавив подступившую тошноту, она заставила себя отвернуться.

Перед Трейбенским собором раскинулась огромная площадь — место, где в счастливые времена толпы людей собирались по святым дням, чтобы послушать обращение лунарха. Впрочем, здесь и сейчас была толпа — толпа бормочущих, извивающихся, жутких *тварей*, сражающихся с остатками городского гарнизона и храмовой стражи. Талия пришпорила грифа и по кругу облетела площадь, изучая положение дел.

Отчаянные горожане размахивали лопатами и косами, пытаясь сдержать натиск обезумевших сектантов. Отважные катары построились клином, чтобы прорвать строй безликих чудовищ, но их окружили со всех сторон. Небольшая стая вервольфов под предводительством двух зверей с белой шерстью терзала своих изменившихся до неузнаваемости собратьев. Громадный скааб стоял над изломанным трупом ученого, защищая своего мертвого создателя из последних оставшихся сил. Смерть... столько смерти.

[Высвободитель Греха](#) | Иллюстрация: [Крейг Дж. Спиринг](#)

Вернувшись к оставшимся позади наступающим солдатам, Талия вдруг увидела отряд тяжело бронированных бойцов в масках с личиной цапли. Инквизиция лунархов. Из-под капюшонов и мантий виднелись их искаженные части тела. Чудовища окружали группу дрожащих от страха жителей города. Талия видела, как горожане падают на колени, умоляя о пощаде служителей церкви — тех, кто должен был защищать их. А потом она узнала Ситу, предводительницу Безгреховных. С мечом в руке и яростью в сердце Талия спикировала на погрязшую в ереси предательницу.

Но еще раньше зазубренный клинок вырвался у Ситы из груди, и предводительница Безгреховных упала на колени. За ее спиной стояла ухмыляющаяся Оливия Волдарен.

— Ну и ладно, — пробурчала Талия, направляя грифа вверх и пытаясь высмотреть в хаосе битвы Рема Каролуса или Грету.

«Почему тебя так беспокоит это? — прошептал голос Трафта в голове. — Твой враг убит, но ты хотела сама сделать это?»

— Я не святая, — сказала она вслух.

Бойцы поворачивали к ней лица, и она видела ужас в глазах собственных солдат. Наконец, она заметила Рема — побледневшего, с широко распахнутыми глазами. Он волочил свой меч по брусчатке и показывал вверх, за ее спину.

Талия повернулась и увидела, что стало причиной ужаса. В воздухе перед собором парило громадное чудовище, тварь из искаженной плоти, извивающихся щупалец... с оперенными крыльями за спиной.

[Бризела, Голос Кошмаров](#) | Иллюстрация: [Клинт Керли](#)

Две головы кошмарного ангела испустили пронзительный вой. Звук оглушил Талию, заставил потерять равновесие, и ей пришлось хвататься за лук седла, чтобы не упасть. Внизу искаженные твари рванулись вперед, а люди зажимали уши и отступали, не в силах выдержать натиска. Чудовищная тварь взмахнула одним из толстых щупалец вниз, направив его в толпу на площади и разбрасывая в стороны и людей, и монстров.

«Если кто-то и сможет справиться с этим кошмаром, — поняла Талия, — то только я». Крылья грифа поднимали ее в воздух, а этим не мог похвастаться почти никто из сражавшихся на площади. Она крепче уселась в седле, сжала рукоять меча и поднялась на уровень глаз ангела, над сломанной крышей собора.

Существо было колоссальных размеров, но его головы были не больше человеческих, и в них до сих пор сохранялись какие-то ангельские черты — например, спутанные пряди рыжеватых волос.

— Мерзость! — закричала Талия, вложив в этот крик весь свой страх и ужас. Она хотела бросить противнице формальный вызов, но все слова покинули ее. Наконец, она просто спикировала в атаку.

Одна из невозможно длинных рук ангелотвари рванулась вперед, чтобы отбросить Талию, но гриф нырнул вниз, уходя от удара, и воительница рубанула конечность мечом. Две головы раскрыли рты, чтобы завывать снова. У одной из них рот представлял собой просто зияющую дыру в шее. Но вопль оборвался, когда Талия вонзила свой меч во что-то вроде плеча существа — место на левом боку, где сходились по меньшей мере три руки. Одновременно с этим гриф погрузил свой острый клюв в узловатую плоть одной из чудовищных голов.

Подняв руку с полудюжиной пальцев-когтей, ангел отмахнулся от назойливых обидчиков. На этот раз он попал — и Талия с грифом полетели вниз, на ступени собора. Гриф отчаянно пытался выровняться, но удар сломал ему одно крыло, и он сумел лишь поднырнуть под Талию, чтобы та упала на него, а не на каменные ступени.

Удар — и все тело Талии пронзила боль. Одна нога застряла под телом грифа и вывернулась под невозможным углом. Малейшее движение отдавалось мучительной пыткой. Голова кружилась. Воительница легла на камень и повернула лицо вверх, к надвигающейся гибели.

Почему-то это казалось правильным — смерть от рук ангела, воплощения всего того, ради чего она и была готова отдать жизнь. То, как изуродовано было чудовищное создание, отражало все перемены в ее жизни за последние месяцы. Слившаяся воедино тварь спускалась, чтобы закончить начатое.

Но прежде чем Талия успела поднять руку, чтобы заслониться, что-то яркое мелькнуло и оказалось между ней и ангелотварью.

— ЗДРАВСТВУЙ, СЕСТРА, — прогремели в унисон кошмарные головы, и в их голосах звучали отзвуки непостижимой вечности.

— Вы мне больше не сестры, — ответил чистый, ясный голос. Талия увидела окутанную светом фигуру — ангела, вооруженного косой с лезвием в виде цапли.

— Сигарда, — прошептала она.

Повелительница Цапель сохранила верность человечеству, даже когда Авацина погрузилась в пучину безумия. И сейчас она стояла на

пути... *сестер*? Это значит, что в ангелотварь слились два других архангела: Бруна и Гизела. Тяжелое отчаяние охватило Талию.

[Сигарда, Милость Цапли](#) | Иллюстрация: [Крис Ран](#)

— НАДО БЫЛО ОТВЕТИТЬ НА ЗОВ.

— И стать частью вашего «великого деяния»? — ответила Сигарда.

«Она тянет время, чтобы я восстановила силы», — поняла Талия.

Стиснув зубы, она спихнула мертвого грифа с пострадавшей ноги и подавила подступившую от мучительной боли тошноту.

— ДА. ВЕЛИКОЕ ДЕЯНИЕ БЛИЗИТСЯ К ЗАВЕРШЕНИЮ.

Ангелотварь протянула к Сигарде обе громадных руки, а четыре конечности поменьше, что были у груди, раскрылись в объятьях. Зрелище почему-то напомнило Талии тянущуюся к ребенку мать.

— Свои деяния вы уже закончили, сестры, — сказала Сигарда. — Вы стали тем, что должны были уничтожать.

Талия ощущала, как трудится Трафт, как он убирает ее боль, закрывает раны, даже сращивает кости. Если Сигарда еще хоть немного сдержит сестер, Талия снова будет готова к бою. Она оглянулась в поисках меча.

Меча не было. От удара, обрушившего ее с грифом на камни, меч мог отлететь на другой конец площади. Но как ей теперь сражаться без своего проклятого меча?!

— ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ПОВРЕДИТЬ НАМ, СЕСТРА, — прогремела ангелотварь.

Сигарда подняла косу, и та засветилась, поймав пробившийся через тучи лучик лунного света.

— Я должна, — сказала она и с широким размахом рубанула по рукам и груди чудовища.

Но одна из громадных, невероятно разветвленных рук чудовища успела схватить Сигарду. Талия в ужасе смотрела, как огромная рука тащит пытающегося вырваться ангела к своей зияющей щели в груди, как хватают Сигарду четыре маленькие руки. Длинные нити из плоти вырвались наружу и опутали руки Сигарды, привязывая ее к месту.

— Нет, нет, нет, — воскликнула Талия. Она не в силах была просто стоять и смотреть, как последнего здорового ангела поглощает чудовище. Она окинула взглядом окрестности, пытаясь найти хоть что-нибудь, что сошло бы за оружие.

— МЫ СНОВА БУДЕМ ВМЕСТЕ, — сказал слитый ангел.

Взгляд Талии упал на копье Авацины.

— Слишком тяжелое, — сказала она.

«Не для нас двоих», — ответил призрак святого.

— Ладно.

Талия переступила через павшего скакуна и нагнулась, чтобы поднять копье. По ее спине побежали мурашки, сила Трафта вновь разлилась по телу, защищая от магии копья. И вдруг ее охватил экстаз, а из спины вырвались сияющие, бестелесные крылья. Благословение неведомого ангела.

«Когда-то я был избранником ангелов», — напомнил святой Трафт.

Сломанное копье было готово засиять в свете факелов и небольших костров, тут и там горящих на площади. Она схватила его обоими руками и подняла над головой.

Ангельские крылья подняли ее в небо так же мягко, как поднимал гриф. Трафт, конечно же, не ошибался: когда его сила помогала ей, копье казалось таким же легким, как ее тонкий клинок. Она летела вверх, туда, где ангелотварь держала Сигарду, уже почти скрывшуюся под слоем волокнистой плоти.

Увидев пылающее в руках Талии копье Авацины, Бруна-Гизела вновь испустила оглушительный вопль. Она взмахнула исполинской рукой, но Талия закрылась от удара древком копья, а потом вонзила обломанный наконечник

в отвратительную синюшную плоть. Тон вой поменялся, из горестного он превратился в крик боли. Талия выдернула копье и ударила вновь — в то же плечо, то уже поразила мечом.

На нее летела вторая рука, и Талия развернула копье, насаживая на него то, что служило ангелу ладонью. Она крутанула оружие, разрывая рану, прорезая сетку плоти и костей, собравшихся в невероятную конечность.

Чудовище слабело, а Сигарда, казалось, восстанавливала силы, пытаясь вырваться из привязавших ее к слившимся сестрам волокон. Талия рубанула по груди кошмарного ангела, ослабляя узы Сигарды, а потом пробила копьем сплетение ребер и сухожилий, погрузив его в мерцающий красным живот твари. Этот удар отдался болью в ее собственном животе.

Рефлекторно дернувшись от боли, ангелотварь заехала Талии по корпусу уцелевшим когтем, вновь отправив в полет к земле. Но на этот раз ангельские крылья удержали воительницу, и она взмыла в воздух, залетев чудовищу за спину. Замахнувшись, она пронзила копьем пернатые крылья и вонзила острие в спину, пробив позвоночник и те органы, что были у твари в грудной клетке. И снова боль взорвалась в груди и у воительницы.

Но ужасный вой ангелотвари стих.

Существо дергалось и извивалось в воздухе. Чудовищные когти тянулись назад, пытаясь схватить назойливого врага. Крылья молотили воздух, а перепутанная масса щупалец, заменявшая ноги, напрасно пыталась найти опору.

Сигарда вырвалась из груди сестер, покрытая кровью и слизью, и свалилась вниз, на площадь. Это напомнило Талии какую-то тошнотворную пародию на роды.

Она крепко держалась за копье, мотаясь на спине бьющейся в конвульсиях твари, как на необъезженном скакуне.

— Сестра! — прохрипела ангелотварь.

И вслед за Сигардой повалилась на твердые камни площади, сжавшись, как мертвый паук. Талия скатилась со спины трупа и повалилась на землю, глядя вверх, в черноту.

Протянув руку, Сигарда подняла воительницу на ноги. Боль сразу отступила, а зрение прояснилось. Благословенная, последняя из архангелов, улыбалась Талии.

«Победа», — зазвучало у нее в голове, когда она ответила на улыбку.

Словно уловив эту мысль, Сигарда покачала головой. Ее лицо вновь стало печальным.

Талия повернулась, чтобы взглянуть на поле битвы. Бой продолжался, но похоже было, что ситуация переменилась. Невероятный союз людей, вампиров и вервольфов сумел оттеснить шумную орду безумных созданий.

А потом Талия взглянула вверх.

Существо в небе было невероятно огромным. Оно немного напоминало слившихся ангелов, Бруну и Гизелу. Куполообразное тело поддерживала шевелящаяся масса из щупалец, а в центре красноватым светом светилось ядро.

Но в этом существе не было красоты и величия ангелов. В нем не было ничего, что напоминало бы о естественной жизни. Само существование этой твари бросало вызов естественному порядку вещей, нарушало законы физики и оскверняло священное таинство жизни. Ее присутствие открывало путь безумию, тупым ножом давило на разум Талии, несмотря за защиту святого.

Она приближалась, и перед ней катилась волна искаженных чудовищ. Волна выплеснулась на площадь, и началась резня.

[Талия, Катар-Еретик](#) | Иллюстрация: [Магали Вильнев](#)

БИТВА ЗА ТРЕЙБЕН

BY NICK DAVIDSON

Когда мы в прошлый раз встречались с Джейсом, он впервые собственными глазами увидел третьего титана Эльдрази, Эмракул. Понимая, с чем пришлось столкнуться, Джейс отправился на Зендикар, чтобы собрать Стражей. Лишь действуя вместе, они могут попытаться уничтожить кошмарное чудовище.

Открыв глаза на Иннистраде, Джейс невольно поежился. Воздух здесь был гораздо холоднее. Он иначе пах, иначе ощущался... Запах был странный, почти что металлический. Джейс сразу почувствовал его, когда выдохнул воздух Зендикара и сделал первый вздох на Иннистраде. Воздух был плотным. От первого вздоха стало немного больно.

Небо разрывалось на части. Клубились грозовые облака, словно штормовой ветер нес их сразу во всех направлениях, а солнечный свет не проникал через завесу туч. Вечные сумерки этого мира уступили место фиолетовому сиянию. Глаза Джейса не хотели привыкать к темноте. Каждый шаг давался ему с трудом. Он прищурился, вглядываясь в горизонт, в пробоину в реальности, и попытался сосредоточиться. Сосредоточиться. Сосредоточиться. Здесь его разум буксовал. Голова была тяжелой, словно на шею взвалили мешок промокшего риса. Хлюпающий, натирающий, норовящий соскользнуть...

В разуме Джейса зазвенел колокольчик. Или... воспоминание о колокольчике. Звон напомнил ему, кто он такой, и разум прояснился.

Маг стоял на холме, глядя на раскинувшиеся вокруг Трейбена поля. Он видел город — и город горел. На улицах шел ожесточенный бой. Факелы. Крики. Вопли. Он не знал, слышит ли он крики на таком расстоянии, или просто чувствует их. А над городом, высоко в небе... но он не мог заставить себя сосредоточиться на этом. Пока не мог.

Новые звуки заставили Джейса переключиться на более насущные заботы. Рычание. Вой. Глаза, светящиеся в темноте болезненно-зеленым цветом.

«Опять вервольфы», — пробормотал под нос Джейс. Он потянулся в темноту и осторожно прикоснулся к обнаруженным разумам. Их было трое, и безумие поглотило их и превратило во что-то совсем незнакомое Джейсу. Когда они вышли из теней, он смог как следует рассмотреть их. Шерсть местами

вылезла, а кожа превратилась в ту же сетчатую ткань, что поразила почти все живое на Иннистраде.

Джейс принял решение. От их разума осталось слишком немного, чтобы их можно было спасти. В его ментальной атаке не было утонченности: маг просто захватил их чувства и перегрузил каждое из них — слепящий свет, оглушительный звук, запах столь сильный, что можно было задохнуться. Вышло грубо, но Джейсу нужно было подготовить плацдарм для остальных.

[Запасной План](#) | Иллюстрация: [Райен Йи](#)

Двое вервольфов заскулили, упали на землю, несколько раз дернулись и замерли навсегда. Третий... засмеялся? Джейс чувствовал, как его разум меняется, приспосабливается, растет в ответ на нападение. Ментальная связь разорвалась, и маг увидел, как кожа существа поплыла, выросли конечности, стали длиннее когти, а из пор потекла слизь. Он пораженно попятился. Что бы он ни сделал, это вызвало какую-то защитную мутацию. Теперь Джейс даже не понимал, что за тварь перед ним стоит.

Быстрым жестом он разделился на дюжину двойников, но чудовищу хватило лишь секунды, чтобы принюхаться и безошибочно определить оригинал, игнорируя иллюзии. Джейс огляделся в поисках путей к отступлению, но не нашел их. В голове пронеслись варианты, но он отбросил их один за другим. Его наполовину материальные иллюзии обступили тварь, пытаясь выиграть немного времени, пока...

...вспышка света, звук удара стального кнута и разрывающейся плоти. Изуродованная тварь с воем упала на землю и затихла. Гидеон.

— Все в порядке, Джейс. Я тебя прикрыл.

Джейс поправил плащ.

— Ты что, заблудился? Или решил заскочить перекусить на Равнику?

— Не так-то просто пройти за тобой туда, где ни разу не был. Хм-м... — повернувшись к краю холма, Гидеон взглянул на Трейбен. Может быть, чувства подводили и его, но он этого не показывал. — Эта больше, чем прошлые два. И между ней и нами изрядная толпа. Какой у нас план?

Воздух перед ними задрожал от жара, и из марева вышла женщина.

Чандра потерла друг о друга ладони.

— План такой же, как в прошлый раз, да? Огонь? Хотя в прошлый раз огня в планах не было, но сработало же. Он всегда работает.

Уперев руки в бока, она окинула взглядом разразившийся внизу хаос.

Холм слегка задрожал, возвещая о прибытии Ниссы. Она встала на колени, прижала ладонь к земле и нахмурилась.

— Здесь темная мана. Искаженная. Это в земле, в деревьях... отчасти виновата Эмракул, но...

— Ты в первый раз на Иннистраде, верно? Темное и искаженное здесь — обычное дело, — заметил Джейс. — В общем, ситуация такая же, что и в прошлый раз, но с небольшими отличиями. Эмракул надвигается на Трейбен, и нам нужно прибыть туда первыми. Нисса использует свой знак, чтобы подключиться к сети лучей маны. Гидеон расчистит путь. Мы направим энергию мира Чандре, и она все сделает.

Нисса отрицательно покачала головой.

— Так не получится. Лучи маны уже перенаправлены. Вот... в это.

Джейс изобразил ухмылку.

— Ну да, верно. Сеть криптолитов. Все лучи маны сейчас направлены на Трейбен. К тому же, это самый населенный город Иннистрада. Ясное дело, что Эмракул отправилась сюда. Но это значит, что эффект знака будет только усилен. По сути, это не отличается от сети эдров.

— Да, если мы будем достаточно близко. Но сунься мы туда, Эмракул нас уничтожит, — голос Ниссы был тихим, но уверенным. — А в любом другом месте я смогу зацепить только один или два луча. Максимум — три. Этого не хватит.

Чандра положила руку Ниссе на плечо.

— Послушай. Двадцать лучей, один... подключи меня, и мы постараемся.

Гидеон вздохнул.

— Нисса, ты справишься? Мы не будем ничего предпринимать, пока все не будут уверены в плане.

Нисса взяла пригоршню земли и просыпала между пальцами. Она взглянула на лица товарищей. Гидеон, обеспокоенный. Джейс, невозмутимый. Чандра, возбужденная. Нисса закрыла глаза и несколько долгих секунд вслушивалась — в стук своего сердца, в порченную землю под ногами, в свои воспоминания.

— Да.

— Гляди, Гаред. В чем-то это даже красиво. Твой мир умирает.

Лилиана смотрела, как в Трейбене разгораются пожары, и как щупальца спускаются из грозовых туч, вспахивая землю внизу. В небе мельтешили ангелы, а внизу, под титаном, было черно от самых разных тварей. Издалека Лилиана могла разглядеть только движение, копошащуюся массу существ, старающихся поближе подобраться к источнику гибели для всего мира.

— Да, госпожа. Именно этим он и занимается, — ученик мага привидений печально глядел на происходящее своим огромным глазом.

— Не поспоришь. Видишь огонь и вспышки света? Должно быть, это маленькие друзья Джейса. И похоже, они все-таки бросились в самую гущу событий.

Гарет наклонил голову, и в сочетании с асимметрией его тела это произвело любопытный эффект.

— Да, госпожа. Знаете, я заметил, что вы собрали целую армию, чтобы отправиться на помощь, но мы тут, наверху, а остальные — внизу.

— Хм-м. Да, пожалуй, ты прав.

Чандра кричала. Другие не понимали, был ли это крик боли, радости или ярости, — они просто слышали крик и чувствовали невыносимый жар. Пиромантка раскалилась добела и извергала огонь, словно воплощение преисподней. Она обжигала друзей, но волна за волной готескных чудовищ, еще недавно бывших жителями Трейбена, обращалась в пепел.

[Разгоревшееся Пламя](#) | Иллюстрация: [Чейз Стоун](#)

Крик утих, и пламя затухло. Чандра упала на четвереньки, и Гидеон рванулся, чтобы прикрыть ее. Они попали в ловушку на бывшей рыночной площади, два из четырех выходов с которой были завалены камнями разрушенных зданий. Полуразвалившаяся, покрытая сетчатой плотью башня опасно наклонялась над мощеной улицей, ведущей к центру города. Но и на этой дороге, и на той, по которой они пришли, было тесно от бесчисленных тварей Эмракул.

В некоторых из них все еще можно было узнать людей. Визгливыми голосами они выкрикивали невнятные обрывки слов. Другие когда-то были зверьми или ангелами, а третьих вовсе было не узнать. Кто-то из них двигался целенаправленно, другие просто топтались на месте и стонали. Их конечности были перекручены, плоть текла, словно воск свечи.

А за ними чернела буря.

Тело титана было по большей части скрыто из вида, но его присутствие чувствовалось везде. Эмракул. Гроза бушевала, и громадные, разветвленные молнии били по улицам города. Из черных облаков вырывались щупальца и с грохотом обрушивались на городские кварталы, стирая в порошок дома.

[Эмракул. Обетованная Гибель](#) | Иллюстрация: [Джейми Джонс](#)

— Возможности. Мне нужны возможности, — Гидеон осматривал площадь, сжимая в руке свой кнут-сурал. — Нисса! Элементали?

Эльфийка покачала головой.

— Я могу призвать их, но нам не понравится, кто явится на зов.

Гидеон недовольно зарычал.

— Чандра. Ты готова повторить?

Чандра тяжело дышала, согнувшись пополам и упершись руками в колени. Она слабо подняла одну руку и показала большой палец.

— Конечно, командир. Я только разогрелась.

Она закашлялась и выпрямилась. Лицо было покрыто золой и сажей, но улыбка казалась вполне искренней.

— Джейс. Что у тебя?

Маг вновь просканировал местность.

— Дальше мы не пойдем. Тут у нас открытое пространство, которое легко оборонять. Предлагаю использовать знак здесь.

Гидеон кивнул.

— Нисса, справишься?

Нисса опустилась на колени и положила ладони на землю. Из-под земли зеленой лентой вырвался свет, окутавший ее руки.

— Два луча. Три, если постараться.

— Приступай, сказал Гидеон после секундной заминки. — Остальные — прикрываем ее. Пока что мы столкнулись с несерьезным сопротивлением. Я даже не уверен, что она нас заметила.

Джейс жестом указал на башню, возвышавшуюся над одним из проходов на площадь. На ней появились две иллюзорные отметки.

— Чандра, будь добра, ударь в башню здесь и здесь. Когда сетчатая структура трансформирует камень, он становится весьма устойчивым к повреждениям, но при нагревании расширяется. Башня обвалится и заблокирует проход с улицы.

— Чего? — обернулась на него Чандра. Ее глаза уже разгорелись.

— Я прочитал это в книжке. Доверься мне.

Чандра выбросила руки к башне, и два огненных шара пролетели по дуге, попав точно в отметки Джейса. Через несколько секунд вся постройка обвалилась, засыпав обломками улицу и обрушившись на таверну через дорогу.

Площадь вдруг ожила. Зеленые ростки пробивались через утопанную землю и камни мостовой, а воздух, кислый и застоявшийся, немного очистился. В центре площади неподвижно стояла Нисса, и от ее ног по земле разбежались светящиеся руны, складываясь в сложный знак.

Окружившая их кошмарная толпа завизжала в унисон. Все головы одновременно повернулись в их сторону, и твари бросились на Ниссу, — а Гидеон бросился им наперерез. Обрушив на чудовищ град страшных ударов, он ворвался в их ряды. В ночной воздух взлетели золотые искры — магия Гидеона не давала врагам прикоснуться к нему. Грозно заревев, он хлестал толпу по широкой дуге, стараясь нанести как можно больше урона и привлечь к себе как можно больше внимания.

[Не Отступать](#) | Иллюстрация: [Тайлер Джейкобсон](#)

Но чудовищ было сложно повалить, а те, что падали, быстро поднимались. Даже полностью расчлененные враги замирали лишь на мгновение. Из каждой раны росли отвратительные новые конечности, и твари бежали, шли и ползли напрямиком к Ниссе и ее знаку.

— Нисса, мы готовы? Потому что я правда думаю, что сейчас — самое время.

Чандра нервно шагала вдоль границы пылающего знака, а Нисса все бормотала неразборчивые заклинания, закрыв глаза. Криком предупредив Гидеона, Чандра пустила по улице волну пламени. Она оглянулась и увидела, как Нисса наклоняется к земле и вытягивает нечто, напоминающее призрачную колючую лиану, толстую, как древесный ствол. Эльфийка выпрямилась, вытаскивая лиану, но пораженно ахнула, когда призрачные шипы расцарапали ей руку.

Нисса прорычала сквозь зубы:

— Готовься... Сейчас... начнем...

Она вновь наклонилась и достала вторую лиану. Эта сопротивлялась, брыкалась и вырывалась из ее схватки, словно разъяренная змея. Напряженно простонав, Нисса обмотала ее вокруг груди, закрепляя, и потянулась к земле за третьей.

Чандра ходила взад-вперед, не зная, что делать дальше. Она ничем не могла помочь Ниссе, а Гидеон делал все, на что был способен, чтобы остановить натиск чудовищных тварей. Пиромантка взглянула вверх — и сразу же

пожалела об этом. Конечности, щупальца и другие покрытые сеткой отростки тянулись во все стороны, опутывая здания и развалины. Их были сотни. Чандра вновь посмотрела на Ниссу и увидела, как та падает на колени.

Третья призрачная лиана была темнее первых двух, ее шипы — острее, а рывки — мощнее и хаотичнее. Нисса пыталась укротить ее, но лиана обмоталась вокруг ее шеи, и было похоже, что она хочет утянуть эльфийку под землю.

— Жизнь не может остановиться... даже когда знает, что должна... даже когда знает, что неправа!.. В одиночестве, в противоречиях! Даже когда знает!

Голос Ниссы гремел, ее глаза вспыхнули болезненным фиолетовым светом, и она без чувств упала на землю. Лианы пропали. Знак погас. И орды чудовищ продолжили двигаться вперед.

— Отступаем! — прокричала Чандра, бросаясь к Ниссе и нежно, осторожно, поднимая ее голову. — Давай, давай, просыпайся!

— Отступать некуда, Чандра! — Джейс подошел, присел рядом и положил руку Ниссе на лоб. — Она здесь. Это просто шок. Придет в себя через пару минут.

К ним подбежал Гидеон, а кошмарная масса врагов медленно придвигалась ближе.

— Я буду защищать ее, пока она не очнется. А вы вдвоем уходите из этого мира в безопасное место.

Чандра встала во весь рост, ее руки полыхали.

— Этого не будет. Мы уйдем отсюда вместе или... — на последних словах ее напуская смелость почти пропала.

— Или не уйдем? — спросил Джейс. — Вместе — или не уйдем вовсе?

Чандра раскрыла рот, чтобы ответить, но вдруг наклонила голову и прислушалась.

— Постойте... что это?

Мироходцы услышали их незадолго до того, как увидели. Рычащая, стонущая, ломающая кости и разрывающая плоть толпа мертвецов ввалилась на площадь. Они шли в тесном строю, бросаясь на окруживших мироходцев чудовищных тварей, вгрызаясь в них и разрывая на части с невероятной силой.

[Отборный Боец Дилианы](#) | Иллюстрация: [Александр Дерученко](#)

Омертвевшая плоть встретилась с мутировавшими конечностями в яростной схватке. Обе стороны не обращали внимания ни на боль, ни на потери. Но зомби двигались целенаправленно и точно. Павших бойцов немедленно заменяли новые. Добравшись до мироходцев, зомби разделились, окружили их защитным кольцом и начали теснить врагов.

А потом появилась предводительница.

[Темное Спасение](#) | Иллюстрация: [Синтия Шеппард](#)

Лилиана плыла вперед, широко раскинув руки, а за кончиками ее пальцев парила Кольчужная Завеса. Узоры на ее коже пылали ярким светом, из них сочилась кровь. Она сделала легкое движение запястьями и выпустила широкую дугу энергии смерти, от которой трупы мутировавших тварей рассыпались в прах. Весь бесконтрольный рост, вся их кошмарная живучесть просто перестала существовать. В царство нескончаемой, неестественной жизни явилась владычица покоя и смерти, и ее власть оказалась сильнее.

За одно мгновение выражение лица Лилианы сменилось с ликующей ярости на сдержанную улыбку, и она изящно опустилась на землю. Узоры погасли, а Завеса словно уменьшилась в размерах.

— Привет, Джейс. Я пришла, как только смогла.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Гидеон. Он стоял в боевой стойке, и волшебная энергия текла по его суралу.

[Совместный Натиск](#) | [Иллюстрация: Эрик Дешам](#)

— Эта милая дама в неудобном платье только что спасла нас, Гидеон. Успокойся, — Чандра повернулась спиной к Лилиане и встала между ними.

Нисса пошевелилась, потом с усилием поднялась на ноги.

Эта... вещь, что она несет. Это мерзость, — увидев Завесу, эльфийка отпрянула и отвернулась, чтобы не смотреть.

Лилиана широко улыбнулась.

— Как странно ты произносишь «спасибо, что спасла мне жизнь, Лилиана, я перед тобой в неоплатном долгу».

Гидеон хмыкнул и убрал сурал.

— Лилиана, я... я не думал, что вновь тебя увижу. Но ты здесь, — Джейс стянул капюшон. Его глаза больше не сияли, и под ними были хорошо видны темные круги.

— Ты, как всегда, красноречив. Да. Вы спасены, вы мне обязаны, а теперь уходите отсюда, пока целы.

Джейс отрицательно помотал головой.

— Мы не можем. Нужно закончить начатое. Мы так близко... И если ты нас прикроешь, то у нас может получиться. Я знаю, что может!

Лилиана потерла лоб.

— Джейс, сейчас не время глупить. Нам нужно спастись.

— Что нам действительно нужно, так это чтобы ты убралась отсюда вместе с этой проклятой вещью, — Нисса стояла еще неуверенно, но в руке у нее был меч. — Я не буду сражаться рядом с ней.

Гидеон предупреждающе поднял руку.

— В Мореграде ты сражалась рядом с вампирами, пиратами и не только, Нисса. Мы примем любых союзников, если им можно доверять.

— А силач соображает! — обрадовалась Лилиана.

— Но я не знаю, *можно ли* тебе доверять. Интуиция редко подводит Ниссу, и я склонен с ней согласиться. Твоя вещь... беспокоит меня. Но я тебя не знаю. А он — знает.

Гидеон повернулся к Джейсу.

— Тебе решать. Скажи мне, Джейс. Ей можно доверять?

Прежде чем маг успел ответить, Лилиана искренне расхохоталась.

— Это нелепый вопрос, и ты сам это знаешь. Оглянись вокруг! Стоит мне щелкнуть пальцами, и вас просто сметут. Вы уже мне доверяете. Но если не хотите уходить, заставляя я вас не стану. Так расскажите же мне, храбрые герои, какой у вас теперь план?

Она посмотрела на каждого из них. Гидеон, раздраженный. Чандра, измотанная. Нисса, в ярости. И Джейс, полный боли.

— Просто замечательно, — Лилиана улыбнулась, потому что больше ничего не оставалось. — Уверена, все кончится просто отлично.

ОБЕТОВАННАЯ ГИБЕЛЬ

BY KEN TROOP

Иннистраду грозит гибель. В мир явилась Эмракул, и с титаном Эльдрази пришли кошмарные мутации, готовые истребить все живое на Иннистраде. Стражи собрались в Трейбене, и Лилиана со своей ордой зомби выгадала для них время и место, чтобы разработать план.

Но что за план может помочь совладать с Эмракул?

Лилиана

Смотреть, как кривятся и мучаются назвавшие себя Стражами, было одно удовольствие. Едва сдерживаемое раздражение Гидеона, злоба Ниссы, нетерпеливость Чандры и болезненная нерешительность Джейса. Джейс был в своем любимом амплу: загнанный в тупик собственными же нелепыми ограничениями и удивляющийся, почему же так сложно принимать жизненные решения. «Ты никогда не изменишься, верно?» Лилиана так и не решила, забавляет это ее или вызывает отвращение. «Иногда — и то, и другое».

На площадь влетела соратами. Она была взволнована, глаза широко раскрыты. Казалось, она не замечала кольца защищающих от прислужников Эмракул зомби, но наверх, где был титан Эльдрази, все же кинула взгляд. Не сделать этого было невозможно. Соратами приземлилась рядом с Джейсом и заговорила — быстро, но слишком тихо, чтобы Лилиана что-нибудь расслышала. Вдруг она замолчала. Лилиана удивилась бы, если бы не провела столько времени с телепатом. *«Должно быть, это та ученая из лунного народа, о которой говорил Джейс».* Джейс и Тамиё придвинулись ближе друг к другу и продолжали свой безмолвный диалог, коснувшись разумами. Лилиана нахмурилась. *«Еще один бесполезный маг разума. Только этого нам и не хватало».*

Она хотела остаться с Джейсом наедине, чтобы выяснить, что они собираются делать. Ее зомби дали им временную передышку. Но им нужно было убираться отсюда — подальше от Трейбена, подальше от Иннистрада и подальше от Эмракул.

При мысли об этом имени Лилиана невольно подняла глаза наверх, к исполинскому силуэту, парящему близ Трейбена. *«Почему она там зависла?»* Воздух был тяжелым, застоявшимся. Зловонным, но это было не зловоние мертвецов. Лилиана ничего не имела против мертвых и их запаха. А в этой вони были нотки гнили, которые ей совсем не нравились.

Вдруг воздух изменился, как меняются запах и давление летним днем перед грозой. И с этим изменением Эмракул *развернулась*. Масса ее длинных, закрученных щупалец разрослась, они удлинялись и умножались, от сотен к тысячам, потом к десяткам тысяч и больше. От Эмракул разошлась невидимая сфера энергии. Дрожа, она разрасталась, пока не накрыла каждого из мироходцев.

От тошноты у Лилианы закрутило желудок, а головокружение лишило ясности мыслей. Лишь несколько раз в жизни ей доводилось испытать столь отвратительное сочетание слабости и отчаяния. Когда открылись мертвые глаза ее брата Джозу — угольно-черные, возвещающие беду. Когда она в первый раз увидела зловещий взгляд Боласа, посулившего ей спасение, и услышала его ядовитый, злой смех. Когда впервые потекла по ее жилам сила Кольчужной Завесы, и кожа потрескалась, словно сухая оболочка, выпуская кровь — *ее кровь, стекающую на землю*.

Но ни один из этих моментов не мог сравниться с тем ощущением *неправильности*, что она почувствовала рядом с Эмракул. Лилиана Весс всю свою жизнь стремилась прогнать смерть, и впервые за свое долгое существование спросила себя, не гналась ли за ложной целью. Когда расцвела Эмракул, смерть показалась лишь очередным лживым

предрассудком, ложной надеждой, призванной отвлечь от ожидающего все живое истинного ужаса.

«Эмракул. Эмра-а-акул. Эмра-а-а-а...»

Лилиана затрясла головой, пытаясь собраться с мыслями. Она слишком долго прожила и слишком многое перетерпела, чтобы сдаваться. *«Мы должны бежать из мира. Оставаться здесь — безумие».* Это были не ее мысли. Человек-Ворон говорил в ее голове, и его голос звучал... испуганно. Лилиана довольно улыбнулась. *«Значит, тебе бывает страшно».* Вдруг ее зомби взвыли в унисон: *«Сосуд разрушения. Корень зла. Беги!».* Лилиана была поражена. Она привыкла к бессмысленным словам Завесы о сосудах и корнях, но — *бежать?..* Кем бы ни была Эмракул, Кольчужной Завесе не хотелось иметь с ней дела.

Давление в воздухе росло, и у Лилианы так разболелась голова, что глаза наполнились слезами. Остальных мироходцев оно повалило на землю — всех кроме Джейса, наложившего в ответ какое-то заклинание. Лилиана склонила голову. Ее мучители множились в числе. Эмракул снаружи. Кольчужная Завеса внутри. Проклятый Человек-Ворон, кем бы он ни был. Но она не сдастся. *«Это мои зомби, моя Завеса и моя голова. Моя!»*

Она взглянула на Эмракул, и страх ушел, уступив место испепеляющей злобе. *«Да как ты смеешь?..»*

Эмракул снова выбросила волну энергии — полноценную бурю, по сравнению с которой прошлая была просто весенним дождиком. Лилиана упала на колени и закричала от ярости. Ее зомби тянули одно-единственное слово:

«Эм-ра-ку-у-ул».

Джейс

«Башня фиолетовой тени через мокрое от дождя стекло. Полосы огня с темной вершиной тяжело падают вниз. Эмракул смеется мыслями холодной металлической петлей».

Через беспорядочный бред прорезался голос, знакомый голос, который он слышал впервые. *«Это добром не кончится. Я не поддамся. Я не настолько слаб».* Джейс дышал медленно, ровно. Его мысли пришли в порядок. Он попробовал вспомнить вздор, крутившийся в голове лишь мгновение назад, но он уже пропал, словно роса жарким утром. Маг стоял у вершины длинной, массивной винтовой лестницы. Белые мраморные ступени обрамляла

украшенная синяя кайма. Нигде не было видно источников света, но лестница была ярко освещена и уходила далеко вниз, теряясь из вида.

Вверх поднимались высокие стены грациозной каменной башни. Внизу она напоминала его собственное убежище на Равнике. Большой стол, на котором горой навалены книги, карты и какие-то... крутящиеся и жужжащие механизмы. Всюду, куда падал взгляд, стояли полные книг шкафы. Джейс жадно глядел на них. Нет, место не просто напоминало его жилье на Равнике, это *и было* его жилье на Равнике, только там в центре комнаты не было уходящей вниз лестницы.

[Убежище Джейса](#) | Иллюстрация: [Адам Пакетт](#)

И уж точно на Равнике не было чудовищной силы, разрушающей его убежище сверху.

Джейс видел, как высоко, в сотнях метров над головой, массивные камни кладки разваливаются в пыль или отрываются и улетают. Крыши у башни уже не было, и взору открывалось темное небо, затянутое зловещими фиолетовыми облаками. Наблюдая за разрушениями, Джейс вдруг понял, что фиолетовые облака были не облаками. Они были кем-то. Существом. Гигантское фиолетовое облако распалось на сотни извивающихся щупалец. Они тянулись к башне и били по камням под вспышки молний и оглушительные раскаты грома. У существа было имя...

Эмракул. Имя прозвучало странно, когда он произнес его. Он не должен был, *не мог* знать этого слова. Может быть, в одном слове крылось другое?.. Джейс остановился, раздосадованный тем, как легко теряет ход

мысли. «*Сосредоточься*». Эмракул. Эта... штука. Эльдрази? *Эльдрази*. Разум Джейса пытался воспринять природу этого существа. Голова болела — тянущая, пульсирующая боль, которая росла с каждой мыслью о титане Эльдрази. «*Значит, не будем о нем думать. Но где я? Что это за место?*»

Вернулись новые воспоминания. Он был не в башне. Он был в Трейбене, окруженный бесчисленной ордой прислужников Эмракул. Они все были там. Гидеон. Тамиё. Нисса. Чандра. *Лилиана*. Эта появилась неожиданно — во главе армии зомби, чтобы спасти их всех от сектантов и безумных тварей, идущих за Эмракул. «*Лилиана вернулась. Она...*»

Снаружи пророкотал гром, и пол под ногами Джейса задрожал. Дрожь быстро закончилась, но еще долго отдавалась у мага в голове. Сверкали молнии, освещая щупальца Эмракул, отрывавшие все новые куски каменной кладки. Башня была высокой и прочной, но титан разбирал ее по камню.

Внизу, на лестнице, запульсировал мягкий белый свет. Он *манил*. В обычной ситуации Джейс не стал бы доверять манящему белому свету, зовущему из неизвестного места в другое неизвестное место. Но в обычной ситуации на него не нападали всемогущие титаны Эльдрази. В этом случае белый свет казался ему все более привлекательным.

Снаружи ярким фиолетовым светом вспыхнул взрыв, а за ним — оглушительный раскат грома. В башню попала молния, и вся постройка затряслась. Джейс свалился на пол от боли. Голова просто убивала его. «*Что со мной случилось?*» И тогда он услышал другой голос — его собственный, но исходящий откуда-то снаружи. Голос отдал приказ: «*Иди. Немедленно. Спускайся вниз*».

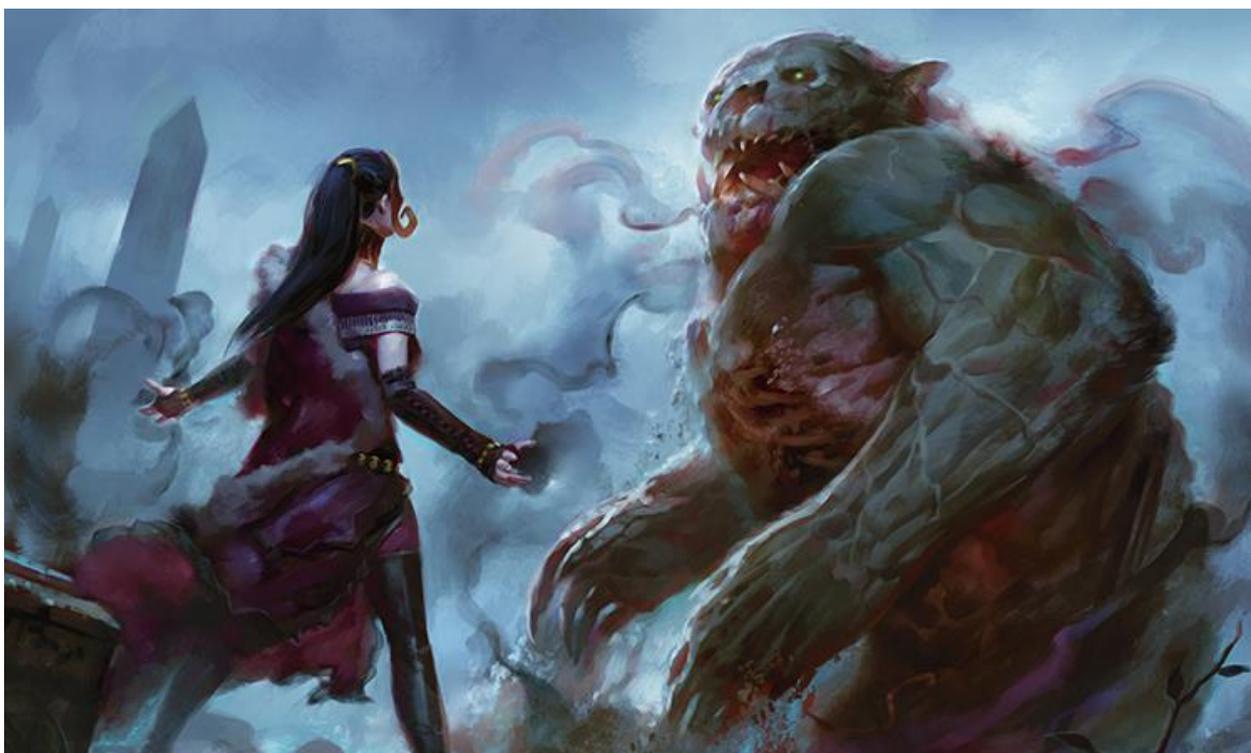
Джейс взглянул наверх, через развалины башни, на ненасытную фиолетовую утробу Эмракул, на ее бесконечные щупальца, что опутывали все новые и новые камни. Собрав силы, он поднялся с пола и, спотыкаясь, побрел к лестнице. Маг решил, что голос — «*мой голос*» — был прав. Пришло время уходить. Джейс спустился вниз башни.

Лилиана

Кровь Лилианы пылала, а разум разлетелся на части. Сейчас лишь одна сила помогала ей сохранить рассудок: ярость. «*Это мои зомби. Мои! Ты их не получишь!*» Не осознавая, что делает, она зачерпнула силу Кольчужной Завесы и направила ее навстречу мощи Эмракул. Лилиана ощущала губительное прикосновение Эльдрази — прикосновение столь мощное, что оно

действовало и на мертвых. Но даже эта кошмарная сила не могла тягаться с мощностью некромантии Лилианы, подкрепленной могуществом Кольчужной Завесы. Она почувствовала, как ее зомби возвращаются к ней.

Могущество, текущее по жилам, возбуждало. Каждое использование Завесы влекло за собой мучительную пытку, но на этот раз ярость каким-то образом смогла защитить ее от самых тяжелых последствий. *«Может быть, в этом и есть ключ к Кольчужной Завесе? Просто я не хотела ее достаточно сильно?»*

[Восстать из Могилы](#) | Иллюстрация: [Киран Йеннер](#)

Она все еще слышала шепот зомби, а голос Завесы звучал прямо у нее в голове. «Сосуд разрушения. Корень зла». Но эти голоса были не единственными. Слова Человека-Ворона наводили на нее тоску. *«Нам нужно уходить! Это безумие. Я думал, ты хочешь покорить смерть. Но сейчас ты столкнулась с сущностью, что старше самого времени. Она будет сильнее тебя, даже если ты найдешь сотню Кольчужных Завес! Мы уходим!»* Человек-Ворон попытался превратить это в приказ. Но еще никогда он не казался Лилиане столь жалким и уязвимым.

Лилиана бросила взгляд на других мироходцев. Чандра, Тамиё и Гидеон неподвижно лежали на земле. Она потянулась к ним своей силой, но тела не ответили на зов некромантии — значит, они были живы. Ниссу приковало к месту, и она выкрикивала неясные, бессмысленные слова. Вокруг нее кружились потоки зеленой и фиолетовой энергии, сталкиваясь, накатываясь и отступая. Только Джейс стоял на ногах и был в сознании, но ее он, похоже, не замечал. Лилиана заметила вокруг него синее мерцание — полусвет,

окутывающий всех пятерых мироходцев. Всех, кроме нее. *«Это он не дает вам умереть?»*

Полусвет не касался ее. Но ей не нужна была его защита. Лилиана знала, как велика его сила, подкрепленная мудростью и безжалостностью, накопленными за два века жизни. Но она знала и то, что вся эта сила неспособна защитить от натиска Эмракул на рассудок. Лилиана не устояла бы, если бы не могущество Кольчужной Завесы.

Могущество, которое превратилось для нее в удовольствие. Она засмеялась от радостного предвкушения. Это ощущение было так близко к тому почти что всемогуществу, что было у нее когда-то. *«Я могу сделать что угодно».* Но голоса Завесы шептали у нее в голове: *«Сосуд. Сосуд разрушения. Мы должны бежать от Пожирательницы Миров. От Создательницы Миров. Сосуд!»* Человек-Ворон задыхался от ужаса: *«Послушай Завесу, идиотка! Беги!»* Ее зомби. *«Корень зла. Сосуд разрушения. Сосуд!»*

Лилиана засмеялась, и в ее смехе была ярость и сила. *«Я. НЕ. СОСУД!»*

Она на полуслове оборвала голоса и Завесы, и Человека-Ворона. Они обрушились на нее с проклятиями, но были бессильны, и Лилиане не было дела до их ярости. *«Важна только моя воля. Мои пожелания. Никто не встанет у меня на пути».* Она коснулась Завесы, черпая столько энергии, сколько еще не осмеливалась никогда.

«Я не принадлежу тебе. Это ты принадлежишь мне».

Она собрала силу Завесы, подчиняя собственному могуществу и опыту. За биением этой силы она уже не чувствовала, как давит на ее разум Эмракул.

Тогда Лилиана повернулась к исполинскому титану Эльдрази. Он, словно поняв, как возросла ее сила, медленно двигался в ее направлении. *«Похоже, все тебя боятся, Эмракул».* Она вновь рассмеялась — хриплый смех, в котором слышалось наслаждение собственным могуществом. *«Никто не думает, что я могу победить тебя. Что ж, давай посмотрим».*

Джейс

Спускаясь, Джейс время от времени поднимал взгляд вверх, но уже в нескольких метрах над его головой тени сгущались, не позволяя ничего рассмотреть. *«Похоже, эти ступени ведут только вниз».* Он подумал, что его должен было насторожить призыв пойти по неизвестному коридору в

глубины странной башни, особенно под звуки непрекращающегося грома наверху. Но маг был спокоен. *«Внизу уж точно безопаснее, чем наверху».*

Каменная стена рядом с ним замерцала. Он глядел, и камень превратился в стекло — или какой-то другой прозрачный материал. Вся стена, от пола до потолка, превратилась в прозрачное окно. Через окно была видна сцена, напоминающая искусно изготовленную диораму — вот только эта диорама двигалась.

Центральной фигурой на сцене был Гидеон. Он стоял в защитной стойке, а над ним возвышалось какое-то небесное существо. В прямом смысле небесное — исполин, казалось, был соткан из ночного звездного неба. У него было синее, нечеловеческое лицо, а голову венчали два массивных черных рога. В руке у существа был невероятно огромный кнут с человеческим черепом на рукояти. Гидеон выглядел вполне по-гидеонски: квадратная челюсть, золотой сурал и сияющие доспехи. Но выражение его лица совсем не подходило тому Гидеону, которого знал Джейс. Воитель выглядел взволнованным, даже испуганным. На его лице был гнев... но был и страх. *«Любопытно».*

[Эреб. Бог Мертвых](#) | Иллюстрация: [Питер Морбахер](#)

Рядом с Гидеоном стояли остальные Стражи. Чандра с пылающими руками и головой. Нисса. Даже Джейс. *«Я вроде как повыше?»*

Небожитель широко раскинул руки, отводя в сторону кнут. Он говорил низким, раскатистым голосом, который словно вырывался из бездны земли.

— И чего же ты желаешь больше всего, Китеон Иора? Чего ты хочешь на самом деле?

— Нет! — закричал Гидеон. Его лицо исказила гримаса непокорности и боли.
— Тебе нечего предложить мне, Эреб! Нечего! Все твои дары — это яд.

Исполин — *Эреб* — поднял кнут.

— Это не предложение, смертный. Ответь мне, чего ты желаешь больше всего, или я убью твоих друзей, одного за одним.

Гидеон опустил плечи и убрал сурал в ножны. Он взглянул на Эреба со смешанным выражением злобы и отчаяния.

— Больше всего я желаю... — он замолчал, потом глубоко вздохнул. — Больше всего я желаю защищать других, спасти их...

— Ты лжешь! — кнут Эреба метнулся вперед, ударил стоящего рядом с Гидеоном Джейса, и тот распался в прах.

«Мне совсем не нравится смотреть, как я умираю». Гидеон закричал и рванулся вперед, выхватив сверкающий сурал, но Эреб даже не двинулся с места. Он поднял руку, и Гидеон отлетел назад.

— Ты не можешь победить меня, смертный. Никогда не мог. И никогда не сможешь. Скажи мне правду, и я сохраню остальным жизнь.

Снаружи ударил гром — *«Эмракул, это Эмракул»* — и Джейс не расслышал ответа Гидеона. Но Эребу этот ответ не понравился. Снова ударил кнут, на этот раз обратив в прах Ниссу. Гидеон вздрогнул, когда та опала на землю, но на этот раз не атаковал. Чандра просто стояла, опустив пылающие руки, и не пыталась ничего сделать. *«Очевидно, что это не реальность. Но что это — мысли Гидеона?»*

Голос Гидеона дрожал от гнева.

— Я хочу победить тебя, уничтожить, разорвать на куски, чтобы ты больше не мог...

— Нет. Ты снова лжешь, — в отличие от Гидеона, голос Эреба был спокойным, как кладбище.

Новый удар кнута, и исчезла Чандра.

— Ты в самом деле должен все потерять, чтобы признать истину, смертный? Для чего все это упрямство? Ты словно стремишься испытать побольше боли,
— кнут Эреба плясал в руке хозяина. — Чего ты хочешь?

Гидеон поднял голову к небесам и закричал: «Я хочу...», но прежде чем он успел закончить фразу, окно потемнело.

Джейс стоял, пораженный тем, что увидел. *«Кто такой Эреб? Почему Гидеон так страдает?»* Джейс даже не подозревал, какая боль кроется в душе друга. *«Получается, что я ничего не знаю ни о Гидеоне, ни о том, что здесь происходит. Это грезы? Я в голове у Гидеона? Эмракул наверху кажется вполне реальной».*

Темнота придвинулась ближе к Джейсу. *«Нужно идти дальше. Ответы кроются внизу».* Он успел пройти лишь несколько шагов, и новая стена стала прозрачной. На этот раз в сцене была показана Тамиё.

[Тамиё, Полевая Изыскательница](#) | Иллюстрация: [Тяньхуа Сюй](#)

Она, сгорбившись, сидела на небольшой рабочей скамеечке, развернув на пыльном столе большой свиток. Всю сцену освещала только одна свеча, от которой, для ее размеров, исходило просто невероятное количество света. За Тамиё виднелись забитые книгами шкафы, а рядом с ними, на полу, книги возвышались стопками. Джейс почувствовал укол ностальгии. *«Вокруг — только книги, и сколько угодно времени на чтение».* Он давно лишился такого образа жизни и вряд ли сможет вернуться к нему.

Из одного из глаз Тамиё потекла кровь. Сначала это были редкие капли, разбивающиеся об стол — *кан!* Она не перестала читать, и кровь потекла из второго глаза. Теперь капли падали одна за другой. *Кан-кан. Кан-кан. Кан-кан.*

Джейс с ужасом смотрел, как появляется сетчатая плоть, как она разрастается и полностью закрывает глаза соратами. *«Метка Эмракул».* За последние

несколько дней маг был сыт этой отметиной Эмракул по горло. Кровь капала через сетку. *Кап-кап. Кап-кап. Кап-кап.*

Сетка разрасталась повсюду. Ее нити полезли из пальцев, и вскоре все ладони словно покрылись паутиной. Нити поползли к столешнице и вросли в нее, привязывая руки Тамиё к столу. Теперь она не могла ни видеть, ни шевелить руками. А кровь все капала и капала из глаз. *Кап-кап. Кап-кап. Кап-кап.*

Потеряв зрение и руки, Тамиё что-то зашептала, но никаких слов не было слышно. Нити плоти начали закрывать ей рот, накрепко сшивая губы сеткой Эмракул. Наконец, рот был зашит, но сетка все разрасталась, извиваясь и змеясь. Нити далеко вытянулись из сомкнутых губ, и теперь, когда кровь капала из глаз, они ловили эти капли, извивались и дергались, впитывая кровь маслянистой кожей. *Капля, подергивание. Капля, подергивание. Капля, подергивание.*

Тамиё не двигалась, ее глаза, губы и руки застыли. Джейс сливался с Тамиё сознаниями, он знал ее сущность лучше, чем кто-то еще. *«Ее способность видеть, говорить и писать — это и есть ее магия, ее общение с миром. Это то, что определяет ее. А сейчас ее стирают».* Джейс закричал и заколотил кулаком в стекло, но на это никак не отреагировала ни Тамиё, ни что-либо еще в комнате. Окно вновь превратилось в непрозрачный камень.

Джейс осел на пол. *«Что это за место? Это не может быть разумом моих друзей. Или может?»* Тень была совсем близко. Он устал, он так сильно устал. Медленно поднявшись на ноги, маг продолжил спускаться.

Лилиана

«Такая сила... Это настоящее откровение».

Понадобилась одна лишь воля Лилианы. Ее желание. Столько времени она считала себя прагматичной и преданной делу. Не умереть. Убить мучивших ее демонов. Но теперь она понимала, что не хотела сделать последний шаг, пересечь последнюю черту.

«Я сдерживалась. Какая глупость!»

Над ней нависала Эмракул. Титан Эльдрази. Сущность, что старше самого времени, если голоса в голове не обманули ее. *«Я думаю, что ты — живое существо. Очень могущественное, но живое. А если ты живешь, то можешь умереть. А если ты умрешь... — она улыбнулась — то ты моя.*

Сила Завесы извивалась и билась в руках Лилианы. Эта сила рвалась уничтожать, убивать. *«Могущество следует использовать»*. Лилиана собрала силу, придала ей форму и выпустила очередь из сияющих зарядов энергии некромантии по колоссальной фигуре Эмракул с такой мощью, что титана отбросило назад.

В голове Лилианы зазвучала песня, заглушающая все остальные звуки. Это была чарующая песня могущества. *«Вот для этого я родилась. Вот мое предназначение»*. Каждый попавший в Эмракул заряд оставлял зияющие дыры, окруженные мертвой тканью. Гигантские щупальца размером с башни иссыхали и съеживались. Какая-то часть тканей восстанавливалась, но недостаточно, чтобы закрыть раны до попадания нового заряда. Впервые с момента своего расцвета Эмракул *уменьшалась*. Она пятилась назад. Лилиана *побеждала*.

[Лилиана, Последняя Надежда](#) | Иллюстрация: [Анна Стайнбауэр](#)

Голос Человека-Ворона прервал ее ликование, словно ведро ледяной воды.

«Ты не понимаешь, что творишь, на что ты осмелилась. Ты не сможешь долго удерживать такую мощь».

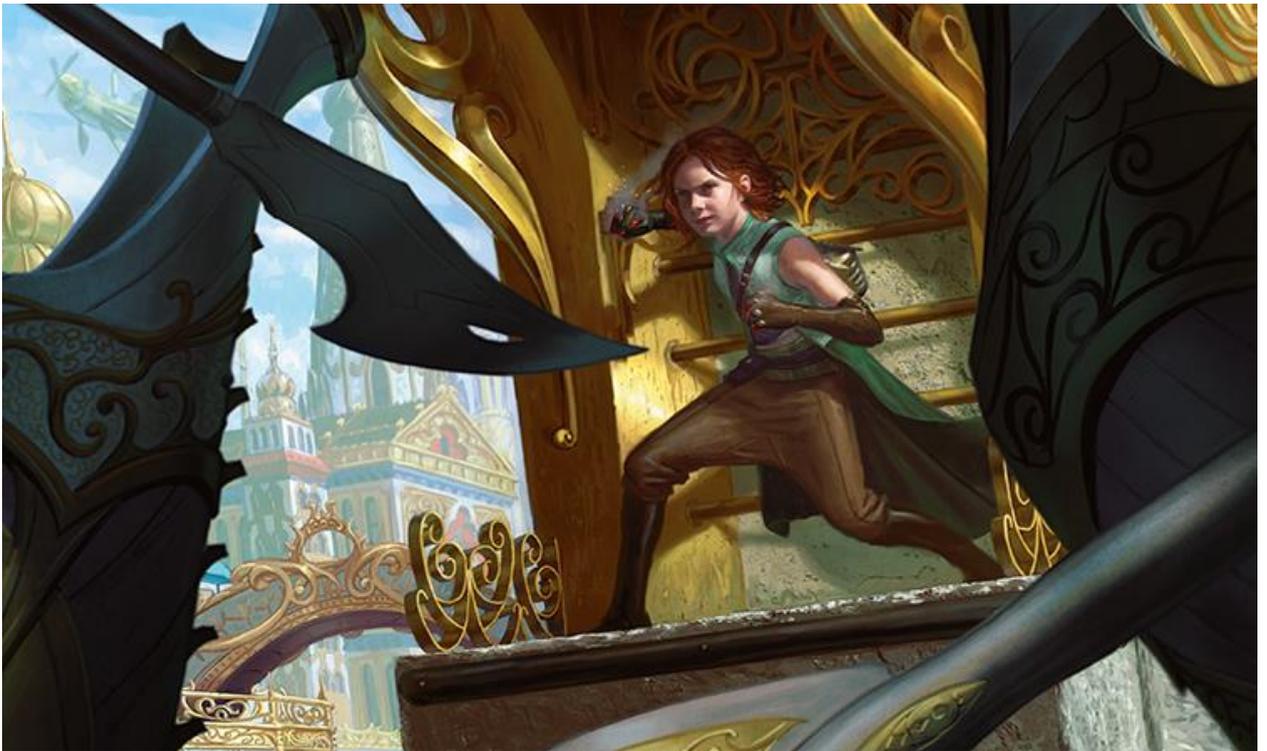
Презрение Лилианы пронизывало каждое слово ее ответа.

«Не пытайся ограничивать меня своими ожиданиями, человечиска. Сегодня я уничтожу титана Эльдрази. Почему? Потому что посмела».

Она жалела лишь о том, что Стражи без сознания и не увидят момент ее триумфа. *«Вот так вот выглядит могущество, вы, жалкие подобия мироходцев».* Она запустила в Эмракул еще несколько зарядов, усиливая натиск.

Джейс

Джейс не удивился, когда вскоре появилось новое окно. На этот раз героиней была Чандра. По крайней мере, он предположил, что это Чандра. Она была еще совсем девочкой, но по рыжей шевелюре и чертам лица в ней угадывалась та женщина, которой она станет. Чандру окружал грозно выглядящий отряд стражников в цветастой, украшенной форме. Джейс не знал этого места. *«Ее дом».* Стражники подняли пики, а Чандра всхлипывала, из последних сил стараясь не потерять лицо и не расплакаться.

[Чандра. Огонь Каладеша](#) | Иллюстрация: [Эрик Дешам](#)

Один из стражников, тощий и долговязый, выступил вперед. Он широко улыбался, но его слова были исполнены жестокости:

— Мы убили твоего папочку, отступница. Убили мамашу. А теперь убьем и тебя.

Джейс подозревал, что всего этого не было, что это — лишь кошмар в голове Чандры, но все равно у него сжались кулаки. *«Никто не должен испытывать такую боль.* Стражники пошли вперед, выставив пики.

— И знаешь, что самое лучшее? — ехидно поинтересовался предводитель. — Ты совершенно ничего не можешь поделать.

Чандра перестала плакать и уставилась на мучителей. Из ее глаз стрельнули крошечные язычки пламени.

— Ошибаешься, — сказала она, и ее голос был совсем не детским. — Кое-что я могу сделать.

Ее тело менялось, росло, на глазах превращалось в ту Чандру, что знал Джейс.

— Кое-что я могу сделать всегда. Я могу гореть.

Огонь вырвался у нее из головы и ладоней.

Чандра улыбалась. Стражники неуверенно попятились назад. Она шагнула вперед, наступая.

— И могу сжечь тебя.

Предводитель вспыхнул и истошно завопил от боли.

— Могу сжечь всех вас.

Теперь горели все стражники. Их кожа пузырилась и лопалась, дикие крики заглушали рев пламени.

— Я могу сжечь весь мир.

Жар, свет и огонь устремились вперед ослепительным белым потоком, окутывая и сжигая все на своем пути — все, даже саму Чандру. Чандра кричала, и Джейс не понимал, был ли это крик боли или радости.

[Пылающая Чандра](#) | Иллюстрация: [Стив Аргайл](#)

Окно превратилось в камень, но Джейс до сих пор чувствовал исходящий от стены жар. Он вспомнил один из главных законов иллюзий. *«То, что это в твоей голове, не значит, что это не может убить тебя».*

Гидеон, Тамиё, Чандра... но пока не Лилиана. Маг устремился вниз по лестнице, с нетерпением ожидая нового окна. Но когда он увидел фигуру за стеной, у него опустились плечи. *«Ах да, Нисса».* Джейс постарался не расстраиваться, но ему порой было сложно понять мироходца-эльфийку.

Фон за спиной Ниссы выглядел неотличимо от внешнего мира: темные фиолетовые тучи, вспышки молний, тень Эмракул в ночном небе, Лилиана со своими зомби. Нисса стояла в центре. Ей было больно. Она кричала.

Она корчилась от мучений. Дергалась, сгибалась, тряслась... но это были не все ее недуги. Что-то... *копошилось*... на ее руках.

[Нелепая Мутация](#) | Иллюстрация: [Дэн Скотт](#)

Джейс придвинулся ближе и разглядел на пальцах Ниссы другие, тоненькие пальцы, — десяток таких рос из каждого из нормальных. А на этих росли новые, толщиной не больше волоска. Он поежился, но когда увидел глаза эльфийки, то не смог сдержать крика. Из каждой глазницы росло несколько небольших глаз на стебельках, и от каждого стебелька отходило еще несколько совсем маленьких. Всполохи зеленой энергии вырывались из глаз и рук, но к зеленому примешивался темный, насыщенный фиолетовый.

«Эмракул — это Эмракул — это Эмракул, навеки».

Джейс не знал, откуда к нему пришла эта мысль, но она казалось истинной, хоть и звучала бессмысленно. *«Навеки, навсегда, на века и эры...»*

— Негглиш фтоники аб'ахор! — прокричала Нисса. Джейс не знал, бредни это, или просто слова на незнакомом ему языке. Когда Нисса говорила, язык вывалился у нее изо рта, а голову сотрясали спазмы. *«Что это такое у нее на языке? О, нет. Нет, нет, нет. С меня довольно замеченных деталей. Более, чем довольно».*

[Лихорадочные Видения](#) | Иллюстрация: [Стивен Белледин](#)

Нисса продолжала выкрикивать бессвязные слова, но среди них теперь начали встречаться и осмысленные.

— Шигг эпси всё чут'гх кончается! Глима всё четс умирает!

Спазмы прекратились, голос обрел силу и мощь. Теперь вся исходящая от нее энергия была насыщенно-фиолетовой, без следа зеленого. Она подняла голову, простерла руки к небу и закричала.

Рост! Рост — это ответ! Единственный ответ! Энтропия не проигрывает. Но победит ли? Конечно, нужны жертвы. Почему же они противятся? Вечность без жертв — это кричащее оцепенение. Кровь нужно замешать, замешать крепко. Почему они боятся жизни? Почему они боятся *истины*?

Джейс понимал каждое слово, но не мог понять, что хочет сказать Нисса. Он знал, что это бесполезно, но все равно потянулся к ней разумом.

«Нисса, помоги мне. Помоги мне понять. Что ты говоришь?»

Нисса повернулась и через окно посмотрела Джейсу прямо в глаза. *«Она видит меня»*, — с ужасом подумал маг, замерев на месте. Он не мог двигаться, не мог отвести взгляда. Ее глаза пылали фиолетовым. Нисса заговорила, обращаясь к нему.

— Я могу сделать все, что захочу. Все, что угодно. Запомни это. Тебя спасает только одно: то... — фиолетовое сияние погасло, и сполохи энергии вокруг эльфийки утихли, — ...что я ничего не хочу.

Несколько долгих секунд она смотрела на него своими чудовищными копошащимися в глазницах глазами. Словно сжалившись над Джейсом, окно превратилось в камень.

Джейс стоял перед стеной, не в силах сдвинуться с места. Он дрожал, и капли пота стекали с волос по лицу и загривку. Тень сверху все приближалась. *«Сколько я уже провел на этой лестнице? Что случилось с моими друзьями?»* Его все еще манил находящийся внизу яркий свет, звал, тянул к себе. Но Джейсу не хотелось двигаться с места. Не хотелось делать ничего. *«Спать. Я мог бы поспать. Может быть, я не проснусь, но разве это плохо?»* Его глаза закрылись, и голову охватило приятное бездумье. Он сел на ступени. *«Как я устал».*

Погружаясь в сон, Джейс вспомнил Лилиану. Он не знал, где она, не знал, что с ней происходит. *«Ее здесь нет. Ее нет в этом месте».* Но если посмотреть в лицо правде, он никогда не был ей нужен. *«Грустно. Некоторое время. А потом забуду».* Так сказала она тогда, в своем доме, когда говорила, что он может умереть, как умерла его собака. *«Собака! Неужели моя жизнь для нее значила не больше, чем жизнь собаки? Не может быть. Собака...»* От этой мысли ему было тоскливо.

«Сон... Как в такой момент я вообще могу думать о сне?.. Что со мной творится?» Он не понимал, было это настоящее утомление, или же эффект чего-то более зловещего. *«Какая разница. Решение одно и то же».* Он встал. *«Идти вниз. Во всем разобраться. Не умереть. Победить Эмракул».* Спускаясь, он думал о Лилиане.

Лилиана

Первым признаком неприятностей стало то, что она сбилась с темпа. Лилиана впервые овладела такой мощью, и ей удавалось выпускать новые и новые заряды в Эмракул с каждым вздохом. Вдох, заряд, вдох, заряд.

Но там, где не подвело ее могущество, подвело тело. Она задержалась лишь на секунду, глубоко вздохнула, и в этот момент Эмракул бросилась вперед. Ее тело и конечности росли с непостижимой скоростью. Несколько толстых щупалец ударили по Лилиане, но увяли и высохли, встретившись с ее магией. Однако за ними тут же последовали новые. Раньше каждый заряд Лилианы отбрасывал Эмракул назад, теперь же она с трудом могла устоять на земле, не отступая.

«Ты смертная. У тебя есть предел возможностей. У нее — нет, — колючий шепот Человека-Ворона резанул ее разум. — Взгляни на эту траву и землю, идиотка. Они станут твоей могилой.»

Она закричала от гнева и обрушила на титана новые заряды. Столкнувшись с этой яростной мощью, Эмракул остановилась. Но спустя лишь несколько секунд напор иссяк. Лилиана задыхалась от усталости, а титан вновь надвигался на нее.

«Я сегодня не умру, — прорычала она, обращаясь к Человеку-Ворону, к Завесе, ко всем, кто мог слышать ее. К самой себе. Щупальца Эмракул неумолимо продвигались вперед. — Я сегодня не умру.»

«Если тебе повезет, Лилиана, то смерть окажется для тебя сегодня наилучшим исходом. Ты погубила нас обоих».

Человек-Ворон говорил спокойно, без ненависти и страха. Казалось, что он... смирился. В первый раз после встречи со Стражами Лилиана испугалась.

Джейс

Джейс ожидал, что очередная стена станет прозрачной и покажет ему сцену из разума Лилианы. Но чего он не ожидал, так это того, что лестница закончится дверью.

Это была прочная дубовая дверь, укрепленная железными полосами. В ней не было ни глазка, ни замочной скважины. Просто дерево и железо в проеме из такого же камня, что и стены лестницы. Джейс положил на дверь ладонь. *«Нет, нет, нет, нет, нет»*, — закричал чей-то голос, и ощущение чистого ужаса поглотило Джейса. Но голос стих, и ужас отступил. Джейс посмотрел наверх. Тень больше не двигалась на него, но и не отступала, закрывая ступени, по которым он спускался. Чтобы идти дальше, нужно было пройти через дверь. Он толкнул дверь вперед и ступил через порог.

В комнате не было ни цвета, ни форм. Его разум отчаянно пытался воспринять пространство, но его лишь охватило головокружение. Джейс почувствовал, как зовет его вечность, бесконечное возвращение в петлю ужаса, *никогда не познать покоя забвения и лишь и лишь и лишь...* ...и вдруг реальность вернулась на место. Окружавшее его ничто превратилось в белое поле.

Перед ним была ангел.

Она приближалась, и Джейс видел, как обретает форму окружающее их двоих пространство. Они оказались в реальном месте, в комнате — копии того убежища, откуда началось его безумное путешествие. Его убежища. Ангел была высокой, выше, чем все те крылатые существа, что он встречал раньше. Даже выше, чем Авацина. У нее были громадные, плотные крылья. Они были сложены за спиной, напоминая шляпку у гриба...

Сердце Джейса бешено забилося, и его пробил холодный пот. *«Нет, о нет, нет, нет...»*

Ее лицо скрывал глубокий капюшон, зато хорошо видны были два меча, что она держала в каждой руке. Нижняя кромка ее одеяния разделялась на ленты — десятки, сотни лент, которые, казалось, множились, пока Джейс смотрел на них. Они змеились и извивались. Словно заметив Джейса, ленты ожили и потянулись к нему, изучая воздух. *«Если я закричу, то не знаю, смогу ли остановиться. Так что лучше не кричать. Может, заплакать? Я не против заплакать, если это поможет».*

[Храм Забытых Богов](#) | Иллюстрация: [Дэниел Льюнггрен](#)

Джейс засмеялся от переполняющих его чувств — удивления и страха. *«Хорошо, что я еще способен смеяться над собой».* Смех снял оцепенение, и мага осенило. *«Я знаю этого ангела. Я ее уже видел».* Вернее, видел ее статуи — давно, еще на Зендикаре. *«Эмерия?»* — прохрипел он, не узнав звук собственного голоса.

Она взглянула на него, но лица было не видно под капюшоном. Джейс внимательно наблюдал за лентами и мечами, но похоже было, что ангел не собирается нападать. Уверенность мага росла.

— Ты... ты Эмерия? Ты — Эмракул?

— Можно присесть? — женский голос был легким, почти воздушным. В других обстоятельствах Джейс мог бы сравнить его с музыкальной трелью. *«В других — но не в этих»*. Из-за капюшона Джейс не видел, движутся ли ее губы, но голос звучал почти нормально. *Почти*.

Джейс был так увлечен анализом голоса, что лишь через секунду понял, что она сказала.

— Ты спрашиваешь меня?

Сегодня Джейсу встретилось столько сюрпризов, что вежливый вопрос вряд ли стал бы самым неожиданным из них. *«Но в первой пятерке — вполне»*.

— Ведь это твой дом, — она помедлила, — Джейс. Джейс Белерен.

«Белерен» у нее получилось произнести по слогам.

«Мне сейчас очень страшно. И очень любопытно. Что за странное сочетание...»

— Я здесь гостя. Поэтому — можно? — она стояла, ожидая ответа.

«Насколько еще нереальнее может стать этот день?» Он был уверен, что на самом деле не хочет узнать ответ на этот вопрос. *«Помни самое важное: не умереть. Во всем разобраться. Победить Эмракул»*. Его мантра. Он прибавил к ней еще одно предложение: *«Пригласить Эмракул на чашку чая»*. Джейс улыбнулся, улыбка осветила его лицо.

— Конечно, прошу тебя. Прощу, садись.

Джейс беззаботно махнул в сторону большого каменного стола, и Эмерия — *«Нет, я не знаю, кто это такая, и не надо делать вид, что знаю»* — ангел села.

Мечи она убрала в ножны за спиной. Когда ее руки вновь оказались над столешницей, в них был большой свиток, скованный железными кольцами. *«Я уже видел такой свиток. Но где?»*

— Ты не возражаешь, если я поработаю, пока мы говорим?

Таким голосом маг гильдии Азориусов мог бы уточнить тонкости протокола.

«Прими эту сюрреальность. Не противься ей. Посмотрим, к чему это приведет».

— Конечно, не стесняйся. Я вовсе не хочу отвлекать тебя от работы.

Она кивнула и развернула свиток. По затылку Джейса пробежали мурашки. *«Где же я видел этот свиток?..»* Но ему никак не удавалось вспомнить. В руке ангела появилось длинное стило, и она начала что-то писать в свитке.

Джейс откашлялся.

— Что ж, раз уж мы с тобой, хм-м... знаешь ли, *разговариваем...* Кто ты? Что это за место? И что происходит?

Джейс не мог рисковать и надеяться получить ответы из единственного источника. Он не мог подавить свой обычный порыв прочесть мысли — *«не знать — гораздо хуже безумия»* — но... не нашел ничего. Ничего, за что мог бы зацепиться. *«Когда тайны остаются тайнами, это совсем не так интересно».* Придется действовать по-простому, как это делает весь остальной мир. Словами. Беседой с титаном Эльдрази.

— Все кончается. Все умирает. Целостность всегда остается в прошлом. Время течет лишь в одну сторону.

Слова звучали эхом безумных речей Ниссы за стеной, но и в устах ангела они ничуть не стали понятнее. Она писала, не поднимая головы, и странные речи звучали из-под плотного капюшона.

— Ты — Эмракул? — Джейс не знал, чем он рисковал, но ему было все равно. *«Осторожность — для тех, кто выигрывает».* — Что тебе нужно?

Она отложила стило, перечитывая написанное.

— Все не так. Я незакончена, неполна, *несовершенна*. Должны быть цветы, а не пустое отторжение. Почва не готова. Мое время не пришло. Пока не пришло.

От того, как она сказала *«пока»*, Джейса пробила дрожь. Зачеркнув большой фрагмент текста, она продолжила писать.

— Довольно! — закричал Джейс. — Ты здесь не просто так! Ты много раз могла прикончить меня мечами или щупальцами, но не сделала этого. Ты сидишь здесь и бормочешь какие-то бредни... но почему? Я не понимаю, что ты говоришь и чего ты хочешь. Помоги мне. Пожалуйста.

Маг говорил и чувствовал, как стихает его гнев, и его заменяет нечто куда как более полезное. Концентрация. Туман развеялся, и лишь когда он отступил, стало ясно, как много скрывалось за ним.

— Ты играешь в шахматы? — спросила она таким тоном, будто все слова Джейса были такой же чушью, как ее речи.

Джейс снова хотел закричать, но решил, что от этого не будет толку. Потому что он *играл* в шахматы. И весьма неплохо.

— Да, играю.

— Сыграешь со мной партию? — она закончила писать и свернула свиток.

— Не знаю, есть ли у меня время...

— Если выиграешь, все закончится. Я отвечу на любые твои вопросы, — она убрала свиток в чехол на спине.

Джейс подозревал, что это ловушка, но он *правда* хорошо играл в шахматы.

— А если выиграешь ты?

— Я уже выигрываю, Джейс Белерен. Давай начнем партию.

— Гм-м... есть одно затруднение, — Джейс осмотрелся. В его настоящем жилище на Равнике была шахматная доска, изящная вещица, которую ему подарили Боросы, но в этом странном помещении такой доски не было. — Похоже... хм-м... у меня нету...

Ангел повела рукой, и на столе, там где был список, появилась доска. И она, и фигуры с мельчайшими деталями были выполнены из прочного камня. Джейс удивленно поднял бровь, но если ангел и заметила это, то не подала виду. *«Что ж, если она ограничится созданием шахматных досок, то все будет нормально».*

— Начнем? — она жестом пригласила Джейса за стол. Себе она выбрала черные фигуры, так что маг сделал первый ход. *«Какое великодушие...»*

— Тебе придется ходить быстрее, Джейс. Время кончается.

«Быстрее?» Он делал ходы почти мгновенно. Ангел оказалась не слишком грозным соперником, и Джейс уже видел возможность мата в шесть или семь ходов.

— Нам сложно общаться, — заметила его противница. — Я не могу с тобой разговаривать. На самом деле, я даже не знаю, что ты существуешь. Но твой мозг, он отлично... *приспосабливается.*

Она зевнула фигуру. Мат в пять ходов. Джейс, уверенный в победе, сделал паузу. То, что она сказала, можно было использовать.

— В таком случае, что все это такое? — он обвел рукой, указывая на комнату.
— И кто ты такая? Как мой *приспособившийся* мозг все это породил?

— Ты знаешь ответы лучше меня, — она неуверенно коснулась фигуры. — По крайней мере, часть тебя их знает. Как твоя головная боль?

«*Откуда она знает про головную боль?*» На самом деле, сейчас боль лишь слегка отдавалась в голове — это было заметно, но думать не мешало.

— Она... все нормально. Так ты не Эмерия? А ты вообще настоящая?

— Мне придумали личность много лет назад. С непостижимой силой не договориться. Закон мироздания не распространяется набегающими волнами. Если вы выбираете короткий путь и пытаетесь поймать то, что не можете постичь или даже понять, то кто я такая, чтобы противиться? Никто. Ты. Возможно.

Головная боль нарастала. Джейс и... ангел, кем бы она ни была, обменялись еще несколькими ходами. До мата оставался всего лишь ход. Чем больше Джейс обдумывал сказанное, тем больше смысла находил в словах. Это была не Эмерия. Не была Эмракул. Это его разум пытался обработать то давление или эманации, что воспринимал исходящими от титана Эльдрази. Джейсу пришлось придать им личность, чтобы хоть как-то разобраться. Но поверить в эту личность означало открыть дорогу смерти. Или чему-то похуже. Его вновь накрыл приступ головокружения. «*Навеки, навсегда, на века и эры... эры... эмери... эмра...*»

Довольно. Джейс взял ферзя и поставил на нужное поле.

— Шах и мат.

Маг улыбнулся. Он не был уверен, к чему приведет победа в партии, но как же приятно было победить — победить *хоть в чем-то*. Ангел замерла, взглянула на доску.

— Да будет так.

Двумя руками взявшись за капюшон, она откинула его назад. Джейс невольно отпрянул, уверенный, что *не хочет* знать, как она выглядит... но она выглядела вполне нормально. Как ангел. Как статуя, что он видел на Зендикаре. Он медленно и глубоко вдохнул, потом выдохнул.

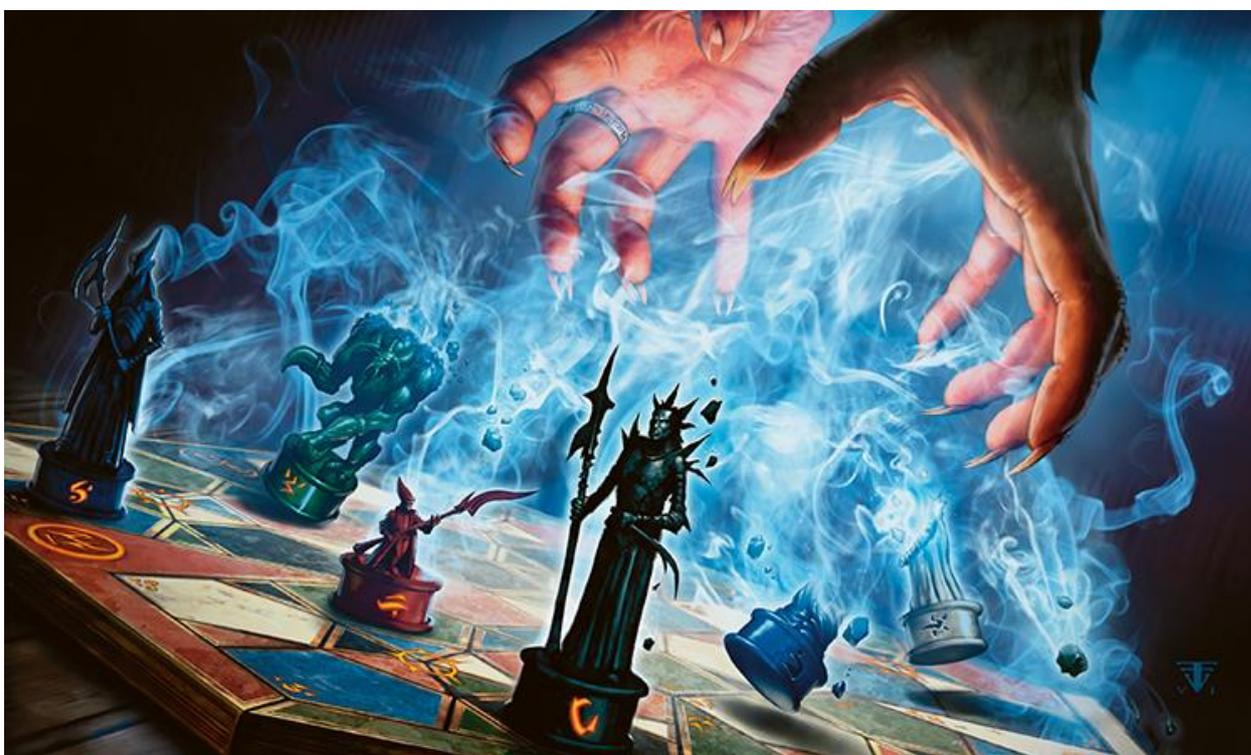
Одна из пешек за его ферзем начала дрожать и раскачиваться. У нее вдруг появились руки и крошечный каменный меч, и этим мечом она ударила ферзя

в спину. Фигура закричала, хлынула кровь. Ферзь рухнул на доску, дергаясь в конвульсиях. Умирая.

На доске разразился хаос. Все новые фигуры Джейса менялись. Мутировали. Они безжалостно нападали друг на друга и убивали, пока немногие уцелевшие фигуры не развернулись, обратив взор на другую сторону доски. У каждой в руках было окровавленное оружие. Фигуры медленно надвигались на короля, в котором теперь легко угадывались черты самого Джейса.

Джейс пораженно глядел на происходящее.

— Что?! Но... как... это... это нечестно! Это жульничество! Так делать нельзя! Это мои фигуры!

[Эвакуация](#) | Иллюстрация: [Франц Вовинкель](#)

Лицо ангела начало плавиться, куски плоти падали на пол, и ее крылья, мечи, ленты и все остальное исчезли в клубах фиолетового дыма. Но голос остался.

— Все фигуры — мои, Джейс Белерен. И всегда были. Просто я больше не хочу играть.

Снаружи раздался мощный взрыв, а за ним — скрежет камня о камень. Крышу комнаты сорвало, и Джейс увидел уже знакомое зрелище: похожая на исполинский гриб Эмракул, в сверкании молний крушащая стены своими бесчисленными щупальцами.

Голос вновь зазвучал, легкий и воздушный, словно ветерок.

— Она идет, Джейс. Я иду. Шевелись. Ищи ответы. Но поскорее. Время течет лишь в одну сторону — и *голод* тоже.

В дальней стене комнаты появилась украшенная дверь, за которой ярко сиял синий свет. Джейс бросил последний взгляд на Эмракул в небе и бежал.

Лилиана

Лилиана из последних сил старалась остаться в живых.

До этого часть могущества она направляла, чтобы смягчить последствия использования Кольчужной Завесы. Сделать так, чтобы кожа не трескалась, не сочилась кровью. Полностью овладев мощью Кольчужной Завесы, Лилиана решила, что разгадала секрет ее использования.

Она ошибалась.

Однако как бы ни была сильна боль от разорванной кожи и истекающих кровью сосудов, это было лучше, чем гибель под натиском Эмракул. Лилиана все еще черпала невероятное количество энергии, но теперь вся она была направлена только на одно. Остаться в живых еще хоть секунду.

Но ее секунды истекали. Эмракул пробивалась через ее магию, и тогда Лилиана бросила в бой зомби. Они кусали, хватали и били щупальца, словно блохи, сражающиеся с бурей, — и с тем же эффектом. Эмракул убивала их сотнями, а еще сотни рассыпались сами, когда Лилиана невольно использовала оживлявшую их магию, чтобы продержаться еще мгновение.

[Отборный Боец Лилианы](#) | Иллюстрация: [Александр Дерученко](#)

Если что-то и утешало ее перед неминуемым поражением, так это тишина в ее голове. Она не слышала ни голоса Человека-Ворона, ни речитативов и шепота Завесы. Ей было больно, текла кровь, и она отчаянно сражалась за жизнь, но ее разум принадлежал только ей самой. В этом было бы утешение — если бы она искала его.

Большое щупальце, с нее самой толщиной, прорвалось через преграды и обвилось вокруг ее талии. Она закричала от ярости и обрушила на него заряд энергии. Высохшая плоть рассыпалась в прах. Лилиана согнулась и закашлялась кровью, а к ней уже ползли новые щупальца.

Она умрет здесь.

Она посмотрела на других мироходцев. Редящее кольцо ее зомби все еще защищало участок площади, где лежали их тела. Нисса больше не кричала — как и остальные, она потеряла сознание. Один лишь Джейс стоял на ногах, и синее сияние защищало его от... от чего-то. Он не шевелился и не произнес ни слова.

— Джейс!

Ее крик остался без ответа. Он его даже не услышал.

— Джейс, подонок! Сделай что-нибудь полезное!

Это было все, на что у нее хватило времени под натиском Эмракул. Каждое мгновение имело значение. Это стало ее мантрой. *Еще одно мгновение. Еще одно мгновение. Еще одно...*

Джейс

Джейс вбежал через раскрывшуюся дверь, надеясь найти убежище от Эмракул.

Он оказался в небольшой темной комнате, копии его самого сокровенного убежища на Равнике. В этой комнате перед ним стоял он сам.

[Джейс. Раскрывающий Секреты](#) | Иллюстрация: [Тайлер Джейкобсон](#)

После всего того безумия, что испытал Джейс в башне, встреча с самим собой казалась достаточно терпимым испытанием.

— Похоже, будет весело.

Но его двойник не улыбался и не сдвинулся с места.

— Итак, ты добрался. Самое время. Но я не уверен, что ты — это я, — двойник на мгновение задумался. — Разгадай мою загадку.

— Что? Хватит с меня загадок. Мне нужны ответы. Что за...

— Сначала — загадка, — повторил двойник.

— Это что, шутка? Я не собираюсь стоять тут и отвечать на вопросы то ли упрямой копии себя самого, то ли какого-то злодея-самозванца, впустую тратящего мое время! — свою гневную тираду Джейс закончил злобным выкриком.

Двойник стоял с паршивой ухмылкой на лице, приподняв одну бровь.

«Я что, правда такой мерзкий? Да, я такой мерзкий. Придется над этим поработать.»

— Это раздражает только тогда, когда ты знаешь, что я прав. Я должен убедиться, что ты — это я.

Джейс задумался, останутся ли необратимые последствия, если врезать самому себе по роже. *«Вероятно, да».*

— А откуда мне знать, что ты — это я?

Не самый лучший ответ, но сейчас это было все, на что он способен. На него и так навалилось слишком многое.

— Потому что у меня есть ответы. Ты просто тратишь время — время, которого у нас и так нет.

Двойник нетерпеливо постучал ногой по полу — отлично знакомый Джейсу жест. *«Даже не знаю, как мне теперь общаться с людьми. Я слишком раздражающий, чтобы быть со мной рядом.»*

Джейс опустил плечи и махнул рукой.

— Ладно, спрашивай.

— Что размером со сливу бывает, но если закрыть — весь мир пропадает?

— *Вот это* твоя загадка? Твоя система безопасности, чтобы проверить, что я — это ты? Ты точно самозванец, потому что я отказываюсь верить, что я настолько глуп.

— Ты так и не ответил на вопрос. И если не ответишь, то мы закончим разговор.

Глаза двойника засияли синим, и Джейс со злобным удовлетворением отметил, что выглядит это довольно устрашающе. *«Хорошо, что я еще могу кого-то устрашать».*

— Пф. Я думал, что я смогу придумать для себя что-то посложнее. Глаза. Ответ — глаза, — Джейс посмотрел на двойника, а потом несколько раз демонстративно моргнул для наглядности. — Я вижу весь мир. А теперь не вижу. Вижу. Не вижу. Но какой может быть толк от этой загадки?

Двойник расслабился, и заклинание, которое он приготовил, рассеялось в воздухе.

И тогда Джейс понял. Целью двойника не было проверить, сможет ли он ответить на загадку. Его целью было увидеть, насколько презрительно и недоверчиво Джейс отнесется к такому простому вопросу. Он кивнул. *«Ладно, это в самом деле я»*. Он знал, что двойник сейчас думает то же самое.

— Ну хорошо. Я — это я. То есть, я... в общем, мы — одно целое. Наверное. Ты обещал мне ответы, — Джейс потянулся, чтобы заглянуть в разум двойника, но ничего не произошло.

— Здесь это не работает. Здесь мы разговариваем, — очередная коварная ухмылка.

— Ладно, — изо всех сил постарался не стиснуть зубы Джейс. — Говори. Сейчас же.

Двойник на мгновение задумался.

— Я до сих пор не знаю, что именно не знаешь ты. Задавай вопросы.

— Где мы находимся? — Джейс не был уверен, что это самый важный из вопросов, но он бродил по этой проклятой башне уже больше часа, и ему здорово хотелось узнать, что это за место.

— Серьезно? Ты этого еще не понял?

«Ненавижу снисходительность». Гнева Джейса не уменьшал тот факт, что эта снисходительность шла от него самого. И вдруг, в этой вспышке гнева, он все понял. Джейс вспомнил.

Эмракул поднимается, раскрывается, расцветает. Зомби Лилианы обеспечили им короткую передышку от атак прислужников титана, но никто из них не был готов к восхождению самой Эмракул. Физические изменения бросались в глаза, но опаснее всего была ее атака на разум. Давление, боль... никогда в жизни ему не было так больно. Прием Тамиё с колокольчиком был бесполезен. Не было времени планировать, не было времени размышлять.

Заклинание он наложил инстинктивно. Он давным-давно приготовил его, чтобы защитить свой разум от неминуемого распада.

«Я не в башне. Я и есть башня». Все стало на свои места. Сцены с его друзьями, диалог с Эмерией, даже этот разговор — все это происходило в его разуме, питаемое силой заклинания. *«Добро пожаловать в Джейса, друзья. Надеюсь, вам понравится ваш визит».* Хотя это вряд ли, судя по сценам из разума его товарищей. Но единственной альтернативой было вечное забытие — или кое что похуже... *на века и эры... эры... эмери...*

Он затряс головой, прогоняя монотонные мысли, и заметил, что его двойник делает то же самое. Давление Эмракул росло. Джейс взглянул наверх и увидел, что потолок комнаты дрожит. *«Она атакует. Она наступает».*

— А ты? Я?

— Иннистрад был странным местом. Опасным местом. С самого появления я знал, что здесь что-то не так. Так что установил кое-какие... предохранители, приготовившись к худшему. Головоломки в головоломках, тени в тенях. Эмракул — самое страшное, с чем мне — *нам* — пришлось столкнуться. Но на такой случай у меня был план, отделяющий *меня от меня*. Чтобы разобраться, что происходит, и выяснить, как это остановить. Как все исправить. Ты знаешь.

И теперь он знал.

[Фрагменты Головоломки](#) | Иллюстрация: [Магали Вильнев](#)

Маг был настоящим *мастером* работы с собственной личностью. И сейчас он пожегся, задаваясь вопросом, который из них был настоящим Джейсом. *Лучшим Джейсом. «Ерунда. Конечно же, это я».*

— Полегче, — улыбнулся двойник. — Не забегай вперед. В этой комнате ты не самый умный, есть и поумнее.

— Хватит, — разум Джейса разогнался до привычной и комфортной скорости. — План. Надеюсь, я создал тебя не задавать мне идиотские загадки. Мы пока не знаем, как победить Эмракул.

— Поговори с Тамиё. Когда напала Эмракул, она как раз начинала рассказывать кое-что интересное.

— И это твоя помощь? Поговорить с Тамиё?

— Нет, моя помощь — это дать нам всем возможность нормально общаться, когда на нас обрушился физический эквивалент совместного отряда Ракдосов и Голгари, помноженного на бесконечность. Это, на самом деле, нетривиальная задача.

— О. Что ж, тогда спасибо мне. Хорошая работа.

— Все здорово потрепаны. Но мы, хотя бы, сможем связно мыслить. Там... не слишком комфортно. И есть еще одна проблема.

— Какая?.. — и ответ всплыл в его голове, еще когда он спрашивал. Два Джейса слились, став единым целым. Прозвучали слова, но эти слова говорил каждый из них одновременно.

— Лилиана умирает.

Джейс снял заклинание. Башня растворилась, уступив место реальности.

Джейс

Он вернулся в разразившийся хаос. Лилиана лежала на земле без сознания, и из множества ран на ее теле текла кровь. Над ними парила полностью развернувшаяся Эмракул. В середине ее тела горел яркий лавандовый свет — око бури. Широко раскинувшиеся толстые щупальца крушили останки Трейбена.

[Эмракул. Обетованная Гибель](#) | Иллюстрация: [Джейми Джонс](#)

От армии зомби Лилианы, что видел Джейс, до того как наложил заклинание, осталась лишь небольшая горстка. Пораженные безумием Эмракул люди и звери начали собираться в толпу, угрожая прорвать оцепление. Отражение ментальной атаки Эмракул не поможет, если ее прислужники разорвут мироходцев на части.

Товарищи Джейса пришли в себя через секунды после него самого. Шатаясь, не понимая, что случилось, они поднялись на ноги. Джейс сконцентрировался на их разумах, счищая паутину атаки Эмракул.

— *Чандра, Гидеон. Помогите зомби Лилианы. Нельзя, чтобы слуги Эмракул прорвали строй.*

Гидеон начал двигаться первым — сказались привычки солдата. Образ кнута Эреба всплыл в памяти Джейса, но он прогнал его, тряхнув головой.

Чандра медлила.

— *Наверное, я могу... я могу попробовать сжечь ее. Я справлюсь.*

Ее нерешительность ушла, уступив место врожденной уверенности в себе. Джейс нашел это одновременно привлекательным и загадочным. «*Она не изображает уверенность. Уверенность сама приходит к ней. Удивительно*», — подумал он про себя. Но предложение ему не понравилось. Сжечь Эмракул... это казалось неправильным, невозможным. Однако как он мог быть уверен, что это не сам титан Эльдрази насылает ему такие мысли, играет с ним... со всеми ними? Эмракул была в его разуме. Он чувствовал ее мощь.

Защитное заклинание связывало их разумы, и Джейс передал свои размышления всей группе.

— Нет, Чандра. Эмракул слишком велика. Слишком могущественна. Так нам не победить ее. Я даже не уверен, что ее можно уничтожить.

— Джейс прав. Попробовать сжечь ее — все равно что бросать факелы в океан. Так не получится. Даже если были бы доступны все лучи маны. Она слишком... огромная. — голос Ниссы звучал странно, отстраненно. Она плела из лиан, побегов и листьев целебные повязки, накладывая их на раны Лилианы и поддерживая в ней жизнь. — Эмракул была рядом, когда я пробудилась. Когда зажглась моя искра. Наверное, это правильно, что она будет рядом, когда я погибну.

— Ого. Похоже, тебя не очень-то часто приглашают на праздники, — насмешливый тон Чандры плохо сочетался с ее словами. — Хватит говорить о том, как кто погибнет. Давайте обсудим, как нам победить. Я лично собираюсь жечь всякое.

Направившись к оцеплению из зомби, Чандра обрушила пламя на безумных сектантов, отбросив тех назад.

— Джейс. Ты помнишь, что говорила Авацина? — голос Тамиё, легкий ветерок на залитом солнцем побережье.

В его голове всплыли последние слова безумного ангела своему создателю: «Что не может быть уничтожено, будет заковано».

— Джейс, это и есть ответ. Вот что мы должны сделать. Уничтожить Эмракул мы не сможем. Мы должны ее пленить.

Тамиё говорила чистым, настойчивым голосом. На Зендикаре у Стражей был выбор — и они выбрали уничтожение. Но на Иннистраде выбора не было. Эмракул была им не по силам. Уничтожение ждало их самих — и все живое на Иннистраде.

— Но как? Пленить ее кажется не проще, чем уничтожить. Какая тюрьма сможет ее удержать?

— Та же тюрьма, что сотни лет удерживала все ужасы Иннистрада.

— Хелволт? — Джейс был удивлен. — Но он же разрушен.

— Нет, не Хелволт, — ответила Тамиё. — То, откуда Хелволт взялся. Луна. Серебряная луна. У меня есть приковывающее заклинание. Могучее. Я могу привязать его к луне. Но его нужно будет набросить на Эмракул...

Джейс напряженно думал. У них могло получиться! Маг был уверен, что сможет поймать Эмракул в заклинание Тамиё. Но им понадобится огромная энергия, чтобы напитать заклинание.

— *Нисса?..*

Нисса молча вливала ману в повязки Лилианы. Та дышала ровно, хоть и не приходила в сознание. Джейс был благодарен эльфийке, но сейчас ему нужно было от нее больше. Гораздо больше.

— *Ты сможешь зарядить заклинание?*

Голос Ниссы был холодным и безмятежным.

— *Нет. Здесь слишком мало лучей, к которым я могу прикоснуться. К которым я хочу прикасаться.*

Джейс молчал, не зная, что сказать ей и как помочь.

— *Но я перед тобой в долгу Джейс Белерен. Я попробую.*

— *В долгу — передо мной?*

— *Мой разум был чужим. Ее восхождение повергло меня во тьму. Она покорила меня — легко и просто. Это было... неприятно. Но ты спас меня от этого кошмара. У тебя есть дар — делать сложные вещи простыми. Я сделаю, что смогу.*

Джейс фыркнул.

— *Эм-м, спасибо... на самом деле это был не я... то есть, я наложил заклинание, но не думал, что так получится, и, наверное, только сделал хуже, потому что я не...*

— *Мне хватило бы просто «спасибо», Джейс. У тебя есть и дар делать простые вещи сложными. Я готова.*

Джейс не знал, как на это ответить, поэтому не ответил ничего.

— *А ты готова, Тамиё?*

Тамиё вытащила свиток. Новое воспоминание вспыхнуло в голове Джейса. Ангел вытащила длинный свиток, скованный железными обручами. Он видел его, когда в собственном разуме разговаривал с Эмерией. Но на том свитке, что выбрала Тамиё, железных обручей не было.

Впрочем, у Джейса не было времени думать об этом. Пространство вокруг стремительно уменьшалось. Гидеон и Чандра сдерживали прислужников

Эмракул, но они не могли одновременно находиться во всех местах, и строй зомби вот-вот готов был прорваться. Пришло время действовать.

— *Я готова*, — подтвердила Тамиё.

Она начала читать свиток. Джейс не мог сосредоточиться на словах — он был слишком занят тем, что набрасывал заклинание Тамиё на Эмракул, используя знания, полученные от Уджина и от собственных манипуляций с эдрами на Зендикаре. На луне вспыхнул знак. Точеные линии ярко сияли на ее серебряном диске. Джейсу нужно было связать этот знак с Эмракул, с самим присутствием Эмракул.

[Лунная Темница](#) | Иллюстрация: [Райан Александер Ли](#)

Но заклинанию требовалась сила. Потoki, *каскады* силы. Нисса тянулась к земле, и ее глаза полыхали зеленым светом. Она вытягивала зараженные остатки маны Иннистрада, превращая их во что-то пригодное для Джейса. Маг чувствовал, как эльфийка досуха вычерпывает линии маны, не оставляя ни капли энергии. Но этого было недостаточно. И не будет достаточно. Нисса повалилась на землю, раскинув руки.

Они потеряют заклинание.

Джейс из последних сил удерживал его. Ментальная связь с Тамиё прервалась. Соратами все еще была у него в разуме, но превратилось в темное облако, в серый туман, непроницаемый для Джейса. Она вытащила новый свиток, *длинный свиток, скованный железными обручами*, и начала читать второе заклинание.

Сила хлынула в Джейса. Его захлестнула река маны — больше магии, больше энергии, чем он ощущал когда-либо. Это было потрясающее чувство. Джейс вобрал магию, придал ей форму и связал вершины знака с тут же созданными узлами на Эмракул. Наконец, он высвободил всю силу заклинания.

Из луны вырвался столб света.

Холодный серебряный луч ударил в Эмракул сверху.

Он окутал титана, охватил его, и существо *растянулось*. Вдоль луча света, до самой луны.

Такое искажение физически не было возможным. Но на глазах у Джейса тело титана Эльдрази тянулось к свету луны, становясь все длиннее и длиннее, а потом...

...схлопнулось.

Эмракул сложилась, съежилась. Ее смяло, как залитый водой тонкий лист пергамента. Сплющило до ничтожных размеров, казавшихся невозможными для исполинского титана Эльдрази. *Бывших* невозможными.

Свет погас. Эмракул исчезла. Они победили.

На серебряном диске луны сиял треугольный узор знака. Режущий. Клеймящий. Запечатывающий.

Несколько долгих секунд они слышали только шелест сухих листьев на ветру. Потом Тамиё упала на колени, и ее шумно вырвало.

Лилиана

Она была жива.

Лилиана торжествовала. У нее не раз были поводы для ликования. В тот день, когда она вернула молодость. Когда убила демонов Котофеда и Гризельбранда, услышала их предсмертные вопли. Каждый раз это напоминало ей жульничество — самое лучшее жульничество, когда удается не только избежать расплаты, но и победить.

Но на этот раз все было еще лучше. Может быть, потому что она была уверена, что умрет. Может быть, потому что она безрассудно атаковала Эмракул, ведомая гордостью и жаждой власти, но если бы она этого не сделала, все они были бы мертвы. Может быть, потому что Эмракул больше не

было. Ее порча, ее *привкус* покинули Иннистрад, и без нее все казалось гораздо лучше.

Одна мысль об Эмракул вызывала у нее дрожь. Лилиана была на волоске от смерти. Или чего-то похуже. Она взглянула на луну. *«Ты останешься гнить там вечно. Будешь знать, как связываться с Лилианой Весс».*

Мироходцы вновь собрались вместе на исходе очень долгого дня. После победы над Эмракул нужно было затушить пожары, закрыть мертвые глаза, утешить страдающих, вылечить раненых... или закончить мучения тех, кто пострадал слишком сильно. Но Лилиане было не до этого. Каждый раз после использования Завесы на пределе возможностей она чувствовала пустоту, словно какая-то часть ее пропала. Это случалось столько раз, что она уже не знала, чего именно не хватает.

Кроме того, это не имело значения. Лилиана надолго перевыполнила свою норму добрых дел. *«Вы все были бы мертвы, если бы не я. Вам еще повезло, что я не требую платы за спасение этого мира».* Впрочем, плату она потребует — но не сейчас и не с обитателей Иннистрада.

Ее всегда удивляло, на что были готовы пойти люди ради воображаемых обязательств и верности. Взять, например, Стражей. Никто из них ничего не был друг другу должен. Абсолютно ничего. И тем не менее, вот они: сражаются друг за друга, готовы умереть друг за друга. Лилиане были привычны такие отношения, она даже зависела от них... но это были отношения между ней и ее зомби. Это был надежный результат действия ее силы. Но Иннистрад выявил недостатки такого подхода. Из зомби получались великолепные слуги, но некоторые задачи оказывались им не по зубам. А сражаться в одиночку было замечательно... пока вдруг не обернулось катастрофой. Пока она не столкнулась с тем, к чему не была готова, и никого не было рядом, чтобы спасти от безвременной гибели.

Не так давно она раздумывала над тем, чтобы воспользоваться чувствами, которые питал к ней Джейс. Раньше питал, если рассуждать здраво. *«Он всего лишь мальчишка. Мальчишка — и я должна была это учитывать».* Даже учитывая недавний триумф, на Джейса можно было положиться лишь в одном: в том, что на него нельзя было положиться. *«Что ты делал со своим заклинанием, пока я сохраняла тебе жизнь? Пытался задумать Эмракул до смерти?»* Лилиана признавала, что задуманное Джейсом сработало, но это не слишком улучшило ее мнение о маге. *«Мальчишка. Давно надо было с тобой порвать».*

Но сейчас перед ней открылась возможность, значительно превосходящая ограничения Джейса. Она встретила *группу*. Группу *друзей*. Сегодняшний день стал для нее откровением, показавшим, на что способны друзья. Если их

правильно использовать, то друзья были как зомби, только лучше. Они спасали тебе жизнь, потому что *хотели*, а не потому что должны были.

Чего она могла бы добиться с такими могущественными друзьями? Что могла бы захватить, что заполучить? От этих мыслей на лице Лилианы заиграла улыбка. Да, они не станут подчиняться ее прямым приказам, но разве это имело значение? Джейс по сравнению с ней был всего лишь ребенком. Они все были детьми. Ни у кого из них не было за спиной многовекового опыта. Никто не прикасался к такому могуществу, каким владела она, — ни теперь, ни раньше, — и ни у кого не было ее безжалостности и целенаправленности.

Лилиана не знала, куда подевался Человек-Ворон. Его следов не было ни в ее голове, ни снаружи. Кольчужная Завеса вела себя смирно. Сегодня Лилиана получила исключительно болезненный урок, показавший, насколько это ненадежное оружие. *«Но когда у меня будет своя собственная Стража, чтобы лечить после каждого использования...»* Впрочем, об этом пока рано было думать. Но ей понравилось, как это звучит. *«Моя собственная Стража».*

Гидеон насел на Тамиё и что-то пытался ей втолковать. Ученая из лунного народа выглядела так, будто ее тошнит, и Лилиана не могла ее винить. На Гидеона было приятно посмотреть, но умом его превосходили даже некоторые зомби. Сейчас он говорил что-то о Страже, о том, что они только начали свои добрые дела, и не хочет ли Тамиё делать добрые дела с ними вместе? Та отрицательно помотала головой. Ее испуганные глаза были широко раскрыты. Эта волшебница разума тоже оказалась слишком хрупкой. Бесполезная, как и Джейс.

Джейс глядел на нее, и в его глазах до сих пор было это щенячье выражение. *«Да определись ты уже, мальчик!»* Лилиана подавила раздражение. Ей сейчас нужен был он и его щенячьи повадки.

— Гидеон! — голос Джейса прозвучал тонко, но убедительно. Они тихо говорили друг с другом, и Лилиана следила, чтобы на ее лице не проявилась улыбка. *«Давай, Мальчик в Плаще. Ты будешь мямлить, запинаться, но ты так искренне желаешь мне помочь, что уговоришь его».* Было видно, что Гидеон этому не рад. Хотя Лилиана была не уверена, что он хоть чему-то бывает рад. *«Тебе надо наслаждаться своей юностью и привлекательностью, пока они у тебя есть. Ну почему дети такие глупые?»*

В конце концов красавчик подошел к ней. Он начал и ей рассказывать что-то о добрых делах, но Лилиана слушала его вполуха, размышляя над своей клятвой. Ее слова надо было тщательно продумать. Нарочито искренняя или слишком слащавая речь вызвала бы подозрения — а это усложнило бы задачу в будущем. Слишком много цинизма или откровенности — и все подозрения мигом подтвердятся. Нужен был осторожный подход: самая капелька цинизма, но очевидно благие намерения.

Когда Гидеон предложил ей произнести слова, она была готова.

Клятва Лилианы | Иллюстрация: Уэсли Берт

— Я вижу, что вместе мы могущественнее, чем поодиночке. Если так я смогу исполнить, что должна, не полагаясь на Кольчужную Завесу, то я буду нести стражу. Довольны?

Она произносила клятву с намеком на улыбку — но лишь с намеком. К тому же ее удовольствие было неподдельным. Самая лучшая ложь всегда содержит толику правды. Так в нее легче поверить.

Итак, она присоединилась к Стражам. Будущее в ее голове было светлым и полным возможностей.

Джейс

Джейс выбился из сил. Это был самый длинный день в его жизни, и теперь он просто хотел спать — погрузиться в сон без снов и каких-либо мыслей.

Но сначала надо было кое с кем поговорить.

Он нашел ее на самой окраине Трейбена, среди развалин маленькой церквушки. Во всем городе уцелело лишь несколько зданий, и эта церковь не вошла в их число.

[Заброшенное Святилище](#) | Иллюстрация: [Винсент Прос](#)

Она просто сидела, скрестив ноги и закрыв глаза. Джейсу было неловко прерывать ее в столь интимный момент. Но он должен был знать.

— Тамиё... Ты... я могу?.. — Джейс не знал, как задать этот вопрос. Тамиё открыла глаза, и на ее лице все еще было выражение болезненного ужаса, не сходившее с тех пор, как они закончили заклинание.

— Что случилось, Тамиё? Ты была рядом, мы слились сознаниями, а потом... тебя не стало. Ты пропала. Что с тобой случилось?

Не меняя позы, Тамиё заплакала. Слезы капали из ее глаз, одна за другой. *Кап-кап* — разбивались они о каменные обломки.

С трудом, запинаясь, она начала говорить.

— Нисса упала. Заклинание вот-вот разрушилось бы. Я не знала, что делать, как помочь.

Джейс удивился.

— Так это Нисса дала мне силу? Это впечатляет. Я думал, что это ты и твой второй свиток.

Тамиё взглянула на него со смесью печали и насмешки.

— Нет. Ты не понимаешь. Это была я. И второй свиток. Он дал тебе энергию.

— Но это же замечательно! Ты спасла нас! Спасла весь Иннистрад... и вообще все! Ты расстраиваешься, потому что это был свиток в железе? Тот, что ты не хотела открывать?

— Да помолчи ты, Джейс! Замолчи и дослушай. Это была *не я*. Это... она... она захватила меня. Понимаешь? Это была *не я!* Я была там, я в своем собственном теле беспомощно глядела, как она меня захватила. Мои глаза, мои руки, мой голос — все это стало ее. Они перестали меня слушаться!

Тамиё тихо всхлипывала.

Джейс вспомнил, что сказала ангел, когда его шахматные фигуры начали резать и убивать друг друга. — *Все фигуры — мои, Джейс Белерен. И всегда были. Просто я больше не хочу играть.*

— Я... извини, Тамиё. Я не знаю...

— Но это было не самое плохое. Свиток, который я раскрыла... Второй свиток. Ты прав. Я не должна была открывать его. Это обещание я дала давным-давно, и когда-нибудь мне придется ответить за то, что я его нарушила. Но заклинание, которое она прочитала... это было не то заклинание, что хранил свиток. В ее руках заклинание стало иным!

Эмерия. *В руке ангела появилось длинное стило, и она начала что-то писать в свитке.* Джейс задрожал.

— Заклинание изменилось! Как она это сделала? Как она могла это сделать?

Судя по голосу, Тамиё была на грани паники.

— Чудовищная тварь захватила мое тело и прочитала свиток, несущий гибель всему живому в этом мире... но вместо этого заклинание дало тебе силы, чтобы ты пленил ее на луне. Как это случилось, Джейс? Почему это случилось? Что мы натворили?

Я... я не знаю, — Джейс не знал, что еще сказать ей. Ей — или себе.

Тамиё глубоко вдохнула.

— Я уже говорила тебе, Джейс. Рано или поздно всякая история заканчивается. Каждый из нас старается продлить свою историю, невзирая на цену. Но что, если все эти истории — всего лишь *ее* история? Что, если мы сыграли свою роль в чудовищной пьесе, и кульминация — еще впереди?

Тамиё посмотрела на луну.

— Мы в самом деле победили? — голос Тамиё был уже не испуганным, а печальным.

Джейс не знал, что ответить. Через некоторое время Тамиё взлетела и растворилась в темном небе. Они ничего не сказали друг другу на прощание.

Джейс еще долго не поднимался с места. Он смотрел на луну, на ее светлый серебряный диск с ярко сверкающим знаком — свидетельством свершений Стражи. В глубинах этой луны скрывалось самая могущественная и разрушительная сила, с которой им пришлось столкнуться. Слова ангела ранили его, словно кинжалы несбывшегося грядущего. *«Все не так. Я незакончена, неполна, несовершенна. Должны быть цветы, а не пустое отторжение. Почва не готова. Мое время не пришло. Пока не пришло».*

По спине мага бежали мурашки. *«Мое время не пришло. Пока не пришло».* Джейс отвел глаза от луны и отправился на поиски безопасного места, чтобы забыться сном.